

מסכת
התעוררות
המדינה

אברהם פלד

התעוררות
המדינה

SHOUT
SHARE

IT

Annotation

В этой книге откровений бывалого журналиста — более восьмидесяти драматических, экзотических и комических эпизодов личной судьбы, собранных за полвека странствий по свету и размышлений об увиденном. Как я выжил в блокадном Ленинграде, ловя на рыболовный крючок бездомных кошек. Как меня едва не расстреляли жители глухого китайского села, приняв за диверсанта. Как в Тибете, где интимная близость с чужеземцем ценится превыше всего, меня приглашала во временные мужья местная герцогиня. Как я выращивал жемчуг в Японии. Как получил приз за вальс на балу в Венской ратуше. Как стоял рядом с филиппинским хилером, пока тот сделал голыми руками тридцать операций. Надеюсь, что в этом потоке воспоминаний отразились и многообразие мира, и дух времени, и личность автора.

- **Всеволод Владимирович Овчинников**

- Часть 1. О времени и о себе
- Часть 2. Русский с китайцем...
- Часть 3. У корней солнца
- Часть 4. Запад — дело тонкое
- Часть 5. Вокруг света
- Эпилог

Всеволод Владимирович
Овчинников
Калейдоскоп жизни

Часть 1. О времени и о себе

Юный блокадник

Мне было суждено пропустить через свою личную судьбу три четверти двадцатого века. Оглядываясь на прожитое, я порой спрашиваю себя: какой же момент моей жизни был самым радостным, самым незабываемым? И тогда, кроме общего праздника моего поколения — Дня победы, — я вспоминаю Первوماй 1945 года.

Да, таким моментом для меня является незаслуженно забытый историками первوماйский парад на Дворцовой площади в Ленинграде за восемь дней до конца войны. Я, девятнадцатилетний курсант высшего военно-морского училища, стоял в парадном расчете перед фасадом Зимнего дворца, который только что обновили пленные немцы.

Потом в моей жизни было пять памятных парадов на Красной площади. Но ни разу так не трепетала, так не пела душа, как в питерский Первوماй 45-го, когда мои соотечественники в далеком Берлине подняли над Рейхстагом знамя Победы. Это был поистине победный триумф для моего родного города, воскрешенного после 900 дней блокады.

Я родился, вырос и пережил блокаду в Ленинграде. Наш серый шестиэтажный дом, построенный еще в дореволюционные годы, стоит на Фонтанке напротив Никольского переулка, что ведет к собору Николая Угодника, чтимому военными моряками. Чуть правее по Фонтанке начинается Измайловский проспект.

Величественную красоту Северной столицы я увидел и оценил глазами моего отца — Владимира Овчинникова, архитектора по профессии и поэта по призванию, который не только построил в родном городе несколько зданий, но и ставил там в 20-х годах прошлого столетия свои пьесы, выпустил сборник стихов.

У отца были излюбленные маршруты, по которым он водил нас с братом гулять. Например, по Вознесенскому до Исаакиевского собора, потом к Медному всаднику и по Неве до Зимнего дворца. Или по Садовой до Невского, оттуда к Казанскому собору, а затем на Площадь искусств, к Русскому музею и Филармонии.

Мне было четыре года, когда две бабушки воспользовались тем, что мои родители отдыхали в Кисловодске, и отправились меня крестить. До Никольского собора я дошагал сам.

Инициатором затеи и крестной матерью была школьная подруга мамы — оперная солистка Софья Преображенская, обладательница известного тогда всей стране меццо-сопрано. Держать на руках перед купелью упитанного четырехлетнего мальчугана ей, наверное, было нелегко.

Благодаря крестной матери, я с дошкольных лет приобщился к классической музыке. «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Садко», «Руслан и Людмила», «Конек-Горбунок», «Спящая красавица», «Щелкунчик» — большинство популярных детских сказок я впервые воспринял в музыкально-сценическом исполнении. Словом, архитектурные шедевры Ленинграда, оперы и балеты Мариинки во многом повлияли на формирование моего духовного мира.

Мы жили в отдельной квартире, что тогда было редкостью. Выглядел я в довоенные годы, как типичный «гогочка» — так именовали тех, кого нынче сочли бы «ботаником». Однако несмотря на свою бархатную курточку с бантом, я дружил во дворе с мальчишками, таскал им из отцовского шкафа «Королеву Марго» и «Остров сокровищ».

С четвертого класса я с увлечением коллекционировал марки и пешком ходил в единственный филателистический магазин на Невском. Тратил на марки все, что мать давала на школьные завтраки. Но денег не хватало. И вот однажды я решился встать вместе с нищими на паперти расположенного поблизости от дома Троицкого собора. Вид прилично одетого мальчика в пальто с меховым воротником и ушанкой в дрожащих руках потряс прихожан. (Как-никак шел 37-й год!) За полчаса я собрал больше, чем все остальные страждущие. Но на беду партнерши бабушки по преферансу опознали меня. Пришлось поклясться ей, что никогда в жизни больше не буду просить подаяния.

Учился я, как и жил, на Фонтанке, в 264-й неполной средней школе напротив Египетского моста. Война началась ровно через три недели после выпускного вечера в нашем седьмом «А». Первые записки девочкам сменились дежурствами на крыше, которые дали повод показать свою отвагу при тушении зажигательных бомб. На школьном фасаде появилась надпись: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

Поначалу все это выглядело романтично. Но сентябрьское зарево над Бадаевскими продовольственными складами означало, что судьба уготовила нам нечто пострашнее бомбежек и обстрелов. Из двадцати четырех моих одноклассников до весны 42-го дожили лишь семеро. Организм пятнадцатилетних мальчишек оказался особенно уязвимым для вызванной недоеданием дистрофии.

Как же удалось нашей семье пережить голод? Во-первых, мама каждое лето варила много варенья из клубники, малины, смородины. И с весны закупала сахар, чтобы, привезя с дачи ягоды, не бежать в магазин. Когда началась блокада, у нас было 12 килограммов сахарного песка — неслыханное богатство! Во-вторых, отец строил для известной обувной фабрики «Скороход» санаторий на озере Омчино, заказывал какой то артели «буржуйки» для рабочих бытовок. И когда началась война, успел купить одну для себя.

Ведь блокада означала для ленинградцев не только голод. Когда в многоэтажных городских домах вышли из строя отопление и освещение, водопровод и канализация, остановились лифты, жизнь в них стала невыносимой. Поэтому осенью мы переехали к тетке на Петроградскую сторону, с шестого этажа на второй. (Еще повезло, что успели добраться с чемоданами и узлами на трамвае, ибо весь общественный транспорт к зиме оказался парализован.) Тетка отдала нам тринадцатиметровую комнату, где отец с матерью спали на кровати, мы с братом — на диване, а у окна поставили «буржуйку».

Отец, которому шел пятьдесят третий год, служил в аварийно-восстановительном полку. Он руководил расчисткой завалов после налетов, а также занимался защитой от бомб и снарядов исторических реликвий, вроде Медного всадника или античных статуй в Летнем саду. Через день он ночевал дома и каждый раз приносил в противогазной сумке по три полена.

Но когда начались морозы, этого не хватало. Пришлось ходить за топливом в свою квартиру на Фонтанке. До сих пор поражаюсь, как я умудрялся проделывать пешком такие расстояния! От Большой Пушкарской надо было пройти весь Кировский проспект, подняться на мост через Неву, пересечь Марсово поле, обогнуть Инженерный замок, выйти на Садовую, проследовать вдоль Гостинного двора к Сенной площади и, наконец, по Вознесенскому добраться до Фонтанки. А там на шестом этаже надо было распилить очередную пару стульев или этажерку, привязать дрова к детским саночкам (на которых тогда в Ленинграде чаще всего возили трупы) и спешить в обратный путь, ибо зимой темнеет рано.

Нам повезло: в соседнем дворе оборудовали водоразборную колонку. Таская ведра с водой и вынося параши, я всякий раз радовался, что второй этаж лучше, нежели шестой. Кстати, из-за того что полуживые жильцы выливали нечистоты прямо во дворе, под нашими окнами, из них к весне образовались торосы в рост человека.

Мы выжили потому, что каждый день ели горячий суп, а

утром и вечером пили сладкий чай. Главное же — мы с братом изловчились ловить на рыболовный крючок бездомных кошек. Накинув на добычу холщовый мешок, несли ее в соседний госпиталь. Сердобольные медсестры прямо через мешковину делали кошке усыпляющий укол, после чего ее можно было освежевать. Каждую тушку ели дней десять, а из обглоданных костей варили студень.

Когда, грея руки об остывающую «буржуйку», мы коротали вечера при тусклом свете коптилки, нашей единственной связью с внешним миром был громкоговоритель. Голос ленинградской поэтессы Ольги Берггольц, записи концертов из филармонии и спектаклей из Мариинки придавали нам силы. Когда 7 ноября 1941 года мы слышали трансляцию состоявшегося накануне в Москве торжественного собрания, когда узнали о том, что в этот день на Красной площади как всегда прошел военный парад, это поистине было для нас согревающим лучом надежды в холодной тьме.

Наступила весна. Холод и темнота отступили. Мать стала класть в суп собранную на пустырях лебеду. А нас, выживших старшеклассников, школа отправила за город сажать картошку. Мы отрезали и совали в землю лишь верхушку клубня, а остальное тут же с наслаждением съедали. Мой сосед по палатке, прямо как чукча из современного анекдота, по ночам выбирал из борозды посаженные накануне картофельные глазки. А ведь никто нам не говорил, что сырой картофель — лучшее средство от цинги.

Обстрелы и бомбежки продолжались, но их как-то перестали замечать. Ведь голод ежедневно косил стократно больше людей. Однажды мама сидела на подоконнике и мыла лебеду. Я в чулане за кухней искал в темноте бутылку с керосином и позвал ее на помощь. Через несколько секунд после того, как мать подошла, в подоконник угодил снаряд. Он пробил пол и разорвался между этажами. Нас слегка оглушило и обсыпало штукатуркой. Но куда больше испугался отец, когда, подойдя вечером к дому, увидел под нашим окном пробоину.

Блокаде не было видно конца. И зимовать второй раз в осажденном городе мы не решились. Дождливый осенним днем 42-го нас по Ладожскому озеру вывезли катером на Большую землю. Пока добирались эшелонам до Сибири, из нашей теплушки не раз выгружали трупы попутчиков, скончавшихся от дистрофии.

Вывезли нас из поезда между Тюменью и Омском. Да еще везли на грузовике километров сто к северу от железной дороги. В селе Плетнево Юргинского района Омской области нам отвели избу-пятистенку, что пустовала с тех пор, как ее владельцев раскулачили во время коллективизации.

Мать быстро освоилась с русской печью и колодцем. Труднее было привыкнуть к неожиданным визитам соседей. Они отказывались проходить в дом и молча грызли семечки в дверях, дивясь тому, что «городские едят как собаки — каждый из своей миски». Впрочем, основной темой общения вскоре стал обмен привезенных нами вещей на продукты. И тут мы научились сбивать местных жителей с толку, прося за понравившуюся им кофту «три ведра картошки, два кило муки и полсотни яиц». Привести же все это к какому-то привычному знаменателю было для покупателей непосильной задачей.

Понимая, что таким обменом долго не проживешь, мать устроилась в МТС сушить чурки для газогенераторных тракторов. А мне предложили должность счетовода в соседнем колхозе «Трудовик». Там был позарез нужен грамотный человек, хотя бы для отчетности перед районным начальством, которому постоянно требовались какие-то сведения. Меня соблазнили оплатой не в трудоднях, а в натуре: ежемесячно пуд муки, шесть пудов картошки да еще крынка молока каждое утро. Пришлось поселиться в соседней деревне у крепкой старухи, которая пекла мне в русской печи шаньги с картошкой и топила баню по-черному.

Так ленинградский подросток, не имевший ни малейшего представления о сельском хозяйстве, в шестнадцать лет оказался главным кормильцем семьи, стал ответственным за экономику и финансы трех сибирских деревень. Моей главной задачей было отбиваться от уполномоченных, тщетно пытавшихся дать очередной нагоняй председателю колхоза (приходилось говорить, что тот с утра уехал в поле, хотя на самом деле прятался за домом в бане). Набравшись у меня цифр и фактов, уполномоченные уезжали. А мне оставалось составлять и передавать по телефону в район очередные сводки: «Отчет о ходе взмета паров, прополки и сенокоса», «Отчет о ходе уборки колосовых, сева озимых и вспашки зяби», «Отчет о состоянии поголовья скота и его продуктивности».

Зимой отчетность осложнило чрезвычайное происшествие. Жертвами нападения волков на скотный двор стали две овцы. Сибиряки намеревались сжечь их как падаль. Но я попросил отдать промерзшие тушки мне. Положил на санки охапку сена, сверху привязал овец и субботним утром отправился порадовать

мать и брата бараниной. Надо было пройти три километра через перелески. И тут на дорогу вышли три волка, привлеченные запахом крови. Они были похожи на больших овчарок, но как-то необычно поджимали хвосты. Вокруг не было ни души. К счастью, с собой оказались спички. Стал поджигать сено и бросать его на дорогу. Запах дыма хищникам не понравился, и они отстали.

Местные жители относились ко мне, блокаднику, приветливо и сочувственно. Женщины-солдатки — по-матерински. Когда я приходил к дояркам записывать показатели, они наливали мне ковш сливок, от которых я хмелел и тут же засыпал. У девчат был интерес иного рода, поскольку все парни старше 16 лет ушли воевать. Однажды зимой председатель послал меня на совещание в район с заведующей молочной фермой. Это была 26-летняя Клава с фигурой олимпийской чемпионки по толканию ядра.

Мы запрягли в сани председательского мерина Серко, накрылись меховым пологом и поехали через заснеженный лес. И вот среди этого белого безмолвия, этой сказочной благодати, девица принялась меня тормозить. Мне было щекотно, я не понимал, в чем дело. И своей индифферентностью так разозлил соседку, что та своим могучим бедром вытолкнула меня из саней. Проваливаясь в снег, я долго брел по лесу один, пока меня не подобрала попутчики.

После этого обо мне стали петь частушку:

Вот так вот, счетовод, много понимает...

Пятью пять-двадцать пять. Дважды два-не знает!

Словом, невинности в Сибири я так и не лишился. Зато через полгода настолько овладел двойной бухгалтерией, что за сотню яиц составлял годовые балансы соседним колхозам. Одновременно учился в районной школе, где заочно окончил восьмой и девятый классы, начал учиться в десятом. Но в ноябре 43-го нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Провожать меня вышли все три деревни. Причем женщины по традиции «выли в голос», так что когда процессия проходила мимо нашей избы, я лишь издали махнул матери рукой.

Гардемарины на Невском

Итак, в ноябре 1943 года нас, семнадцатилетних, призвали в армию. Отправили в 12-й Отдельный учебный стрелковый полк Сибирского военного округа, в город Каинск, куда в царские времена ссылали за убийства. Наш противотанковый артдивизион

размещался в старинном остроге: батареи в общих камерах, а сержантский состав — в одиночках. К счастью, тюремных нравов в этих зловещих стенах не было и в помине. Наоборот, царила атмосфера, которую можно назвать «дедовщиной наоборот».

Мои сверстники — сибирские парни, как и старослужащие — сержанты-фронтовики, относились ко мне, ленинградцу-блокаднику, еще не оправившемуся от истощения, с трогательной заботой. Не разрешали толкать плечом пушку, таскать ящики со снарядами и вообще перенапрягаться. Зато мне поручали выступать от дивизиона на комсомольских активах или полковых митингах — вроде того, что проводился по случаю встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране.

Весной 1944 года я окончил полковую школу и готовился отправиться на фронт как командир 45-миллиметровой противотанковой пушки. С этим «оружием самоубийц» у меня было немного шансов дожить до конца войны. Но тут пришел приказ Верховного главнокомандующего откомандировать из строевых частей в военные училища всех новобранцев со средним образованием или мобилизованных из десятого класса.

Так я снова оказался в родном Питере, в военно-морском училище, что поныне находится в Адмиралтействе. Нашими кумирами были персонажи Станюковича, наследники традиций парусного флота с их обостренным чувством долга и чести. Этим благородным щеголям мы стремились подражать и внешне, фетишизируя каждую деталь военно-морской формы.

Чтобы брюки казались более расклешенными, мы натягивали их на фанерные клинья. Тельняшки и суконные форменки ушивали так, что они одевались с трудом, как джинсы у современных женщин. Дабы не выглядеть салагой, было принято до голубизны вытравливать хлоркой матросский воротник. Шинель укорачивали почти до колен, а ленточки на бескозырке наоборот удлиняли. Зато когда лощеный гардемарин с палашом выходил на Невский, все девушки, как нам казалось, провожали его восхищенными взглядами.

Для меня эта морская романтика была особенно разительным контрастом. Как уже упоминалось, в сибирской полковой школе, где я начинал военную службу, наша батарея занимала общую камеру старинного острога. Кормили же нас в крытом тюремном дворе. Щи подавали в ведрах, а кашу с консервами — в больших банках от американской тушенки. Каждый носил в противогазной сумке эмалированную миску, а за поясом — алюминиевую ложку. И вот я, сержант-артиллерист в обмотках, попадаю под своды Адмиралтейства, где в обеденном зале все как в мирное время — белые скатерти, фарфор, столовые приборы.

Призванный в 1943 году из десятого класса, экзамены на аттестат зрелости я сдавал уже в Ленинграде, на подготовительном курсе. А поскольку получил одни пятерки, мог выбрать любое училище. И не использовал шанс обрести хорошую гражданскую специальность инженера-кораблестроителя лишь потому, что тогда пришлось бы как медику или интенданту носить на погонах серебряные якоря. Лишь курсанты училищ, готовивших офицеров плавсостава, ходили с золотыми, что в мои девятнадцать лет казалось важнее всего.

В выходные дни гардемарины с золотыми якорями танцевали в левой части Мраморного зала на Васильевском острове. Надо сказать, что ленинградки 40-х годов отлично разбирались в знаках отличия и особенностях морской формы. Например, танцуя с гардемаринном, девушка никогда не клала левую руку на девственно чистый матросский воротник, а старалась поместить пальцы под него, что к тому же усиливало ощущение близости партнеров.

На танцевальных вечерах мы привыкли сознавать себя самыми желанными кавалерами. Но кроме юношеского снобизма было в нас и некое донкихотство. Мы, четверо сокурсников, высматривали у входа в зал девушек, весь вечер бесплодно прождавших, что кто-нибудь обратит на них внимание. И приглашали их на три заключительных танца. Причем всякий раз происходила сказочная метаморфоза. Невзрачные создания как бы расцветали изнутри. Их засиявшие глаза совершенно преображали внешность. Появлялось даже желание завязать очередной роман. Но мы исчезали столь же внезапно, как появлялись. Ибо, подобно Золушке, должны были вернуться к 23.45, то есть быть в училище за четверть часа до полуночи.

Однажды весной наш курс на месяц лишили увольнений. Можно было только звонить родным и знакомым по телефону-автомату. А моя девушка настаивала, чтобы я непременно пришел поздравить ее с днем рождения. Дескать, знакомый ее подруги из Военно-морского медицинского училища бывает в городе почти каждый день. Вместе с приятелем, услышавшим такие же упреки, мы решили сбежать в самоволку.

Фасад Адмиралтейства, обращенный к Зимнему дворцу, тогда ремонтировали пленные немцы. И вот они, как и многочисленные прохожие, с изумлением увидели двух гардемариннов с палашами, которые спускались с третьего этажа по строительным лесам. Мы благополучно навестили своих знакомых и к вечерней поверке вновь встретились в Александровском саду.

Попробовали нахально войти через проходную. Авось

старшекурсник на посту не поднимет шума. Но на беду рядом с ним оказался дежурный офицер. Мы кинулись бежать через Дворцовую площадь. Лейтенант кричал нам вслед и стрелял в воздух из пистолета. Приятель устремился к арке Главного штаба, где его задержали прохожие в военной форме. А мне удалось добежать до Эрмитажа и скрыться в одном из подъездов.

Даже в два часа ночи в Питере все еще было светло, и я увидел возле проходной усиленные патрули. Тогда я вышел на Неву к одной из арок Адмиралтейства. Створки ее ажурных ворот сходились под небольшим углом. Так что между ними и натянутой сверху колючей проволокой оставался зазор. Без труда поднялся по чугунному кружеву, но зацепился за проволоку. Пришлось вылезать из собственных брюк. Впрочем, одежду надо было все равно снять, чтобы запрятать ее в галюне и потом частями перетаскать в казарму. Дабы скрыть мое отсутствие, друзья сделали на койке куклу из одеяла. Ну а пойманный одноклассник разумеется меня не выдал, хотя получил за это максимальный срок гауптвахты.

После дизельного факультета я мог стать командиром подводной лодки. А мой однокурсник Владимир Чернавин даже дослужился до Главнокомандующего Военно-морским флотом СССР. Но на третьем семестре кто-то обратил внимание, что при стрельбе из пистолета я щурюсь. Проверили зрение — выявили близорукость (последствие блокадной дистрофии). А носить очки считалось неприличным для морского офицера. Начальник училища иронично изрек: «Овчинка выделки не стоит!»

Обладателя фамилии Овчинников подобный каламбур отнюдь не веселил. С трудом выхлопотал направление в Москву, на морской факультет Военного института иностранных языков. Но там меня в середине года никто не ждал. Тем более что после войны ВИИЯ был даже более элитарным заведением, чем нынче МГИМО. Туда брали генеральских детей да мастеров спорта.

Еле уговорил зачислить меня до вступительных экзаменов в караульную роту: день стоишь часовым, день драишь галюны. А впереди — сочинение, английский, история.

Сдал все на пятерки. Но приняли совсем не поэтому. А потому, что я сам попросил зачислить меня на китайское отделение. Невесть откуда проявленная дальновидность предопределила мою дальнейшую жизнь. В 1947 году в ректорате лежало 17 заявлений от первокурсников-китаистов со слезными просьбами перевести их на любой другой язык. Не только из-за трудностей иероглифики. Казалось, что китайская революция на грани поражения, и самый трудный язык никому не хотелось учить. Поэтому мое заявление использовали для воспитательной

работы. Вы, мол, дезертируете, а люди сами просятся...

Через два года в гражданской войне между Чан Кайши и Мао Цзэдуном произошел перелом, была провозглашена Китайская Народная Республика, и моя профессия вдруг стала самой модной. Вплоть до того, что журнал «Новый мир» в 1950 году опубликовал мою дипломную работу «Советская литература в Китае».

Вскоре после этого меня на выпускном курсе прикрепили переводчиком к одной из первых делегаций из Пекина. В программе было посещение «Правды». Ее тогдашний главный редактор Леонид Ильичев и один из основателей компартии Китая Линь Боцуй оба слыли философами и изощрялись в остроумии. Шуток гостя я часто не понимал, а остроты хозяина не знал как перевести. Но смело импровизировал, так что собеседники остались в восторге друг от друга и от моих языковых способностей. Ильичев заметил: «Вы неплохо знаете Китай. Никогда не пробовали сами писать на дальневосточные темы?»

Я рассказал о статье в «Новом мире». Ильичев попросил принести ему номер. В итоге появился приказ министра обороны Малиновского: «Откомандировать старшего лейтенанта Овчинникова в распоряжение главного редактора “Правды”». Так определилась моя судьба на последующие сорок лет. Я ушел из своей журналистской альма — матер весной 1991-го, за несколько месяцев до ГКЧП.

Творческое кредо — «грамматика жизни»

В 50-х годах я семь лет был корреспондентом «Правды» в Китае, в 60-х — семь лет в Японии, в 70-х — пять лет в Англии. Написал об этих странах шестнадцать книг, разошедшихся общим тиражом в семь миллионов экземпляров.

Поскольку в любой стране автор после уплаты налогов получает не менее доллара с каждой проданной книги, зарубежные коллеги были убеждены, что подобный коммерческий успех принес мне не менее семи миллионов долларов.

Но, во-первых, интеллектуальная собственность у нас недооценивалась. В советские годы я получал не по доллару, а по две копейки за экземпляр. Да и эти 140 тысяч брежневских рублей после гайдаровской инфляции превратились в 43 американских доллара. Так что ни яхты, ни виллы у меня нет. Человек, входивший в первую десятку журналистов-международников страны, оказался в категории «новых бедных»...

После путча «Правду» закрыли, а новый руководитель Гостелерадио — демократ первой волны — отстранил меня от воскресной «Международной панорамы», где я тринадцать лет был одним из ведущих.

Пришлось на четыре года уехать в Китай как бы в сахаровскую ссылку — принять приглашение агентства «Синьхуа» на черновую работу в его русской службе. Спасибо «Российской газете», которая предложила писать для нее из Пекина, а потом взяла в штат обозревателем, каковым я являюсь и поныне.

Когда прошла прозападная эйфория козыревского периода, была реабилитирована и моя репутация одного из ведущих востоковедов. Меня включили в состав Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития, а также Российско-японского комитета XXI века.

Но вернусь к старым временам. Я проработал в газете почти двадцать лет, написал три книги о Китае и три книги о Японии, когда ощутил некое чувство неудовлетворенности от традиционного журналистского жанра. Захотелось рассказать читателям не только об актуальных политических, экономических и социальных проблемах данной зарубежной страны, но и о той почве, в которой эти проблемы коренятся, о той атмосфере, в которой они прорастают, развиваются и вызревают.

После возвращения из Токио в Москву я опубликовал в журнале «Новый мир» книгу «Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы». Именно ее можно считать воплощением моего творческого кредо: убедить читателя, что нельзя мерять чужую жизнь на свой аршин, нельзя опираться лишь на привычную систему ценностей и критериев, ибо они отнюдь не универсальны, как и грамматические нормы нашего родного языка. Попытка создать путеводитель по народной душе, сформулировать «грамматику жизни», дабы объяснить незнакомую страну через ее народ, была новшеством для нашей тогдашней публицистики. Но дело не только в своеобразии замысла. И не только в том, что «Ветку сакуры» впервые опубликовал Александр Твардовский, когда выход каждого номера его столь же опального, сколь и популярного «Нового мира» становился событием в духовной жизни страны. Хотя оба этих обстоятельства, безусловно, усилили редкий для журналистской книги резонанс.

Главной причиной поразительной для самого автора популярности «Ветки сакуры» стало другое. Читатель воспринял это произведение как призыв смотреть на окружающий мир без предвзятости, без идеологических шор. Самой большой в моей жизни похвалой были тогда слова Константина Симонова: «Для

нашего общества эта книга — такой же глоток свежего воздуха, как песни Окуджавы...»

Но именно поэтому «Ветка сакуры», а десять лет спустя «Корни дуба» вызвали нарекания идеологических ведомств. Обеим книгам досталось по полной программе: приостанавливали подготовку к печати, рассыпали набор, требовали изменений и сокращений. Пришлось кое в чем пойти на компромиссы.

В Японии «Ветка сакуры» стала бестселлером. (Жаль лишь, что СССР не был участником Конвенции об авторском праве и издатели ничего мне не заплатили.) Даже британцы, скептически относящиеся к попыткам иностранцев разобраться в их национальном характере, встретили английское издание «Корней дуба» весьма благосклонно.

Однако это укрепило позиции не автора, а его критиков. Дескать, идейные противники СССР не случайно ухватились за эти писания, ибо присущая им идеализация капиталистической действительности, отсутствие классового подхода льют воду на их мельницу. Таков был официальный вердикт для обеих книг. Лишь в 1985 году, после неоднократно отклоненных представлений, дилогия «Сакура и дуб» была удостоена Государственной премии в области литературы.

Мы часто повторяем слова поэта: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Вступая в эпоху глобализации, нам надо осознать, что такого «общего аршина» не должно быть и при подходе ко всем другим народам. Именно эта истина позволяет моим книгам сохранять актуальность.

Новогоднее дежурство новичка

Итак, осенью 1951 года меня, выпускника Военного института иностранных языков, взяли в «Правду» как китаиста с перспективой работать в Пекине. Подошел Новый год. И самого молодого правдиста, литсотрудника отдела стран народной демократии, естественно, поставили дежурить на праздник.

Еще со времен Марии Ильиничны Ульяновой было принято за полчаса до полуночи собираться в конференц-зале, дабы выпить с главным редактором по бокалу шампанского. Эта давняя традиция всегда служила ширмой для подпольных пирушек по кабинетам.

Так было и теперь. Собрались сначала все международники, потом все соседи по третьему этажу. В конференц-зал пришли последними и весьма навеселе. Почти все места были заняты. И

какой-то шутник посоветовал мне: «Садись рядом с главным, ведь это будет неофициальная встреча». Вошел Леонид Ильичев. И увидел, что на месте его первого заместителя уселся, можно сказать, новобранец. Он тут же понял причину подобной фамиллярности и как человек с юмором, любивший проверять людей в неординарных ситуациях, сказал: «В отличие от прошлых лет, с новогодним тостом на сей раз выступит не главный редактор, а самый молодой член нашего коллектива. А коль скоро он востоковед, пусть произнесет свою речь по-китайски и переведет. Пожалуйста, товарищ Овчинников».

Я разом протрезвел и бойко начал. По-китайски можно было говорить что угодно. Но что сказать по-русски? Начал с того, что 1951 год ознаменовался созданием отдела стран народной демократии. И предложил выпить за то, чтобы он из года в год рос и в конце концов стал единственным из международных отделов.

Ильичев приветливо кивнул. Считай, мол, что выдержал экзамен. После этого мы на радостях продолжили подпольное празднование. Я в конце концов заснул у себя на диване (тогда они стояли во всех кабинетах, ибо газета нередко выходила под утро).

Среди ночи меня разбудила курьерша: первую полосу переверстали, так как неожиданно пришло новогоднее приветствие Сталина японскому народу. Надо было сокращать и заново вычитывать мою колонку «В странах народной демократии». Газета вышла лишь на рассвете.

«Всю жизнь будешь теперь вспоминать эту Страну восходящего солнца!» — пошутил выпускающий. И оказался пророком. Ссора между Мао Цзэдуном и Хрущевым заставила меня перекалфицироваться с Китая на Японию. Через десять лет после описанного эпизода я поехал работать в Токио. А через двадцать лет коллеги знали меня уже не как китаиста, а прежде всего как автора «Ветки сакуры».

<i>Берия обо мне: «Разобраться и наказать»</i>

Военный институт иностранных языков готовил кадры для Генерального штаба. Знания языка и страны я получил хорошие. А вот о профессии журналиста не имел понятия. Пришлось изучать газетное дело буквально с азов, на рабочем месте.

Впрочем, я не был исключением. Среди молодых международников практически не было выпускников факультетов журналистики. В газету предпочитали брать страноведов, то есть

людей со знанием языков и регионов. Ну а журналистские навыки надо было обретать на практике. К примеру, я, китаист, который потом стал еще и японистом, должен был держать в поле зрения Дальний Восток, тогда как арабист Евгений Примаков занимался Ближним Востоком. Были у нас профессиональные индологи, германисты, американисты.

Всем нам до выезда за рубеж надо было научиться делать газету, то есть дежурить по номеру — сначала в паре с более опытным коллегой, а потом и самостоятельно. Дежурный по отделу отвечал за все, в том числе и за орфографию, хотя она, строго говоря, входила в компетенцию корректуры.

Всех нас глубоко потряс трагический случай с ветераном-правдистом, который работал в газете с 30-х годов. В его дежурство шла статья о войне, где цитировался приказ Верховного Главнокомандующего. Линотипист на беду пропустил букву «л» в слове «Главномкомандующий». Получилось нечто весьма неблагозвучное.

Ошибку прозевали и корректор, и дежурный, и «свежая голова». Слава богу, не заметили ее и в Кремле, а то дело могло бы кончиться роковой 58-й статьей. Но через пару дней пришла возмущенная телеграмма от какого-то бдительного пенсионера (мы их называли «народными мстителями»). Надо было реагировать. И ветерана уволили без положенной ему по стажу повышенной пенсии.

Главной заботой дежурного по моему отделу было подготовить колонку «В странах народной демократии» для первой страницы газеты. Она должна была быть событийной и при этом разнообразной как тематически, так и географически.

Старожилы редакции учили меня, что, получив заметку от собственного корреспондента, следовало перво-наперво поинтересоваться: сообщал ли об этом ТАСС? Если в материале официального агентства было нечто важное, что отсутствовало у нашего собкора, такой абзац ему надлежало вставить.

В день, о котором пойдет речь, наш собкор из Варшавы передал, что Генеральный секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берут посетил площадку, выделенную столице для возведения Дворца культуры и науки, проинспектировал подготовку к строительству, подробно ознакомился с проектом. В аналогичной тассовке говорилось, что Берут «ознакомился с проектом и одобрил его». Я усмотрел в этом важный нюанс и, вырезав данную фразу из телеграфной ленты, вклеил ее нашему корреспонденту.

Прочитав на другой день газету, наш посол в Польше обвинил местного правдиста в грубой политической ошибке.

Дескать, Дворец культуры и науки — это дар товарища Сталина Варшаве. Так что одобрять или не одобрять его проект не вправе никто, в том числе и Берут.

К счастью для нашего собора, он передавал заметку телеграфом и предъявил текст, где таких слов не было. Тогда посол отправил шифрованную телеграмму «верхом». Она прежде всего попала к куратору строительства высотных зданий — Лаврентию Берии. Тот написал на ней два слова: «Разобраться и наказать».

До сих пор поражаюсь, как после такой резолюции я остался цел и невредим. Могу объяснить это лишь феноменом, который физики называют «момент силы». Слишком уж сокрушителен был удар и слишком ничтожен объект.

Главному редактору «Правды» поставили на вид. Заведующий отделом стран народной демократии получил выговор. Ну а меня на три недели отстранили от дежурства. Это было очень кстати после моей только что состоявшейся свадьбы. Коллеги-международники очень радовались за меня. Сбегали через дорогу в гастроном за выпивкой и отпраздновали мою удачу.

Надо сказать, что и при Сталине мы часто пировали по кабинетам по всякому поводу. Представление о том, что в условиях тоталитаризма все ходили по струнке, ошибочно. Молодость брала свое во все времена.

Как ни парадоксально, сталинская эпоха благоприятствовала служебным романам. Рабочий день в газете официально начинался в три часа дня и кончался в полночь. По графику газета выходила в три часа утра, фактически же — около пяти. Поэтому в каждом кабинете еще с военных лет стоял диван. Мы были молоды, в большинстве холосты. А в одном лишь отделе писем работало несколько десятков выпускниц юрфака МГУ. Не говоря уже о комсомолках из расположенной как раз над нами «Комсомолки».

Словом, зажатыми в какие-то тиски мы себя отнюдь не чувствовали. На сей счет ходила басня. Дескать, кто-то из правдивов после полуночи выбросил в окно пустую водочную бутылку, которая угодила постовому по голове. Разразился скандал, приехала милиция. Стали нюхать каждого, кто выходил из здания. Но виновного так и не установили. Ибо водкой пахло поголовно от всех, и только от лифтерши тети Поли пахло портвейном «три семерки».

После семи лет работы в Китае и семи в Японии я вернулся в Москву. Тогдашний главный редактор «Правды» Михаил Зимянин решил назначить меня заведующим отделом Азии и Африки. Я упирался руками и ногами: мол, не лежит душа к административной работе. Но партизанский вожак белорусских комсомольцев был неумолим. По его словам, тех, кто любит быть начальником, как раз и не следует выдвигать на руководящие посты.

И вот я, уже как член редколлегии, остаюсь вечером «на хозяйстве», веду очередной номер «Правды». Через меня идет вся правка, я же должен решать, куда втискивать поступающие под занавес обязательные материалы.

— Указ на первую полосу поставили, но из передовой вылез «хвост» девятнадцать строк, — сигнализирует из типографии выпускающий.

— Так попросите автора срочно сократить!

— Дело в том, что автор — первый зам главного. Может быть, вы сами сходите к нему?

Дмитрий Горюнов (переведенный в «Правду» из — «Комсомолки», чтобы освободить там место главного редактора для Алексея Аджубея — зятя Хрущева) на мое появление прореагировал раздраженно:

— Что вы ходите по пустякам! Сами знаете, у нас горячий набор и при срочном сокращении надо избегать перелива строк. Тут всего и делов-то: найти абзац нужного размера и убрать. Сколько вам надо? Девятнадцать строк? Пожалуйста!

Горюнов чиркнул синим карандашом, расписался и отдал мне полосу, которую я, не глядя, послал в типографию. Назавтра после редколлегии мне доложили, что некий пенсионер из Тюмени просигнализировал «об очень неприятной нестыковочке».

В передовой говорилось: «Американская военщина пытается поставить на колени народы Азии, Африки, Латинской Америки». И далее с абзаца: «Именно такую политику последовательно и настойчиво проводит Советский Союз».

— Похоже, мы влипли! — вздохнул Горюнов, узнав, что данный текст прошел не только на периферию, но и на Москву. — Слава богу, пока еще никто не позвонил. Скоро двенадцать. Нам надо продержаться до часа. Тогда все в ЦК и МИДе пойдут обедать, а во второй половине дня до газет уже никому нет дела...

Из сейфа появилась бутылка коньяка. Мы заперлись и благополучно просидели до половины второго.

Девять миллионов подписчиков — и ни одного звонка. А стоило ли удивляться? Ведь наши тогдашние передовицы

состояли из настолько выверенных формулировок, что глаз невольно пробегал их по диагонали.

Тухлые яйца как ключ к карьере

Мое первое знакомство с восточной, а точнее сказать с китайской кулинарией, было внезапным, но судьбоносным. В том смысле, что данный эпизод открыл мне путь к работе за рубежом.

Дело было в конце 1952 года. Я уже больше года трудился в редакции «Правды» и как первый в коллективе профессиональный китаист имел перспективу работать в Пекине. Но в 26 лет об этом, разумеется, нечего было и мечтать. На постоянную работу за рубеж посылали только людей со стажем и именем, как минимум сорокалетних.

В первые годы существования КНР китайская тема была приоритетной. Поэтому, когда автор книги «Сражающийся Китай» Константин Симонов вернулся из очередной поездки в эту страну и привез нам свои новые очерки, его лично приветствовал главный и все члены редколлегии.

Симонов рассказал о своих впечатлениях и в качестве экзотического сувенира передал коробку с какими-то глиняными комками. Он, мол, получил их от китайских друзей во время проводов в пекинском аэропорту.

— У нас ведь есть молодой китаист. Этот, как его, Овчинников, — сказал главный редактор. — Позовите его сюда!

Увидеть сразу все руководство «Правды» да еще живого Константина Симонова было для меня полной неожиданностью.

— Вы ведь специалист по Китаю, товарищ Овчинников, — обратился ко мне Ильичев. — Может быть, вы знаете, что это такое?

— Конечно, знаю, — самоуверенно ответил я. — Это императорские яйца. Их обмазывают глиной и хранят полгода. Поэтому среди иностранцев они известны как «тухлые яйца».

— А вы можете съесть такое яйцо?

— Конечно, могу, — нахально подтвердил я, хотя о китайской кухне знал только понаслышке.

— Тогда покажите нам, как это делается!

Я взял одно из яиц, дважды ударил им об стол. Сначала обсыпалась глина, смешанная с кунжутным семенем. Потом лопнула бурая скорлупа. Стал виден черный желеобразный белок, позеленевший желток. Зрелище было кошмарное, а запах — еще хуже. Собрав волю в кулак, я отколупнул скорлупу, засунул перетухшее яйцо в рот и съел его.

Все были поражены, а именитый гость — особенно. По словам Симонова, маршал Лю Бочэн — «китайский Чапаев» — угощал его императорскими яйцами в Чэнду, но писатель при всем уважении к хозяевам отведать их так и не решился.

— Теперь я убедился, что среди правдистов действительно есть специалист по Китаю! — сказал Константин Михайлович.

Хочу отдать должное Ильичеву. Он тут же вызвал заведующего отделом кадров и сказал ему:

— Оформляйте Овчинникову загранпаспорт. Он достаточно подготовлен, чтобы ехать на постоянную работу в Китай!

Так я стал самым молодым зарубежным собкором не только в «Правде», но и вообще в стране. А «суньхуа дань» — императорские яйца — стали для меня ключом к журналистской карьере.

Часть 2. Русский с китайцем...

Поезд Москва — Пекин

В конце марта 1953 года я впервые уезжал на постоянную работу за рубеж. Страна еще находилась под впечатлением похорон Сталина. В поезде Москва — Пекин циркулировали слухи, будто на Транссибирской магистрали неспокойно: Берия, мол, выпустил из тюрем уголовников, которые шастают по вагонам. Поэтому лучше питаться в купе, а на остановках выходить по очереди.

Путь предстоял долгий: до пограничной станции Отпор (ныне Дружба) — семь дней. Да еще два с лишним дня на китайском поезде от станции Маньчжурия до Пекина. Мы с женой ехали в довоенном «СВ» с отдельным санузлом. Родственники принесли на Ярославский вокзал столько еды, что хватило бы на кругосветное путешествие. У нас были кастрюля пирожков, жареная курица, трехлитровая банка огурцов, большая жестянка черной икры, копченая колбаса, варенье. Из-за отсутствия холодильника требовалось использовать все это ускоренными темпами. И все же было интересно охотиться на остановках за местными деликатесами — от горячей картошки до копченого омуля.

Путешествие по Транссибирской магистрали в целом оказалось более приятным, чем мы ожидали. Потом многократно повторяли его, добавляя к отпуску лишние две недели. Главное было подобрать хорошую компанию с гитарой. А поскольку данным поездом также ездили в отпуск коллеги из Пхеньяна и Ханоя, найти попутчиков было легко.

В Отпоре из состава всех высадили. После таможенного и пограничного контроля пассажиров доставили в китайскую гостиницу на станции Маньчжурия. Там мы с наслаждением приняли душ. Но еще больше порадовал ресторан. К жареной индейке подали салат из помидоров и огурцов. А свежие овощи в марте тогда москвичам и не снились.

Северо-Восточный Китай в 1931–1945 годах был японской колонией. В марионеточном государстве Маньчжоу-го дислоцировалась Квантунская армия, для которой модернизировали транспортную сеть. После обшарпанной Сибири нас удивили щегольские вокзалы с крытыми перронами. Пугали только люди — каждый прикрывал рот и нос марлевой повязкой. Рядом, в Корее, шла война, в ней участвовали

китайские добровольцы. И были опасения, что американцы применяют бактериологическое оружие.

И вот наконец Пекин. Старое здание вокзала находилось напротив городских ворот, за которыми расположена площадь Тяньаньмэнь перед императорским дворцом. Не меньше, чем древние постройки, удивляли потоки рикш и велосипедистов при полном отсутствии других видов транспорта.

Корпункт «Правды» помещался возле главной торговой улицы Ванфуцзин, в переулке с поэтическим названием Колодец сладкой воды. Это был типичный пекинский «сыхэюань», то есть четыре одноэтажных флигеля, обрамлявших квадратный дворик. Красные переплеты окон, оклеенных папиросной бумагой. Земляные полы, застланные циновками, из-под них выползали скорпионы. Буржуйки, чтобы греть воду для ванной и отапливать помещение зимой. Даже в сравнении с московской коммуналкой бытовые условия, мягко говоря, не впечатляли.

Зато за завтраком мы были восхищены тем, что китаец-повар поставил на стол большое блюдо фруктов, где кроме груш, винограда и бананов, были неведомые нам манго, папайя и личжи. А про жареных голубей или экзотические китайские кушанья и говорить нечего.

Расположенный в пяти минутах ходьбы от корпункта Центральный универмаг наповал сразил обилием товаров по вполне доступным для нас ценам. Жена не устояла перед соблазном купить первые в ее жизни часики, а также шерстяные нитки синего цвета, которые вот уже пятьдесят лет так и лежат у нас на антресолях.

Сами китайцы жили тогда очень скромно. На ставку водителя мы могли содержать и шофера, и уборщика, и повара. А наша переводчица Наташа — из харбинской семьи русских эмигрантов — имела более высокую зарплату, чем главный редактор «Жэньминь жибао». Однако при своей бедности пекинцы отличались поразительной честностью. Деревянные двери жилищ не запирались. На ночь их просто закрывали на щеколду.

Я часто посылал нашего уборщика (бывшего рикшу) с чеком в банк. И он возвращался через весь город с пачками денег, привязанными к багажнику велосипеда. Советским людям запрещалось ездить на рикшах, от чего страдали наши женщины при поездках за покупками. Одна соотечественница украдкой сошла за два квартала до посольства, щедро заплатив вознице. Но тот преследовал ее до самой проходной, пытаясь вручить сдачу. В 50-х годах любого иностранца уважительно приветствовали словом «сулянь» (советский) и обращались к нему не иначе как к «старшему брату». Когда романтический дух солидарности и

самопожертвования, присущий первой пятилетке, сменился меркантилизмом рыночных отношений, китайцы сильно изменились. Причем не всегда в лучшую сторону. Попав в Пекин в 90-х годах, я был поражен обилием металлических дверей и решеток на окнах. В городе, который не знал замков, участились кражи. И даже уличные торговцы теперь норовят обмануть покупателя трижды: на цене, на весе и на сдаче.

Иероглиф на женской груди

Как я уже отмечал, моим творческим кредо в журналистике можно назвать попытку создать психологический портрет зарубежного народа, как бы путеводитель по его душе. Но ведь не зря говорят: «Чужая душа — потемки». Это как бы иероглиф, смысл которого доступен лишь посвященным.

Вся система образов в восточном искусстве — некая иероглифика. К примеру, пион символизирует у народов Дальнего Востока весну и юность, лотос — лето и молодость, хризантема — осень и пожилой возраст, а слива, расцветающая под снегом, — зиму и необходимую в старости жизнерадостность среди невзгод.

Когда-то в Пекине я объяснял все это одному нашему дипломату и его супруге — пышной даме бальзаковского возраста. Мы сидели под платаном в уличной харчевне, а с ветвей свешивались бумажные ленты с надписями, восхвалявшими здешнюю лапшу.

— Как я завидую вам, Всеволод, что вы освоили эту китайскую грамоту, — говорила мне дородная соотечественница оперным контральто. — Я порой глаз не могу оторвать от иероглифов. В них столько гармонии, столько эстетизма! Кстати, попросите, пожалуйста, хозяина отрезать мне на память вот этот иероглиф и, пожалуй, еще вот этот...

Несколько удивленный, владелец харчевни выполнил просьбу иностранки. Та убрала куски бумажной ленты в сумочку, а потом отнесла их портному и попросила вышить иероглифы золотом на вечернем бархатном платье. В нем она и отправилась с мужем на прием по случаю национального праздника Китая.

Премьер Госсовета Чжоу Эньлай чуть не упал от изумления. Ведь на одной груди супруги дипломата было написано «вкусно», а на другой — «дешево».

Этот эпизод я рассказываю как назидательную притчу своим внукам, которые любят носить майки со всякими непонятными надписями.

Каюсь, недавно сам купил в Токио майку с объявлением из японизированных английских слов: «Секс-инструктор. Первый урок бесплатно». Надевал ее в Ялте, но никакого отклика надпись не вызвала. Хочу верить, что не из-за моего возраста, а просто из-за того, что у нас еще плоховато знают восточные языки.

Боль на западной стороне живота

Когда в 50-х годах я приехал на постоянную работу в Пекин, жители китайской столицы поразили меня тем, что им как бы генетически присуще безупречное чувство направления. Спросишь первого встречного: «Как пройти на центральный телеграф?» И вместо привычных слов — прямо, направо, налево — слышишь: «Пройдите три квартала на восток и сверните на север. Третье здание за углом».

Можно подумать, каждый пекинец — штурман дальнего плавания! Шанхайцы придумали про своих извечных соперников такой анекдот. Житель Пекина потерял сознание на улице. «Скорая помощь» доставила его в больницу. Там его на каталке долго возили по коридорам, наконец, положили на операционный стол. Хирург спросил пришедшего в себя пациента: «Где болит?» И тот, не задумываясь, ответил: «На западной стороне живота...»

Чувство направления не случайно присуще уроженцам таких древних азиатских столиц, как Пекин и Сиань в Китае, Киото и Нара в Японии. Если на Западе люди привыкли связывать свою судьбу с астрологией, то есть с расположением небесных тел в момент их рождения, то на Востоке аналогичную роль играет геомантия — зависимость от окружающих элементов ландшафта. Китайцы называют это «фэн-шуй», буквально — «ветры и воды».

Именно в соответствии с правилами «фэншуй» и был некогда спланирован Пекин. Все его улицы идут или с севера на юг, или с запада на восток и пересекаются только под прямыми углами. Поэтому план китайской столицы напоминает лист тетради в клеточку.

«Мишень, пронзенная стрелой» — таков прототип китайского иероглифа «чжун» — середина. (Нечто вроде русской буквы «ф».) Чжунго — Срединное государство. Так именуют китайцы свою страну с тех пор, как император Цинь Шихуан в 221 году до нашей эры объединил семь враждовавших княжеств в бассейне Хуанхэ и построил Великую стену для защиты от набегов кочевых племен.

Китайцы с глубокой древности привыкли считать свою страну центром Поднебесной, а на другие народы взирать как на

варваров или своих вассалов. Этот наивный эгоцентризм наложил глубокий отпечаток на национальный характер. Под его воздействием в сознании китайских правителей укоренилось пренебрежение к остальному миру — изоляционизм и консерватизм. Это привело к роковым последствиям: с середины девятнадцатого века Китай стал объектом колониальной экспансии западных держав и Японии.

Если Китай — центр Поднебесной, а Пекин — столица Срединного государства, то центром столицы должен быть императорский дворец. Мало найдется в мире городов, являющих собой столь безупречное воплощение единого архитектурного замысла. Запретный город, то есть ансамбль из 9999 дворцовых помещений, симметрично расположен относительно линии, которая проходит от южных городских ворот до северных. Она служит осью планировки исторической части города. На этой восьмикилометровой прямой расположены все архитектурные доминанты старого Пекина.

Своей расчерченностью и симметрией город отражает присущий китайскому характеру рационализм, склонность к субординации и порядку. Именно такую столицу должен был построить себе народ, который возвел в ранг религии то, что мы привыкли называть «китайскими церемониями».

О том, как сложились эти черты, помогут понять три ключа к китайской душе. Это «три великих учения» — конфуцианство, даосизм и буддизм, Их зарождение совпадает по времени с расцветом древнегреческой цивилизации. Но в отличие от Древней Греции философия в Китае существовала не сама по себе, а была непосредственно подчинена политической практике.

В наибольшей степени это относится к конфуцианству. Строго говоря, оно не религия, а морально-этический кодекс, ибо его главная цель — нравственное совершенствование человека. На вопрос учеников, почему он никогда не говорит им о загробной жизни, Конфуций ответил: «Пока люди не научились правильно относиться друг к другу в этом мире, какой смысл рассуждать о мире потустороннем».

Конфуций появился на исторической сцене 25 веков назад, в эпоху Сражающихся царств, в смутное время нескончаемых междоусобиц, когда главным стремлением людей была жажда мира и порядка. Проблемы управления государством, отношений верхов и низов общества, нормы нравственности и морали-вот стержень конфуцианства.

«Государь должен быть государем, а подданный — подданным. Отец должен быть отцом, а сын — сыном». Эта ключевая фраза из книги Конфуция «Размышления и слова»

имела в эпоху раннего феодализма прогрессивное звучание. Ведь она означала, что на преданность подданных вправе рассчитывать лишь справедливый государь, на сыновнюю почтительность — лишь хороший отец.

Неудивительно, что гуманистическая сущность этого учения вступила в противоречие с феодальным деспотизмом Цинь Шихуана. В 213 году до нашей эры он приказал сжечь сочинения Конфуция и живьем похоронил 420 его последователей. Однако потом в течение двух тысяч лет конфуцианство почиталось властями как официальная идеология. Главным критерием при конкурсе на государственную должность было знание классических конфуцианских текстов. А склонность к иерархии, гармонии и порядку, проще говоря, к тому, что мы называем «китайскими церемониями», стала ключевой чертой китайского характера.

Культ недеяния и культ нежелания

Если конфуцианство родилось как протест против смутного времени, то даосизм можно считать реакцией на деспотию власти. Основатель этого учения Лаоцзы называет словом «дао» (буквально — «путь») естественный ход возникновения, развития и исчезновения всех вещей, а также поведение, соответствующее природе человека и законам Вселенной. Даосизм осуждает не только деспотический произвол, но и моральные заповеди. Это призыв сбросить оковы власти, бремя обычаев и традиций, вернуть народ к примитивной простоте и неведению.

Главными принципами поведения Лаоцзы называет естественность и недеяние. Для сильных мира сего это означает «управлять не управляя», избегать принуждения, не делать лишних усилий. Когда Лев Толстой описывал поведение Кутузова накануне Бородинской битвы, он находился под впечатлением книги Лаоцзы, которую перевел на русский язык.

Лаоцзы — первый китайский философ, изложивший законы движения и перемен. Он трактует мир как единство противоположностей, которые превращаются друг в друга. Пословица «нет худа без добра» целиком соответствует даосскому мировоззрению. Взаимное превращение противоположностей означает, что все качества равноценны. В отличие от христианства здесь нет противопоставления добра и зла, учености и невежества.

Даосизм был в Китае как бы диссидентской идеологией. (Зачем постоянно напрягаться, пытаясь совершенствовать себя?

Каждое существо должно оставаться таким, каким его создала природа). Если конфуцианство служило моральным компасом верхов общества, то даосизм отражал мировоззрение низов и потому может считаться народной религией.

Даосизм оказал огромное влияние на развитие восточного искусства. Поскольку совершенство понимается даосами как максимальный результат при минимальных усилиях, сформировался стиль намеков и недомолвок. Именно даосизм привнес такие понятия, как «прелесть недосказанности» и «красота простоты». В отличие от конфуцианства и даосизма, буддизм родился не в Китае, а пришел из Индии. Там он возник как протест против кастовой системы. Символом буддийского вероучения служит «колесо жизни»: день сегодняшний есть следствие дня вчерашнего и причина дня завтрашнего. Проявляется это в перевоплощении душ. Если человек несчастлив, значит, он расплачивается за грехи предыдущей жизни.

В основе учения Будды лежат четыре истины. Первая: жизнь полна страданий. Вторая: причиной их служат неосуществленные желания. Третья: чтобы избежать страданий, надо избавиться от желаний. Четвертая: чтобы достичь этого, нужно пройти путь из восьми шагов. Нужно сделать праведными свои «взгляды, представления, слова, поступки, быт и, наконец, стремления, мысли, волю». Тот, кто пройдет эти восемь шагов, достигнет просветления, или нирваны.

Итак, даосизм проповедует недеяние, а буддизм — нежелание. Это привело к их своеобразному сосуществованию на китайской почве. В древности не было четкой грани между религией, философией и наукой. Применительно к Китаю можно сказать, что «три великих учения» как раз и олицетворяют эти ветви духовной культуры. Буддизм — прежде всего религия. Даосизм — диалектическая философия, а конфуцианство — наука, именуемая этикой.

За одиннадцать лет жизни в Поднебесной я вновь и вновь убеждался, что китайский национальный характер — это река, в которой слились несколько потоков. С конфуцианством связана склонность расставлять все по своим местам, вести себя по предписанным правилам, возвеличивать ученость. Но в глубине души каждый китаец также и даос, считающий, что бессмысленно вмешиваться в ход вещей, а лучше плыть по течению. Китайской натуре присуща и некая богобоязненность, связанная с буддийскими представлениями о том, что благие поступки будут вознаграждены, а за грехи придется расплачиваться. «Три великих учения» стали мостом между культурами Китая и Японии. Они не

только мирно сосуществовали, но и уживались в душе каждого китайца и японца. Пока на Западе христиане и мусульмане, католики и протестанты убивали друг друга, Китай и Япония подавали пример веротерпимости. Как знать, может быть, традиция уважать чужие убеждения когда-нибудь станет почвой для политического плюрализма не только в Японии, но и в Китае.

Религиозные истоки культуры

По правде говоря, меня удивляет, что до сих пор никто у нас не сказал: хватит дебатировать о том, нужно ли преподавать в школах «Основы православной культуры». И о том, как отнесутся к этому семьи, которые исповедуют ислам, иудаизм, буддизм. Подобные споры способны лишь посеять рознь в нашем обществе, обострить религиозную нетерпимость.

Вместо этого я на основе своего жизненного опыта предлагаю ввести в школьную программу курс «Религиозные истоки культуры». Сравнительный анализ издавна существующих в нашей стране вероучений углубит взаимное уважение между теми, кто их исповедует, поможет молодому поколению яснее представлять себе, как различные религиозные истоки слились в единую реку российской культуры.

Будучи востоковедом, я знаю, благодаря чему в Китае мирно уживаются конфуцианство, даосизм и буддизм. Но чем больше я углублялся в религии Востока, тем острее ощущал свою безграмотность в основах христианства вообще и православия в частности. Из-за чего смотрел на шедевры мирового искусства, посвященные библейским сюжетам, как баран на новые ворота.

Если задело возьмутся профессиональные богословы, они наверняка выявят у соперничающих религий много общего. Это прежде всего их гуманистическая направленность, высокие нравственные ориентиры, призыв проявлять любовь и сострадание к ближнему. Все это проходит красной нитью через священные книги христиан, иудеев, мусульман, буддистов.

«Чего не желаешь себе — не делай людям». Эти слова, сказанные Конфуцием двадцать пять веков назад, спустя пять столетий стали одним из основополагающих заветов Христа (он лишь поменял местами начало и конец приведенной фразы). А уж об общих принципах христианства и иудаизма, которых объединяют Ветхий завет и заповеди пророка Моисея, россияне знают гораздо больше.

Одним словом, нашим школьникам было бы полезно изучать не только православную культуру, но и основы других

вероучений, чтобы четче представлять себе как их сходства, так и различия.

Нельзя допустить, чтобы существовавший в годы «холодной войны» раскол мира по идеологическому принципу (капитализм — коммунизм) сменился разделением мира по цивилизационно-религиозному принципу (христианство — ислам). Это не только нарушило бы глобальную и региональную стабильность, но и вызвало бы внутренние распри в многонациональных, многоконфессиональных государствах, к числу которых относится и Россия.

Ввести в российских школах курс «Религиозные истоки культуры» означало бы укрепить у молодого поколения иммунитет против национального и религиозного шовинизма, духовно сплотить наше общество, воспитать у него уважительное отношение к евразийской истории.

Секреты монастыря Шаолинь

Сухие взгорья, редкие клочки полей на склонах. Это бассейн Хуанхэ (Желтой реки) — колыбель китайской цивилизации. Здесь, в далекой глуши, на склоне священной горы Цзуншань в 495 году был основан монастырь Шаолинь. Долгое время он находился в забвении.

Каюсь, сам я мог бы побывать там еще тридцатилетним, а попал лишь шестидесятилетним (в пятидесятых годах меня прежде всего интересовали стройки первой китайской пятилетки). И вот в наши дни Шаолинь обрел огромную популярность, стал местом паломничества. Сюда ежегодно приезжают два миллиона китайских и тридцать тысяч иностранных туристов.

На то есть две причины. Во-первых, монастырь Шаолинь считается родиной ушу — боевых искусств (китайский иероглиф «у» означает оружие, «шу» — искусство). Одна из фресок на монастырской стене рассказывает, как тринадцать здешних монахов спасли Ли Шиминя — второго императора династии Тан. Заговорщики захватили его в плен и держали в заключении в Лояне.

Благодаря владению приемами ушу монахи сумели проникнуть в крепость и вызволить пленника. Вернув себе престол, император щедро отблагодарил спасителей. Шаолинь получил почетный титул «Первый монастырь Поднебесной». Ему была дарована земля, а монахам предписано и впредь совершенствоваться в боевых искусствах.

У монастыря Шаолинь есть и другая причина слыть исторической достопримечательностью. Иероглифы у его главных ворот напоминают: «Здесь была основана школа Чань». Молельный зал монастыря украшает статуя Бодхидхармы, который в 527 году пришел сюда из Индии проповедовать буддизм и стал первым патриархом нового религиозного направления.

Школа Чань (по-японски — Дзэн) — своеобразный сплав индийской йоги и даосской психотехники — на многие века определила «философию жизни» народов Дальнего Востока, своеобразие их этических и эстетических воззрений. Последователи чань-буддизма считают, что не обязательно лишь «смирять себя молитвой и постом», заучивать и повторять священные тексты, вести жизнь отшельника и аскета. К просветлению можно прийти и путем активной медитации, если укреплять свое тело с помощью боевых искусств или развивать восприятие прекрасного через живопись, поэзию, каллиграфию. К активной медитации относят и любую радость общения с природой, будь то рыбалка на заре или хоровое пение у костра. Главное, чтобы, совершенствуя тело и душу, человек делал это в радость, с удовольствием.

В процессе активной медитации легче переходить от логического мышления к образному. А это, в свою очередь, позволяет через подсознание управлять своей жизненной силой, которая в китайской философии и медицине носит название «Ци».

В одном из монастырских храмов настоятель показал мне старинную фреску. На ней изображены монахи, выполняющие различные упражнения с целью обрести «шесть гармоний». Первые три ступени этого пути требуют координации рук и ног, локтей и коленей, плеч и бедер.

Но чтобы подняться выше, нужно овладеть искусством еще трех, уже не внешних, а внутренних гармоний: сердца и разума, разума и духа, духа и силы. Обычный человек действует по формуле «разум — сила». Но если волевой импульс сначала воспламеняет дух («Ци») и концентрирует его в нужном месте, сила многократно увеличивается. Именно монахи школы Чань добавили к владению телом умение управлять духом, перераспределять жизненную энергию, что неизмеримо увеличивает физические возможности человека. В этом и состоит суть загадочного искусства «цигун», что я перевел бы как «усердие духа». Ушу — это техническая сторона боевых искусств. А вот ушу плюс цигун — это уже «одухотворенная борьба», которую называют «кунфу».

Владея вершинами мастерства цигун, можно даже уменьшать силу тяжести. Мне продемонстрировали такой феномен сверхлегкости. Два стула поставили спинками друг к другу на расстоянии около метра. Этот проем перекрыли полосой папиросной бумаги. Двое мужчин сели на стулья, прижав края ленты своим весом.

Девушка отнюдь не хрупкого сложения взялась за спинки стульев, сделала стойку на руках, осторожно ступила сперва одной, а затем другой ногой на провисшую папиросную бумагу и распростерла руки. Видел я и мастера цигун, который вставал на четыре куриных яйца, накрытых прозрачным пластиком, а потом давал проверить хрупкость их скорлупы.

По просьбе настоятеля монахи показали мне в молельном зале свое искусство. Наставник положил на голову ученика четыре кирпича. И с размаху ударив пятым, разбил их на куски. Потом он разделся до пояса и попросил меня бить его стальным прутот толщиной с палец. Мои робкие удары вызвали смех. Ученики с азартом взялись за дело сами. Они хлестали учителя и по плечам, и по спине, и по животу, и по самому уязвимому месту — левому боку.

В завершение показа принесли доску, из которой, как щетина из щетки, торчали шестидюймовые гвозди. Монах улегся на их острые концы. Сверху положили свернутое одеяло, а на него — метровую каменную плиту и принялись бить по ней молотами, пока не раскололи. После этого на спине человека остались ряды красных точек, но кожа нигде не была проколота.

— В отличие от наших предков мы разучились обращаться к своему подсознанию. А если не использовать заложенные в человеке способности, они угасают. С помощью цигун можно выявить резервы человеческого организма, не только физические, но и интеллектуальные, — пояснил мне исследователь цигун профессор Янь Хай.

По его словам, у каждого из нас есть прирожденный «Ци» — потенциал жизненной энергии, полученный в утробе матери. Он дополняется обретенным «Ци» за счет дыхания и питания. Чем лучше хранит человек эти запасы, тем медленнее он старится. В этом и состоит цель Цигун. На высших ступенях этого мастерства можно обрести способность не только сохранять, но и наращивать свою жизненную энергию и направлять ее вовне, чтобы исцелять больных.

После посещения монастыря Шаолинь многие таинственные явления, которые удивляли меня в дальних странах, вроде бы выстроились в какую-то систему. Если резервы организма столь огромны и могут быть подвластны человеку, становится понятнее,

как цыган ходит по раскаленным углям, индийский йог проглатывает острый клинок кинжала, а филиппинский лекарь голыми руками удаляет жировики и снова смыкает живые ткани. Если человек действительно может управлять своим духом, то есть — вдумаясь в это слово — воодушевлять себя, нам ясно, что имеется в виду, когда спортсмен «в ударе», у циркача появляется «кураж», на поэта или композитора «находит вдохновение». Если усилиями воли можно не только генерировать, но и передавать жизненную энергию другим людям, стимулировать у них процессы саморегуляции, то объяснимы особые способы исцеления. Сколько раз человечеству казалось, что наука до конца постигла законы природы, раскрыла все тайны окружающего нас мира! И все-таки остается еще немало непознанного. Как тут не вспомнить Шекспира: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам...»

Как меня водили на расстрел

Случилось так, что перед моим тридцатилетием, осенью 1956 года, меня в Китае едва не расстреляли, приняв за диверсанта.

Накануне 8-го съезда компартии Китая я решил посетить революционную столицу Янань на Лессовом плато. Там почти двумя десятилетиями раньше, сразу после Великого похода, собирался предыдущий 7-й съезд КПК. Добраться туда было трудно. Зато побывал в пещерах, где жили руководители китайской революции и представитель Коминтерна со своим радистом, где когда-то начинало работу агентство «Синьхуа». Словом, собрал материал для очерка «От Янани до Пекина».

Уже собирался в обратный путь, когда местные власти сообщили, что мне, по-видимому, предстоит задержаться в Янани еще на неделю. Синоптики предвещали ливневые дожди, и ездить на автомашине по Лессовому плато становилось опасно.

Лесс в излучине Хуанхэ образовался из древних илистых отложений Желтой реки. Места тут засушливые, но когда муссон приносит дожди, почва превращается в кисель и легко вымывается водяными потоками. Так и возник здешний экзотический ландшафт, напоминающий знаменитый каньон Колорадо — плосковерхие холмы, изрезанные глубокими ущельями. По их почти отвесным склонам выются проселочные дороги. Строить их, как и пещерные селения, легко. Но стоит пройти дождю, повсюду начинаются оползни.

Задержаться в Янани еще на неделю я категорически не мог. Это означало бы опоздать на 8-й съезд КПК, на который должна

была прибыть делегация КПСС, включающая моего главного редактора. Поэтому решил положиться на русский авось: ехать-то меньше трехсот километров, на европейских автострадах вообще не расстояние.

Кроме водителя, нас в джипе было трое: собкор «Жэньминь жибао» в провинции Шэньси, оператор китайской кинохроники и я. Примерно половину пути успели проскочить до дождя. Но как только стемнело, небеса буквально разверзлись, хлынули потоки воды. Наш джип накренился, будто салазки, и заскользил по склону. Я навалился всем телом на китайского коллегу.

Выбравшись наружу, порадовались: целы и невредимы. Водитель сказал, что до рассвета останется в машине, а мы принялись карабкаться по обрыву. Это было похоже на кошмарный сон. Проползешь по грязи метров пять вверх — и снова срываешься вниз. Наконец, зашагали в кромешной тьме по кромке дороги. В Китае деревни разбросаны густо: едва скрывается из виду одна, показывается другая. Но на Лессовом плато мы брели добрых пару часов, пока не услышали собачий лай.

Дом на краю деревни, судя по добротным воротам, принадлежал бывшему помещику. Разбуженный среди ночи хозяин пустил нас внутрь. Мои спутники стали расспрашивать: как называется деревня, далеко ли до железнодорожной станции. Уже потом мы поняли, что подобные вопросы людей, словно свалившихся с неба, не могли не насторожить его.

Дело было в разгар кампании под лозунгом: «Непременно освободим Тайвань!» Страна была помешана на поисках гоминьдановских агентов. И трое незнакомцев, один из которых к тому же с иностранной внешностью, естественно, вызвали подозрение.

Хозяин угостил нас чаем и пошел позаботиться о ночлеге. Через полчаса в фанзу ворвались ополченцы с дробовиками. Нас связали и заперли в сарае. Утром принялись допрашивать. Меня особенно встревожило, что предъявленные мною документы староста держал вверх ногами — в деревне не было грамотных. Допытывались: «Где ваши парашюты?» Мы твердили, что ехали из Янани на автомашине. Но посланные на ее поиски люди вернулись ни с чем.

В конце концов всех жителей собрали на митинг. Нас со связанными за спиной руками поставили на колени перед толпой. Ополченец придавил мне шею ногой в соломенной сандали и приставил ружье к виску. Не раз видел по телевидению, что именно в такой позе совершаются публичные казни.

Часть участников сходки требовала, чтобы нас расстреляли

немедленно. Другие предлагали отправить нас в уезд, чтобы нашей казнью «воспитать более широкие массы». В конце концов я нарушил молчание, которое хранил по просьбе своих спутников. Сказал по-китайски, что мы действительно агенты. Если они нас казнят, председатель Мао не получит важных сведений о планах врага. Нас, мол, надо сдать в уездное управление общественной безопасности.

К нашей радости, староста с этим согласился. Просидели еще ночь в запертом сарае, а на следующее утро приехал вездеход с оперативниками. Нас посадили в зарешеченный фургон и через пару часов доставили в уезд. Ну а там уже знали, что нас повсюду ищут. Вечером я был в гостинице для советских специалистов в Сиани. Налил полный стакан коньяка и тут у меня вдруг стало дрожать левое колено — дал о себе знать накопившийся стресс. Сразу после возвращения в Пекин по уши окунулся в освещение 8-го съезда КПК. Две недели спал по три часа в сутки, ибо «Правда» ежедневно отводила этой теме целую страницу. (Газету доставляли из Хабаровска самолетом и раздавали делегатам вместе с «Жэньминь жибао».)

В завершающий день съезда в комнату для иностранных корреспондентов неожиданно вошел Мао Цзэдун и спросил:

— Кто тут из «Правды»?

— Это я, — робко произнес я.

Великий кормчий протянул мне свою пухлую руку и, как всегда афористично, изрек:

— Потрудился так потрудился. Освещал съезд хорошо!

Так самый опасный эпизод моей работы в Китае почти сомкнулся во времени с самым триумфальным. Ибо после личного рукопожатия Мао китайцы стали почитать меня чуть ли не как святого.

Наперсток горячего пива

Я отправился в поездку по сельским районам Китая. Дело было в начале 50-х годов в провинции Хэнань. Автомобильных дорог в глубинке еще не было. Меня возил ослик, запряженный в двухколесную арбу. Провел несколько ночей на постоянных дворах. Слава Богу, в Северном Китае зимой спят на канах — теплых лежанках, под которыми, как и в русских печах, проходит дымоход.

Наконец приехали в уездный центр. Местное начальство по традиции устроило яньхуй, то есть банкет. Перед гостем положили меню из шестнадцати блюд и двух остро-кислых

отрезвляющих супов. Стали разливать в крохотные пиалочки золотистую жидкость. Я подумал, что это шаосинское вино, по крепости аналогичное японскому саке — 18–20 градусов. Его пьют именно так: керамические графинчики подогревают в тазу с водой.

Первое лицо произнесло тост: за председателя Мао и председателя Ма (то есть Маленкова). Я выпил и оторопел: в фарфоровом наперстке было пиво, нагретое до температуры чая. Оказывается, кто-то поведал хозяевам, будто иностранцы, коих тут никогда не бывало, любят некое «вино пи». За ним пришлось съездить на железнодорожную станцию.

После первого тоста было предложено выпить за китайско-советскую дружбу, за победу мира и социализма, за светлое будущее человечества. Потом раскрасневшиеся хозяева стали по очереди подходить с предложениями отдельно выпить за комсомол, за профсоюзы, за армию, за госбезопасность и так далее. Когда процедура повторилась по второму кругу, девять изумленных хозяев поинтересовались: сколько же московскому гостю надо выпить «вина пи», чтобы хоть как-то захмелеть?

— А оно у вас еще есть? — спросил я.

Принесли запыленную бутылку пива «Циндао». Я поднял ее и произнес: «За успех первой китайской пятилетки! Пусть у вас будет столько же неудач, сколько здесь останется капель!» И выпил из горлышка все до дна. Люди за столом смотрели на меня так, словно я только что проглотил ампулу с ядом.

Когда все убедились, что ничего страшного со мной не произошло, первый секретарь укома восхищенно сказал: «Не зря председатель Мао учит нас настойчиво учиться у советского старшего брата!»

С тех пор прошло полвека. И вот недавно я прочел, что по потреблению пива Китай скоро опередит Соединенные Штаты и выйдет на первое место в мире. Дай Бог, чтобы не только этим обогатился от общения с нами наш великий восточный сосед!

Змея над чашей

Каждому знакома традиционная эмблема фармакологов — змея, склонившая голову над чашей. Люди с глубокой древности знают: чем сильнее яд, тем более он целителен при правильном применении и дозировке. Я имел случай убедиться в этом на собственном опыте, попробовав в Кантоне желчь живой кобры в сезон, когда змея наиболее ядовита.

В духовной культуре народов Дальнего Востока неразрывно

связаны между собой кулинария и медицина. Китайские врачи издавна используют алкоголь для накопления и сохранения лечебной силы различных органических веществ, будь то лекарственные растения или такие элементы животного мира, как рог носорога, кости тигра, панты оленя, личинки муравьев и пчел, а также змеиный яд.

Пожалуй, самый экзотический способ использования алкоголя в лечебных целях я испытал на юге Китая, в Кантоне. Там находится известный во всей Юго-Восточной Азии ресторан «Царь змей». Едва переступив его порог, поражаешься многовековой фарфоровой чаше с рисовым вином, в котором плавают три змеи. Официанты зачерпывают напиток кувшинами и разносят посетителям. Каждое утро в вино живьем бросают три вида ядовитых змей. Уже к вечеру настой обретает целебные свойства.

Это, так сказать, дежурное блюдо. Но возможны и заказы из меню. Спутники повели меня к батарее бутылок с различными змеями на этикетках. Хозяин ресторана деликатно осведомился о моем здоровье. Спросил, хорошо ли я сплю, не жалуюсь ли на ломоту в суставах, не ухудшается ли зрение. В конце концов он выбрал из множеств настоек ту, которую считал наиболее для меня полезной.

Но отведать экзотический напиток пришлось еще более экзотическим путем. На стол поставили прозрачную миску с живыми креветками. На них вылили содержимое бутылки. Креветки неистово заметались, но вскоре затихли. Их надо было съесть сырыми.

Потом нам подали суп под названием «хризантема с тремя змеями». Это была похлебка с цветочными лепестками, имбирным корнем и чуть жестковатым змеиным мясом, нарезанным соломкой.

В 50-х годах меня тут же потчевали блюдом «битва тигра с драконом», где змеиное мясо готовится вместе с кошачьим. На сей раз нам его не подали (может быть, учитывая предрассудки иностранных туристов, которых теперь в Кантоне куда больше, чем прежде). Зато предложили кушанье с не менее поэтическим названием «дракон играет с фениксом», где роль мифической птицы была предоставлена курице.

Целебные свойства ядовитых змей известны в Китае около трех тысячелетий. Об этом свидетельствуют древние книги. Поначалу змей ловили ради их желчи, высоко ценимой врачами китайской народной медицины. Позже стали использовать змеиное мясо для приготовления изысканных блюд.

Поставщиком желчи для кантонских аптек был и основатель

ресторана «Царь змей» У Мань, открывший это прославленное заведение в 1885 году. Нынче там ежедневно расходуется больше сотни змей. Их закупают в горных районах южных провинций, где издавна существуют артели змееловов. Выше всего ценятся древесная змея, которую в народе называют «трехполоска», а также «лопатоголовая кобра» и «золотое колечко» (разновидность медянки). Мясо их идет на кухню, кожу продают для выделки, а очень ядовитые головы непременно сжигают.

Кульминация обеда наступила, когда к столу подошел повар с клеткой, где ползали три змеи. Мне пояснили, что китайская медицина считает змеиную желчь эликсиром молодости и здоровья. Ее целебные свойства научились сохранять впрок в алкогольных настойках. Но самое лучшее — отведать желчь, только что извлеченную из живой змеи.

Повар уселся на корточки, вытащил из клетки кобру. Правой ногой прижал к полу ее голову, а левой хвост. Змея натянулась между его расставленными коленями. Сверкнув ножом, он сделал надрез, запустил в змеиное тело палец и извлек наружу нечто похожее на маслину. Это был желчный пузырь кобры.

Операция была ловко повторена с двумя другими змеями. Три виноградинки прокололи иглой и выдавили темную жидкость в рисовое вино. Причем оно из золотистого тут же стало изумрудным.

Опьянение от этого напитка было своеобразным и очень приятным. Я испытал прилив вдохновения, словно Остап Бендер в Васюках. Мне пояснили: змеиная желчь повышает способность к импровизации. Поэтому известные рок-группы с Филиппин специально посещают ресторан «Царь змей» перед записью очередного диска.

На юго-западе Китая, как и во Вьетнаме, продают настойку с ящерицей внутри, которая втрое толще бутылочного горлышка. Чтобы сотворить такое чудо, требуется лишь терпение. Пресмыкающееся попадает в бутылку детенышем. Несколько месяцев ящерицу кормят, а когда она вырастает до нужных размеров, заливают вином.

В большом ходу у китайцев настойки на лекарственных растениях. Очень популярен корень женьшеня. Его нужно протолкнуть через бутылочное горлышко непременно «ногами вниз», как он растет. Любят китайцы и настойку на дерезе — оранжевой ягоде, формой и вкусом похожей на барбарис. Используется также множество других корней, листьев, цветов и плодов. Но когда я вижу медицинский символ — змею, склонившую голову над чашей, я прежде всего вспоминаю вино, в которое капнули желчь живой змеи.

Китай многолик. Это как бы целый континент, где региональные различия дают о себе знать буквально во всем, от местных диалектов до местной кухни. Сельский житель, приехавший из другой провинции на заработки в город, порой не понимает устную речь своих соотечественников. Когда пассажиры поезда Пекин — Кантон выходят из вагонов размяться и спрашивают: «Сколько продлится стоянка?» — проводник показывает им цифру на пальцах или пишет на ладони воображаемые иероглифы. Разумеется, с развитием телевидения, распространением школьного образования эталонный пекинский диалект повсеместно войдет в обиход.

А вот унификация местных кухонь маловероятна, да и не желательна. Китайская кулинария подобна развесистому дереву, на ветвях которого вызревают разные по вкусу плоды. В принципе свою специфику имеет каждая из провинций. Но есть четыре главные кулинарные школы, которые пользуются популярностью в общенациональном масштабе. Это пекинская кухня на севере и кантонская на юге, сычуаньская на западе и шанхайская на востоке.

На простонародном уровне пекинская кухня славится множеством разновидностей лапши, пельменей, паровых пампушек с начинкой или без нее. Ведь к северу от бассейна Янцзы основу питания составляет пшеница, а не рис. Вторая особенность — обилие солений и маринадов. Теплицы вошли в обиход лишь недавно. А прежде свежие овощи, кроме капусты, зимой были роскошью. Пекинскую кухню отличает интенсивный вкус. Кроме имбиря и кунжутного масла, повара употребляют много чеснока, лука-порея и стручкового перца.

Но больше всего столичная кулинария славится пекинской уткой. В 50-х годах ею можно было полакомиться только в ресторане «Цюаньцзюйдэ» за южными воротами Цяньмэнь. К этому заветному месту вел переулок шириной в метр. Желая позабавить московских гостей, я объяснял им это заботой о подвыпивших посетителях — чтобы при возвращении домой они могли опираться сразу о две стены.

Гостям приносят полдюжины потрошенных уток. На отобранной надо расписаться специальной тушью. Потом птицу «для цвета» натирают сахарной пудрой, заливают внутрь тушки воду, вешают утку на крюк и помещают в подобие русской печи, где она изнутри варится, а снаружи жарится.

Между тем гости усаживаются за стол. Им предлагают множество холодных закусок и горячих блюд, тоже из утки:

утиные лапки в остром горчичном соусе, жареные утиные печенки с молотым перцем, вареные утиные язычки, паровые кнели из утиного фарша и еще бог знает сколько всего утинового.

И вот наконец повар приносит саму золотисто-шоколадную утку и ловко разделяет ее так, что на каждом кусочке нежного мяса остается поджаристая корочка. Нужно положить на ладонь тонкую пресную лепешку, на нее — несколько нарезанных соломкой свежих огурцов и стебельков лука-порея, макнуть два-три кусочка жареной утки в пряный сливовый соус, завернуть все это и съесть.

Кантонская кухня в сравнении с пекинской наглядно воплощает контраст между севером и югом, между приморьем и глубиной. Она, скорее, утонченна, чем резка, чаще сладка, чем остра. Самые известные блюда кантонской кухни готовятся из живых морепродуктов. Но данный компонент не является ее единственной особенностью.

Кантонское блюдо «битва тигра с драконом», как уже говорилось, готовится из мяса кошки и кобры. Есть и более экзотичные лакомства. Например, мозг живой обезьяны. Об этом запрещенном в КНР блюде знаю лишь понаслышке. Голову несчастного животного фиксируют специальными тисками — так что из закрытого ящика выдается лишь теменная кость. Ее срубают точно рассчитанным ударом. Обнажившийся мозг едят, когда он еще теплый.

А вот новорожденных мышей пробовать доводилось. На стол ставят открытый китайский самовар с кипящим бульоном и зажженную свечу. Приносят клетку с крохотными трехдневными мышатами, которые, кроме материнского молока, еще ничего не ели. Повар зажимает каждого зверька в кулак и бьет деревянным молоточком по носу. Оглушенных, но живых мышат раскладывают рядами на блюде.

Гостю остается взять крохотное существо за хвост, опалить над свечой и на несколько минут окунуть в кипящий бульон. Потом сварившегося непотрошеного мышонка макают в соус и съедают целиком, вместе с мордочкой и лапками. Косточки легко жуются, а мясо горчит, как лесная дичь, что гурманы особенно ценят.

Пожалуй, именно к кантонской кухне в наибольшей степени относится китайская пословица: «Хороший повар способен приготовить лакомое блюдо из чего угодно, кроме луны и ее отражения в воде».

Иностранцу, попавшему в Китай в феврале, может показаться, что огромную страну охватила паника. Не тысячи и даже не сотни тысяч, а десятки миллионов людей изо дня в день штурмуют билетные кассы железнодорожного, автомобильного, водного, воздушного транспорта. Все виды пассажирского сообщения работают в авральном режиме. Причина охватывающей Китай лихорадки — Новый год по лунному календарю. Хотя он теперь официально переименован в Праздник весны, для миллиарда трехсот миллионов жителей страны именно эти две недели остаются порой новогодних праздников, которые каждая семья должна непременно встречать вместе, под одной крышей.

Возвращаются в родные села свыше ста миллионов сезонников, ежегодно отправляющихся на заработки в города, едут на побывку домой сотни тысяч военнослужащих, спешат к своим семьям десятки тысяч бродячих торговцев, ремесленников, лодочников, бурлаков.

Но прежде всего традиция требует, чтобы на праздничный сезон непременно воссоединились супруги, которые по каким-то причинам разлучены. Согласно укоренившимся у китайцев представлениям, в природе для всего есть своя пора. В двадцати четырех двухнедельных сезонах традиционного лунного календаря воплощен многовековой опыт поколений — это, по существу, оптимальный график полевых работ, подсобных промыслов, а также народных праздников.

Издавна было принято считать, что есть своя пора и для активной супружеской жизни: две недели Праздника весны, от первого февральского новолуния до первого полнолуния. Стало быть, десятки миллионов людей включаются в тотальный транспортный аврал именно ради того, чтобы, по традиции, своевременно исполнить свой супружеский долг.

«Если каждый китаец топнет ногой, произойдет землетрясение», — говорил когда-то Наполеон. Будь он прав, сейсмологи должны были бы каждый февраль фиксировать содрогание земной коры в Восточной Азии. Ведь если кто и следует библейскому изречению «Время обнимать и время уклоняться от объятий», так это китайцы. Когда в прежние времена невестка оставалась «яловой» после двух недель Праздника весны, ей надлежало дать объяснение свекрови: почему? Секс, таким образом, имел как бы прикладное значение. Цель мужа состояла в том, чтобы в очередной раз сделать жену беременной.

Не следует, разумеется, понимать сказанное буквально. Современное поколение, особенно в городах, не признает сезонности в супружеских отношениях. Но инерция многовековых

обычаев все-таки дает о себе знать. В частности, после Праздника весны китайские супруги могут спокойно расстаться на несколько месяцев, а то и на год.

Примечательный факт: при посольствах КНР обычно нет начальных школ. Молодые дипломаты работают за границей без жен. А в глухих сельских районах односельчане привыкли отмечать день рождения сообща, в Праздник середины осени. Стало быть, все они были зачаты на лунный новый год.

Конечно, во все века двухнедельный период супружеской жизни не касался верхушки общества. Об этом свидетельствует обширная эротическая литература (например, «Цзинпинмэй» — «Цветы сливы в золотой вазе»). По иным правилам издавна жили приморские города, например Шанхай, прозванный «азиатским Парижем».

Итак, Праздник весны прежде всего — пора воссоединения мужей и жен ради выполнения ими супружеского долга, поистине «время обнимать». Но это и сезон воссоединения под одной крышей всей семьи. Не случайно график школьных и студенческих каникул ежегодно смещается в соответствии с лунным календарем. Новогодние угощения — преимущественно пельмени — у китайцев принято готовить только сообща.

Это касается и клейких лепешек, которые полагается класть на алтарь предков в Праздник фонарей, завершающий собой две новогодние недели. Они предназначены для Духа очага. Данный персонаж, которого китайцы зовут Цзаошэн, играет в их новогодней мифологии такую же роль, как на западе Дед Мороз или Санта-Клаус. После праздников Цзаошэн отправляется на небо, дабы проинформировать души предков о том, как прожили очередной год их потомки, какими новостями обменивались они возле домашнего очага. Так вот, чтобы Цзаошэн не болтал лишнего, вся семья толчет деревянными ступами клейкий рис и лепит из него лепешки, которые бы склеили духу рот.

На Дальнем Востоке я ежегодно убеждался, что праздничные ритуалы воплощают три ипостаси счастья в понимании китайцев и других народов Азии. Это «Фу» — благополучие в семье. «Лу» — удача за порогом дома, то есть успех в карьере. И наконец, «Шоу» — долголетие. Такая трактовка счастья в системе трех координат служит лейтмотивом произведений прикладного искусства, предназначенных для новогодних подарков.

Песенные состязания на «улице невест»

Незабываемой стала для меня поездка в провинцию Юньнань,

название которой в переводе означает «К югу от облаков». Эта юго-западная окраина страны прилегает к Вьетнаму, Лаосу, Бирме и напоминает этнографический музей. По количеству национальных меньшинств она занимает первое место в КНР.

Китай — одно из самых однородных по своему составу государств. Ханьцы, то есть этнические китайцы, составляют более 90 процентов жителей. Но в самой многонаселенной стране мира даже 10 процентов — это 130 миллионов человек. Так что общая численность национальных меньшинств сопоставима там с населением Японии и лишь немногим уступает населению России. Живут они преимущественно в глубинных, удаленных от морского побережья западных провинциях.

Лесистые горы субтропической Юньнани напоминают заповедник различных общественно-экономических формаций. В долинах, где живут ханьцы, доминирует «социализм с китайской спецификой», проще говоря — социально ориентированная рыночная экономика. У нацменьшинств, обитающих на склонах, сохранились феодальные отношения с пережитками рабства. А в джунглях на вершинах гор обитают племена, у которых до наших дней дожил первобытнообщинный строй.

Местные власти очень терпимо, уважительно относятся к традициям и обычаям национальных меньшинств, даже когда их нравы в чем-то противоречат действующему в КНР семейному кодексу. Это прежде всего касается специфики брачных связей. Мне особенно запомнилось весьма своеобразное сватовство у народности хани.

Когда в селении хани девушке исполняется 16 лет, родители строят ей за околицей отдельную хижину. По вечерам на «улицу невест» приходят парни — как местные, так и из дальних деревень. Перед жилищами приглянувшихся им девушек происходят песенные состязания. Победитель каждого из них получает приглашение провести ночь с хозяйкой. Однако в следующий раз она вправе пригласить любого другого претендента.

Подобные «смотрины» продолжаются от новолуния до полнолуния из месяца в месяц, по крайней мере в течение трех лет. Так, перезнакомившись практически со всеми окрестными женихами, девушка в конце концов останавливает свой выбор на ком-то из них. Она занавешивает вход в свою хижину в знак того, что избранник отныне поселился у нее постоянно.

Но это еще не брак, а нечто вроде обручения. Когда девушка и парень убедились, что подходят друг другу как партнеры, у них должны родиться двое детей. Лишь после этого им устраивают пышную свадьбу.

Из заранее заготовленного материала односельчане строят бамбуковый дом на сваях. Под песню из 108 куплетов туда торжественно вселяются молодожены. При таком тщательном подборе спутника жизни у представителей народности хани практически не бывает супружеских измен, а тем более — разводов.

За горизонтом времени

В 1955 году я оказался первым из россиян, кому довелось попасть в Тибет по только что проложенной туда автомобильной дороге. Больше двух недель потребовалось нашему «ГАЗ-69», чтобы добраться до заоблачной Лхасы — города, о котором буддисты всего мира мечтают, как мусульмане — о Мекке, а католики — о Риме.

Чем ближе к столице Тибета, тем чаще видишь на обочине дороги паломников, шагающих к буддийским святыням. Потала — величественный дворец далай-ламы — способен доминировать и над современным городом. Какой же благоговейный трепет вызывает он у паломника, прожившего всю жизнь в палатке из ячьей шерсти! Трудно поверить, что тринадцатизэтажный комплекс из 999 дворцовых помещений был возведен на крутой скале тринадцать веков назад.

В отличие от большинства знаменитых архитектурных ансамблей Востока композиция Поталы развернута как бы в вертикальной плоскости. Дворец открывается взору сразу весь, целиком. Его стены скошены как грани усеченной пирамиды. Они словно повторяют лейтмотив здешней природы — контуры горных склонов.

Дворец Потала был построен в VII веке в честь бракосочетания тибетского царя Сронцзан Гамбо и китайской принцессы Вэньчэн. Впервые объединив населявшие нагорье племена, царь основал тогда династию Тубо (от названия которой, видимо, и произошло слово Тибет) и попросил у китайского императора Тайцзуна взять в жены одну из его дочерей.

Во времена династии Тан китайская столица Чанань (ныне Сиань) была одним из центров мировой цивилизации, отправной точкой Великого шелкового пути. И неудивительно, что Вэньчэн привезла с собой ученых и умельцев, которые положили в Тибете начало многим наукам и ремеслам. Именно с той поры китайцев и тибетцев связал Великий чайный путь, который служит для жителей нагорья жизненно важной артерией уже тринадцать

столетий.

Дворец Потала восхищает благородным сочетанием трех цветов: золотого, белого и красного. Кровли из листового золота. Начисто побеленные стены. Бурые, как запекшаяся кровь, карнизы из выкрашенного охрой камыша.

Перед тем как во дворец вселяется новый далай-лама, его личные покои расписывают фресками из его будущей жизни. Так было и в 1940 году, при инаугурации нынешнего иерарха. Внимательно изучив настенную роспись, убеждаешься, что события 1959 года (антипекинский мятеж, поражение которого заставило далай-ламу бежать в Индию) были заранее предсказаны аллегорическими образами.

В Тибете меня особенно поражала необъяснимая способность «посвященных» заглядывать за горизонт времени. 14 сентября 1955 года я встречался с далай-ламой четырнадцатым в его летней резиденции — дворце Норбулинка. Когда после беседы мы вышли на террасу, я спросил далай-ламу: почему над дворцом Потала летает бумажный змей?

— Вам повезло, — сказал он. — Змей означает, что вы попали в Лхасу в дни «купальной недели», когда тибетцы раз в году моются в горячих источниках, отмечают Праздник урожая. Это лучшая пора, чтобы оказаться в Тибете. И не только в первый, но и во второй раз. В свое время вы это поймете.

Последние слова иерарха я пропустил мимо ушей. Но вспомнил их, вновь посетив Лхасу в 1990 году. На пути из аэропорта мне прежде всего бросился в глаза бумажный змей над золотыми кровлями Поталы. Тут я сообразил, что оказался тут не когда-нибудь, а именно 14 сентября, в тот самый день, когда 35 лет назад встречался с далай-ламой.

Другой собеседник, основатель школы астрологии и медицины Кенраб Норбу, предсказал мне в 1955 году, что через две недели у меня в Москве родится не сын, как все ожидали, а дочь. Так оно и произошло 30 сентября. Затем он сказал: спустя два месяца некто разрушит мои планы, чему я сначала огорчусь, а потом порадуюсь. Зато мне предстоит горевать о том, что произойдет через два года.

Вскоре после возвращения из Тибета возникла необходимость лететь в Бандунг на конференцию неприсоединившихся государств. Ценой невероятных усилий я добыл место на прямой авиарейс. Однако для выезда в третью страну требовалось разрешение ЦК КПСС. А оно запоздало.

Пришлось отдать билет польскому коллеге. Но когда самолет «Принцесса Кашмира» находился над Индийским океаном, на его борту взорвалась бомба, все погибли. А два года спустя отец

вызвал меня из Пекина в Ленинград хоронить мать. Тогда я вновь вспомнил слова основателя школы астрологии и медицины.

Тибетская медицина исходит из того, что легче лечить больного, зная его предрасположенности, сложившиеся под воздействием небесных тел в момент его рождения. Однако астрологические прогнозы не означают фатальной неизбежности. Данные гороскопа больше похожи на дорожные знаки, которые либо предупреждают об опасности, либо побуждают воспользоваться благоприятными возможностями. Если прислушиваться к голосу судьбы, можно избежать несчастья и не упустить свой шанс.

Один из главных символов буддизма — колесо жизни. Его вращение по часовой стрелке олицетворяет причинно-следственную связь прошлого, настоящего и будущего. Сама идея реинкарнации, или перевоплощения душ, исходит из того, что наша нынешняя жизнь является следствием жизни прошлой и причиной жизни будущей.

Тибетская медицина не осталась в стороне от попыток раскрыть сверхъестественные способности человека. Прежде всего это касается ясновидения, в частности, способности видеть биополе больного. Ламы-врачеватели утверждают, что по характеру и оттенку излучения можно судить не только о состоянии здоровья человека, но и о его душевных свойствах, добрых или злых намерениях.

На личном опыте я убедился, что пути выявления сверхъестественных способностей в различных религиях совпадают. Чтобы сдвинуть крышку над таинственной кладовой подсознания, человек должен пройти суровую психофизическую тренировку, своего рода школу самосовершенствования. Формы ее всюду одни и те же: молитва, пост, отшельничество. Этими приемами пользовались и русские старцы в Оптиной пустыни, и махатмы в Гималаях.

Есть своя логика в том, чтобы нравственно укрепить человека, прежде чем раскрыть его потенциальные возможности, дабы он не употребил их во зло. Но «смирять себя молитвой и постом» — средство, а не самоцель. Как мне образно пояснили богословы в Лхасе, если считать буддизм наукой, то тибетская йога — это технология. Инструмент, помогающий проложить дорогу к цели, однако отнюдь не сама цель.

Как тибетская герцогиня приглашала меня в мужья

Во время поездки по Тибету мне было 29 лет. И я не мог не

заметить: тибетки, в полную противоположность китайцам, отнюдь не безразличны к встречающимся им мужчинам. Обратил внимание и на то, что местные девушки носят ожерелья из нанизанных на ремешок серебряных монет. Каждая — подарок от парня в память о любовной связи.

Если монет мало, значит, девушка не пользуется вниманием мужчин, и сосватать ее трудно. Близость же с чужестранцем в этом изолированном от мира краю ценится особенно высоко и обозначается в таком монисте коралловым шариком. Во время приема от имени правительства далай-ламы в Лхасе знатные дамы буквально за руку тянули меня к своим дочерям и просили обратить на них внимание.

Повышенная сексуальная озабоченность молодых тибеток имеет свое объяснение. Крыша мира — одно из немногих мест на земле, где сохранилось многомужество. Причины тому, прежде всего, экономические. Для бедных семей это способ сохранить под родительским кровом всех сыновей, заплатив калым только за одну невестку, избежать раздела имущества.

Женят лишь старшего сына, наследующего отцовскую пашню или пастбище. Младшие же сыновья по мере взросления тоже присоединяются к этому браку. Естественной считается и связь свекра с невесткой. Вопрос об отцовстве никогда не встает. Есть лишь общая мать, ибо все дети в семье рождаются из одной утробы. Когда сыновья становятся юношами, им опять-таки берут одну жену на всех.

Традиция многомужества, с одной стороны, и безбрачие монахов — с другой привели в Тибете к избытку женщин при нехватке мужчин. Это породило обостренную конкуренцию между девушками и сформировало в обществе благосклонное отношение к добрачным связям. Когда незамужняя тибетка беременеет, отец ребенка трудится в ее семье две недели до родов и две недели после. Затем родители девушки с благодарностью провожают его и причисляют младенца к собственным детям.

Таково предисловие к эпизоду, о котором я хочу рассказать. Во время одной из поездок по Тибету меня сопровождал молодой дворянин Саду Ринчен, который учился в Индии и блестяще говорил по-английски. Мы осмотрели старинную типографию в карстовой пещере, где буддийские монастыри всей Азии заказывают для себя канон из 214 томов. На стеллажах хранятся тысячи резных деревянных досок, с каждого клише вручную печатается одна из бесчисленных страниц канонического текста.

Познакомившись с предшественниками Ивана Федорова и Иоганна Гутенберга, мы отправились обратно в Лхасу. За крутым поворотом путь нам преградили всадники на вороных конях.

Парчевые одежды, какие здешние горцы носили еще во времена Марко Поло, контрастировали со стрелковым оружием новейших образцов. Наш второй джип с четырьмя автоматчиками рванулся вперед. Но тут, будто в голливудском боевике, из-за всех окрестных скал разом появились фигуры вооруженных людей.

Стало ясно: хорохориться нам не следует. Саду Ринчен направился к всадникам на переговоры. Нам вежливо объяснили: правительница здешних мест приглашает иноземного гостя к себе, чтобы с ним познакомиться. Окруженные конной свитой, мы подъехали к средневековой крепости на вершине горы. Под закопченными сводами зала на возвышении стоял золоченый трон, а ступенью ниже — другой, поменьше. Нас усадили на леопардовую шкуру перед троном.

Как мне пояснил Саду Ринчен, здешняя правительница, которую он по-английски называл «герцогиня», формально является регентшей при своем малолетнем брате. Ее владения простираются «на три дневных перехода» и насчитывают 24 тысячи крепостных.

Два воина с факелами встали по бокам трона, словно на картине Верещагина. И вот вслед за тщедушным подростком появилась сама герцогиня. До сих пор вспоминаю ее с восхищением. Это была прямо-таки Шамаханская царица из сказки о Золотом петушке — статная, гибкая, поражающая неожиданным сочетанием утонченной женственности и суровой властности. Гитлер не случайно считал тибетцев первоисточком арийской расы. Во внешности тибеток совершенно нет монголоидных черт. Они больше напоминают воспетых Есениным персидских красавиц.

После официального обмена любезностями (я поблагодарил хозяйку за возможность посмотреть древнюю типографию) мальчика увели. А герцогиня, несомненно уловившая мои восторженные взгляды, пересела ко мне на леопардовую шкуру. Это вызвало ропот стоявших за троном мужчин, судя по всему — фаворитов. Но правительница разом одернула их едва заметным движением мизинца.

Выпили ячменной браги из чеканных кубков. И герцогиня без обиняков предложила мне остаться, «насколько я захочу», в качестве гостя, чтобы украсить ее девичье ожерелье коралловым шариком. Саду Ринчен, хорошо знавший как китайские, так и советские порядки, сказал, что это невозможно, ибо моего возвращения в Пекин ждет сам Мао Цзэдун.

Недвузначное предложение герцогини обратили в шутку. Тем более что я дважды осрамился в глазах хозяев, дав им повод посмеяться над чужеземцем. Во-первых, когда на серебряных

подносах внесли гигантские куски вареного мяса. Однако ни ножей, ни вилок, ни тарелок не подали. Достав из-за пазухи крошечный малайский кинжал, правительница жестом пригласила начать пиршество. Оказалось, что у иностранного гостя при себе нет ножа. Это вызвало насмешливое удивление.

Вторым ударом по моему мужскому достоинству стала конная прогулка. После трапезы герцогиня предложила проехать верхом к скиту лам-отшельников. Вспомнив, что в 1943 году у меня в полковой школе были занятия по конному делу, я легкомысленно согласился. Мне дали смирную на вид низкорослую лошадку местной породы. Сначала все было хорошо. Но когда я попробовал вслед за герцогиней перескочить через ручей, моя кобыла вдруг наклонила голову и стала как вкопанная. Я соскользнул вниз по ее холке, шлепнулся в воду и окончательно подмочил свою репутацию как в переносном, так и в прямом смысле.

Словом, на мне лежит грех, что оставил очаровательную тибетскую герцогиню без кораллового шарика. Надеялся увидеть ее в Пекине, после того как во Всекитайское собрание народных представителей кооптировали наиболее знатных тибетских аристократов. Но в Лхасе в 1959 году вспыхнул антиправительственный мятеж, и знакомая мне владелица 24 тысяч крепостных вместе с далай-ламой эмигрировала в Индию.

Лама с мобильником

О том, что Тибет — край чудес, знает, пожалуй, каждый. Мне довелось побывать там дважды, в 1955 и 1990 годах, увидеть много такого, во что трудно поверить даже очевидцу. И вот еще одно чудо: современная фотография ламы, который разговаривает по мобильному телефону на фоне храма Джокан в центре Лхасы.

К храму Джокан со всей Азии по сей день устремляются ламаисты-паломники. Причем свой дальний путь они меряют собственным телом. Прошел несколько шагов — распростерся ниц на каменистой тропе, чтобы сделать потом еще несколько шагов до места, куда дотянулись руки.

Помню, как, беседуя со мной в 1955 году, настоятель храма Джокан вдруг прервал разговор словами:

— Простите, мне пришла весть...

И стал отдавать какие-то распоряжения по-тибетски:

— Близ одного из монастырей за перевалом монах сорвался с обрыва. Надо срочно послать туда костоправа!

Так я стал свидетелем сеанса телепатии — предшественницы современной сотовой связи. Мне разъяснили, что секта «Красных шапок» издавна развивает у молодых лам способность к телепатическим контактам. Чтобы улучшить «роуминг» такой связи, некогда использовался жестокий обычай. Под краеугольный камень каждого нового монастырского здания клали ламу-подростка. Юношу вводили в состояние «самадхи», похожее на летаргический сон, и без его ведома навсегда накрывали спящего каменной плитой.

Считалось, что подобно тому, как конь чует могилу хозяина, погребенного несколько лет назад, трупы молодых лам давали излучение, облегчавшее телепатам выход на нужный объект. В 1990 году я беседовал с профессором богословия в Тибетском университете. Отданный ребенком в монастырь Ганден, он был выбран для этой печальной участи. Но бежал, предупрежденный наставником, который сжалился над своим учеником.

По соглашению о мирном освобождении Тибета, подписанному Мао Цзэдуном и далай-ламой в 1951 году, центральное правительство сохраняло в неприкосновенности средневековый уклад в заоблачной Шамбале. Лишь после подавления антипекинского мятежа в 1959 году в Тибете было отменено рабство, труженики стали хозяевами своих полей и пастбищ.

За полвека центральные власти оказали быломu заповеднику Средневековья помощь в размере 6 млрд. долларов. В некогда поголовно неграмотном краю 86 процентов детей ходят в школу. (Теперь можно поступать в монастырь только с шестиклассным образованием.) Средняя продолжительность жизни тибетцев увеличилась с 36 до 67 лет. В результате население края увеличилось с 1 до 2,6 миллиона человек (из которых тибетцы составляют 92 процента). Словом, разговоры о том, будто Тибет «вымирает» или подвергается «китаизации», — домыслы западной пропаганды.

Во время личной встречи с Цзян Цзэмином в 2001 году я спросил у председателя КНР, в какой области жизни китайского общества происходят наиболее разительные перемены. Глава государства ответил, что, на его взгляд, это стремительное развитие сотовой связи. Первые мобильные телефоны появились в Китае в 1987 году. Десять лет спустя их было 10 миллионов, а нынче уже 180 миллионов. По количеству абонентов сотовой связи Китай вышел на первое место в мире, опередив США.

Так что лама с мобильником в центре Лхасы, хотя и нечто невероятное, но вполне очевидное.

Как я уже упоминал, летом 1955 года я совершил путешествие в Тибет по впервые проложенной туда автомобильной дороге. Это было приглашение премьера Госсовета КНР Чжоу Энляя.

От Чэнду (административного центра провинции Сычуань) до Лхасы (столицы Тибета) две с половиной тысячи километров. Почти как от Москвы до Сочи. Но чтобы преодолеть расстояние, нашему «ГАЗ-69» потребовалось больше двух недель. Дело в том, что на подступах к Тибетскому нагорью линии снежных хребтов и зажатых между ними рек тянутся с севера на юг. Трассу же пришлось прокладывать с востока на запад, пересекая четырнадцать горных перевалов и верховья великих азиатских рек — Янцзы, Меконга, Салуэна.

Легко ли представить себе грузовик, движущийся намного выше облаков? Когда сквозь голубоватую толщу воздуха видишь крутые зигзаги всего сделанного за день пути, когда даже моторам не хватает воздуха и вода в радиаторе закипает при восьмидесяти градусах, думаешь о подвиге тех, кто проложил шоссе, впервые связавшее Тибет с внешним миром. Ведь прежде добраться туда из центральных провинций Китая можно было, лишь проведя четыре месяца в седле на горных тропах.

Впрочем, полмесяца тряски в «ГАЗ-69» и ночевки в спальных мешках имели свои плюсы. Организм смог постепенно приспособиться к разреженному воздуху. (Лхаса расположена на той же высоте, что макушка священной японской горы Фудзи: 3773 метра над уровнем моря.)

Тридцать пять лет спустя я за два часа долетел от Чэнду до Лхасы на самолете. В 1990 году мне было уже не 29, а 64. Да и времени на адаптацию не было. По глупости не пользовался перед сном кислородным баллоном, который стоял в гостиничном номере, пренебрег советом первые дни поменьше двигаться.

В итоге оказался в больнице с горной болезнью — острым отеком легких, который развивается лавинообразно и часто приводит к летальному исходу. Хорошо еще, что вовремя обратился к местным врачам. Они за неделю поставили меня на ноги, хотя потом в ЦКБ еще долго возились с остаточными явлениями. Словом, повторять подвиги собственной журналистской молодости оказалось рискованно.

Лично убедившись, что до Лхасы благоразумнее добираться не за два часа, а за две недели, я мечтаю о времени, когда осуществится дерзкая идея: проложить в Тибет железную дорогу.

Но не с востока — из Сычуани, а с севера — из провинции Цинхай, где рельеф более благоприятен для строителей.

Тибет занимает восьмую часть территории Китая. Но будучи одной из крупнейших административных единиц страны, он пока не имеет ни одного километра железных дорог. В 1974 году началось строительство первого участка Цинхай-Тибетской стальной магистрали. Десять лет спустя вступил в строй ее первый участок. Он проходит по территории Цинхая от столицы провинции — Синина до Голмуда у административной границы с Тибетом.

Начало XXI века ознаменовалось решением Госсовета КНР приступить к прокладке второго участка: Голмуд — Лхаса. На эти грандиозные работы потребуются шесть лет и три миллиарда долларов. Дело в том, что из 1118 километров трассы 969 километров проходят на высоте более 4000 метров (один перевал расположен на высоте 5072 метра над уровнем моря).

Создатели высокогорной трассы намерены использовать российский опыт строительных работ в условиях вечной мерзлоты. Стальная магистраль Синин — Лхаса станет выдающимся инженерным сооружением XXI века, не имеющим аналогов в мире.

Железнодорожное сообщение позволит надежно снабжать горный край энергоресурсами и грузами, необходимыми для модернизации Тибета. Ожидается, что чуть ли не стократно возрастет поток туристов, желающих воочию увидеть загадочную Шамбалу.

В каждом купе установят кислородные баллоны, дабы пассажиры пользовались ими по несколько часов в сутки за время своего трехдневного пути (из-за подъемов и спусков поезда будут двигаться не очень быстро даже при двойной локомотивной тяге). Хотелось бы дожить до времени, когда после моего автомобильного и воздушного путешествия можно будет съездить в Тибет по рельсам.

Соотечественник Блаватской

Вернусь к моей первой поездке в Тибет в 1955 году, когда меня удостоил аудиенцией сам далай-лама четырнадцатый. Я проделал тщательно отрепетированный ритуал представления Его святейшеству, в завершение которого высший иерарх ламаизма возложил на мою склоненную перед ним шею белый шарф. После официальной беседы через переводчика мы вышли на балкон, чтобы полюбоваться панорамой Лхасы. Оказавшись

наедине, обменялись несколькими фразами по-английски.

— Рад, что наконец встретился с соотечественником госпожи Блаватской. Ее труды наши богословы высоко ценят, — сказал мне далай-лама.

Это имя я слышал, но что с ним связано — не смог тогда вспомнить. После второй поездки в Тибет 35 лет спустя именно мне выпала судьба первым рассказать на Центральном российском телевидении о значении Блаватской. Передача вышла в эфир в ту пору, когда у нас начался процесс возрождения имен. Многие наши выдающиеся соотечественники какое-то время были больше известны за пределами России, нежели на родине. Писатель Иван Бунин, балерина Анна Павлова, художник Николай Рерих — всем им народ воздает ныне то, что они заслужили еще при жизни.

В этом ряду реабилитированных имен следует назвать и Елену Блаватскую. Она вошла в историю как основательница теософии — науки о божественной мудрости, общих корнях различных вероучений. По мнению Блаватской, религия воплощает не только философию жизни и нравственные нормы, но и древнюю науку. Так что, раскрыв сокровенный смысл религиозных догм, можно обрести ключ к познанию мира.

В 1875 году Блаватская учредила теософское общество, дабы содействовать сравнительному изучению религии, философии и науки, исследовать непознанные законы природы и скрытые силы человека. Даже у самых фанатичных материалистов не должен вызвать возражение ее девиз: «Нет религии выше истины». Тезис Блаватской о том, что в религиях сконцентрирован бесценный опыт многих поколений, стал краеугольным камнем деятельности теософского общества. Первые семь лет его штаб-квартира находилась в Нью-Йорке, а в 1882 году переместилась в Индию, где находится по сей день.

Блаватская постоянно находилась под перекрестным огнем критики — как со стороны атеистов, так и церковников. В послеоктябрьской России ее объявили шарлатанкой. «Большая советская энциклопедия» утверждает: «Теософия — реакционное религиозно-мистическое учение, признающее источником богопознания мистическую интуицию, откровение. Теософия связана с оккультизмом, спиритизмом и прочими суевериями. Распространение теософской мистики в некоторых кругах аристократии и интеллигенции является ярким показателем идейного упадка и вырождения буржуазной культуры».

В 1991 году, когда мировое сообщество отметило столетие со дня смерти Блаватской, а я рассказал о ней телезрителям, российское отделение теософского общества, закрытое в 1921

году, возобновило свою деятельность. На родине основательницы теософии, в Екатеринославе (ныне Днепропетровске), открыта мемориальная доска.

С тех пор как человек стал мыслящим существом, люди одержимы извечным поиском истины. На Востоке распространено представление об истине, как о горной вершине, к которой может вести несчетное множество путей. Каждый вправе избрать собственный маршрут восхождения. Это предполагает уважение к выбору других. Мало кому на Западе удалось настолько приобщиться к духовной культуре Востока, чтобы благодаря ей избавиться от шор национальной или религиозной ограниченности. Среди таких немногих была Елена Блаватская.

Нынче ее труды можно приобрести в любом книжном магазине. Я отнюдь не призываю всех штудировать «Тайную доктрину». Эту книгу может освоить лишь подготовленный читатель. Но призыв основательницы теософии к сравнительному изучению религий в наши дни вновь обрел актуальность. Чтобы примирить различные религии, их надо сопоставлять, а не противопоставлять.

Я уже писал в одной из предыдущих глав, что вместо споров о преподавании в школах «основ православной культуры» было бы лучше знакомить детей с религиозными истоками культуры вообще. Независимо от вероисповедания родителей школьникам полезно ознакомиться с главными положениями не только христианства, но и ислама, иудаизма, буддизма — всех сосуществующих в России конфессий. Убежден: гуманистическая направленность всех этих вероучений покажет, что у их приверженцев гораздо больше общего, нежели различий. А на такой основе легче воспитать веротерпимость, взаимное понимание и уважение. Ну а мистическая сторона теософии пусть останется для любителей экзотических путешествий в непознанное.

«Водами Юга напоить Север»

У него рога оленя, уши быка, шея верблюда, тело змеи, чешуя карпа, лапы тигра, когти орла, хвост лошади. Таковы восемь примет Дракона — всемогущего Повелителя вод, олицетворяющего мужскую силу в природе. Зимой он дремлет в пучине океана. Но каждую весну поднимается на небеса и в образе грозowych туч проносится над истомленной ожиданием землей, оплодотворяя ее влагой...

В христианской мифологии Дракон олицетворяет зло,

поверженное копьем Георгия Победоносца. В русских сказках — это огнедышащий Змей Горы-ныч. Для китайцев же Дракон не зло, а животворная сила воды. Беда лишь, что, не умея соразмерять ее, Дракон сулит как благо, так и беду. Часто бывает, на севере земледельцы молят его о дожде, а на юге просят защиты от наводнения. Отношения человека со всемогущим Повелителем вод, которые окрашивают всю историю китайской цивилизации, стали темой моей книги «Покорение дракона», написанной во время работы в Китае в 50-х годах.

Поэтому мне хорошо понятен смысл принятого на рубеже веков решения Государственного совета: начать практическое осуществление комплексной программы перераспределения водных ресурсов Китая. Она воплощает собой вековую мечту земледельцев, известную в народе как поэтическая метафора из четырех иероглифов: «Водами Юга напоить Север».

Согласно этому грандиозному плану, с 2050 года 5 процентов стока великой китайской реки Янцзы (около 50 миллиардов кубометров) будет ежегодно перебрасываться на север. Это позволит решить проблему питьевой воды и расширить орошаемые площади в Северном Китае, а также уменьшить хроническую угрозу наводнений в среднем и нижнем течении Янцзы. На осуществление программы потребуется полвека и около 19 миллиардов долларов.

По размерам водных ресурсов Китай занимает шестое место в мире. Однако доля воды на каждого жителя в четыре раза ниже среднемирового показателя. Повелитель вод Дракон через меру щедр на юге и слишком скуп на севере. 80 процентов водных ресурсов приходится на бассейн Янцзы и районы южнее его. И лишь 20 процентов — на северную часть Китая, где находятся две трети обрабатываемых земель.

Эту неравномерность наглядно иллюстрируют две великие реки страны: Янцзы и Хуанхэ. Первая из них имеет годовой сток в 1000 миллиардов кубометров. Вторая лишь немногим уступает ей по длине, но воды несет в двадцать раз меньше — 50 миллиардов кубометров. Вот и получается, что северяне молят Дракона избавить их от засух, южане страдают от наводнений.

За годы существования КНР страна увеличила площадь орошаемых полей вчетверо — с 13 до 52 миллионов гектаров. Ныне они составляют почти половину пашни и дают две трети валового сбора зерна. Однако в бассейне Хуанхэ возможности искусственного орошения исчерпаны. Из реки разбирают на полив столько воды, что летом она почти пересыхает.

С другой стороны, главные районы выращивания поливного риса в бассейне Янцзы хронически страдают от паводков. За

последние 2000 лет там произошло 200 катастрофических наводнений, от которых лишь в XX веке погибли 500 тысяч человек. Одна из целей строительства крупнейшего в мире гидроузла Санься (Три ущелья) состоит в том, чтобы уменьшить угрозу наводнений в среднем и нижнем течении Янцзы.

Проработано три маршрута переброски воды: западный, центральный и восточный. Первый из них имеет в виду соединить верховья Янцзы и Хуанхэ в провинциях Цинхай и Сычуань. Это наиболее результативный, но самый сложный в инженерном отношении вариант. Нужно возвести плотину высотой в 300 метров и проложить в горе тоннель длиной более 100 километров, чтобы перебрасывать до 30 миллиардов кубометров воды ежегодно.

Второй вариант проще: прорыть на север канал от существующего водохранилища Даньцзянкоу на одном из притоков Янцзы, по которому потечет от 8 до 16 миллиардов кубометров. Наконец, третий, восточный маршрут имеет в виду перекачивать на север воду по древнему руслу Великого китайского канала, построив вдоль него насосные станции. Эту воду уже в 2005 году получит провинция Шаньдун, а в 2010 году — Пекин.

Для страны, которая кормит 22 процента человечества, имея лишь 7 процентов мировой пашни, перераспределение водных ресурсов имеет жизненно важное значение. За первые пять лет реформ Китая удалось увеличить сборы зерна с 300 до 400 миллионов тонн. (Получив землю в постоянное пользование, крестьяне стали трудиться гораздо интенсивнее.) Чтобы увеличить урожаи с 400 до 500 млн. тонн, потребовалось уже пятнадцать лет (урожайность возросла благодаря улучшению агротехники). Но к 2050 году, когда население возрастет до полутора миллиардов человек, Китаю понадобится около 550 миллионов тонн зерна. Выйти на этот уровень невозможно без орошения новых земель на севере. Комплексной программой перераспределения водных ресурсов китайские ученые и инженеры всерьез занимаются уже полвека. И все это время им приходилось доказывать экологам, что речь идет не о «повороте рек», а о том, чтобы взять у Янцзы 5 процентов воды, дабы сделать Хуанхэ вдвое многоводнее.

Сравниваю шумиху, поднятую (без китайских церемоний) вокруг предложения Лужкова вернуться к вопросу о переброске на юг семи процентов годового стока Оби (примерно 25 миллиардов кубометров — вдвое меньше, чем планируют китайцы). Если в Китае от наводнений страдает юг, то у нас заболочен север Сибири, низовья Оби. А среднеазиатские

республики охотно покупали бы у России воду, финансируя проект ее переброски.

В свое время выступления общественности против «поворота рек» проторили у нас путь гласности. Но пришла пора преодолеть рожденную этим аллергию, спокойно, без предвзятости посмотреть в глаза фактам. По данным ООН, к 2050 году от нехватки воды будут страдать три миллиарда человек в пятидесяти странах. И России, которая наряду с Бразилией лидирует по ее запасам, рано или поздно придется от нефти и газа переключиться на экспорт воды, которая к тому же является восполняемым природным ресурсом. Так что инициатива мэра Москвы представляется своевременной и заслуживает рассмотрения с учетом зарубежного, в частности китайского, опыта.

Лицом к диаспоре

Шел первый год моей заграничной жизни. Я начал работать в Китае и впервые приехал с женой в Шанхай. У входа в магазин «Дружба» к нам подошел пожилой человек.

— Услышал русскую речь и решился попросить об одолжении. Не могли бы вы купить мне три куса мыла? Я тут же с вами рассчитаюсь. (Покупать товары в «Дружке» могли только иностранцы.)

Я выполнил просьбу, но местный консул настоятельно рекомендовал мне впредь не вступать в контакты с «белогвардейцами» (как тогда у нас называли русских эмигрантов).

Недавно в нашей печати появилось слово «возвращенец». Я искренне рад, что это новое понятие входит в обиход, что среди тех, кто по разным причинам покинул страну до или после краха советской системы, появились желающие вернуться на родину.

Никогда не забуду зал русского эмигрантского клуба в Шанхае 50-х годов. По моей просьбе посольство многократно поручало мне выступать там на праздничных вечерах. Перед каждой такой встречей, по традиции, заводили старый граммофон. И у седовласых людей на глазах навертывались слезы от песни Петра Лещенко:

Здесь под небом чужим
Здесь под небом чужим
Я как гость нежеланный...

Многих наших соотечественников забросила на чужбину

гражданская война, другие попали туда как «перемещенные лица» после нацистских лагерей, третьи остались за кордоном как диссиденты-невозвращенцы. А после распада СССР за пределами своего отечества вдруг оказались двадцать пять миллионов русских.

Родина безусловно обязана помнить о зарубежных соотечественниках, проявлять к ним внимание и заботу, удовлетворять их культурные запросы, содействовать стремлению молодежи получить образование на родном языке. Но есть и другая сторона вопроса. Мировой опыт свидетельствует, что зарубежные общины могут оказывать своей исторической родине неоценимую помощь, быть для нее дополнительным генератором роста. К сожалению, специфика нашей истории такова, что, начиная от белоэмигрантов времен гражданской войны и вплоть до диссидентов 60-80-х годов, любой соотечественник, поселившийся за рубежом, считался отщепенцем, предателем. Даже контакты с ним в советские времена были недопустимы, а уж сотрудничество — тем более.

Наверное, именно из-за такой исторической инерции даже в постсоветский период желание различных поколений нашей диаспоры использовать во благо России свои возможности осуществляется пока непростительно мало. А ведь и зарубежные предприниматели российского происхождения, и «новые русские», осевшие за рубежом, могли бы с выгодой для себя содействовать расширению деловых связей с Россией. Никто из зарубежных конкурентов не сравнится с ними в знании нашей действительности, в понимании российского менталитета.

Пора отбросить недоверие и неприязнь к соотечественникам, которые волею судеб оказались на чужбине, дать им возможность внести свою лепту в дело возрождения России. Надо максимально упростить порядок их возвращения на историческую родину, как это, в частности, практикуется правительствами Германии и Китая.

Известно, как много этнических немцев, предки которых поселились в России еще во времена Екатерины, воспользовались возможностью для переезда на жительство в Германию. А ведь среди них многие стали специалистами благодаря полученному у нас бесплатному образованию. Еще более существенная «утечка мозгов» произошла в Израиль. С переселенцами из бывшего СССР там на тысячу жителей стало вдвое больше инженеров и ученых, чем в США, и втрое больше, чем в Германии.

Поучительным примером для России может служить Китай, который эффективно использует зарубежных этнических китайцев хуацяо как мост для налаживания деловых связей с внешним

миром.

Что же представляет собой китайская диаспора по своей численности, географическому размещению и финансово-экономическому потенциалу? Этнических китайцев, проживающих за пределами КНР, можно разделить на три категории. Во-первых, это «ближнее зарубежье», то есть 23 миллиона тайваньцев, а также 7 миллионов жителей Гонконга и Макао. Ко второй категории относится 21 миллион хуацяо в Юго-Восточной Азии. Из них 7 миллионов проживают в Индонезии, по 5 миллионов в Малайзии и Таиланде, 3 миллиона в Сингапуре и 1 миллион на Филиппинах.

Однако самая крупная община в дальнем зарубежье находится не в Азии, а на Западном побережье США, где насчитывается 13 миллионов этнических китайцев. Таким образом, общая численность хуацяо составляет 64 миллиона человек — это население крупного европейского государства.

Впрочем, роль китайской диаспоры впечатляет не только количественными, но и качественными показателями. Валовой внутренний продукт Китая перевалил за триллион долларов. Таков плод труда 1 миллиарда 300 миллионов китайцев на материке. Однако 64 миллиона хуацяо ежегодно производят товаров и услуг на полтриллиона. Составляя лишь 5 процентов населения Китая, диаспора производит половину его валового внутреннего продукта.

В Пекине всегда хорошо сознавали, каким колоссальным потенциалом обладает китайская диаспора, как важно иметь с ней хорошие отношения. При всех зигзагах политического курса власти неизменно сохраняли благожелательное отношение к хуацяо. Даже в догматические годы «большого скачка» и «культурной революции» их поощряли навещать родственников, присылать детей в китайские вузы, быть похороненными на земле предков. Отказ от принудительной экспроприации частной промышленности и торговли в годы первой пятилетки был продиктован желанием «не отпугнуть» заморских китайцев победой революции.

Поэтому, когда Китай встал на путь экономических реформ, начал переход к социально ориентированной рыночной экономике, его главными партнерами среди зарубежных предпринимателей стали именно хуацяо. Первые четыре свободные экономические зоны на юге страны были ориентированы на связи с Гонконгом и Тайванем. Предприятия, созданные на средства хуацяо, производят треть китайского экспорта.

Налицо не просто желание зарубежных соотечественников

способствовать модернизации своей исторической родины. Происходит формирование экономической зоны Большого Китая. Рабочая сила, природные ресурсы, потребительский рынок КНР, финансовый и технологический потенциал Тайваня, коммерческий опыт Гонконга — все это вместе взятое, по оценке Всемирного банка, позволяет экономической зоне Большого Китая стать в XXI веке генератором роста мировой экономики.

И вот итог, над которым стоит призадуматься: хуацяо вложили в страну своих предков больше капиталов, чем США, Западная Европа и Япония, вместе взятые. На их долю приходится свыше двух третей всех прямых зарубежных инвестиций, превысивших 400 миллиардов долларов. Так почему бы нашим состоятельным соотечественникам за рубежом не взять пример с хуацяо, а Москве не поучиться у Пекина разумному, то есть благожелательному, отношению к русскоязычной диаспоре?

Черные трусы до колен

Одним из самых памятных моментов моей полувековой журналистской карьеры я считаю май 1989 года. В разгар многодневных студенческих манифестаций на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин и Михаил Горбачев договорились полностью нормализовать отношения между Пекином и Москвой, положить конец абсурдной тридцатилетней конфронтации, «закрыть прошлое и открыть будущее».

Мне довелось быть не только свидетелем, но и участником этого события. В качестве эксперта советской делегации я работал над подготовкой всех документов данного визита, каждый день передавал в газету репортажи.

Очень утомительно было по несколько раз в день проталкиваться сквозь толпы манифестантов, которые заполнили главную площадь столицы и парализовали автомобильное движение в центре города. А ведь мне надо было присутствовать на мероприятиях в Доме народных собраний, а потом так же пешком возвращаться в «Пекин-отель» на очередной сеанс связи (мобильных телефонов у нас тогда еще не было).

Увидев меня после итоговой пресс-конференции, Горбачев сказал послу Трояновскому: «Больше всех, наверное, сегодня радуется Овчинников. Ведь вся эта размолвка прошла трещиной по его судьбе». Тогда мне действительно вспомнились драматические события 1959 года, свидетелем и участником которых я был.

Первая трещина в китайско-советских отношениях появилась

после XX съезда КПСС. По мнению Мао Цзэдуна, Хрущев был не вправе самовольно выступать против культа личности Сталина, не посоветовавшись с международным коммунистическим движением.

После успешного завершения первой пятилетки, которая осуществлялась на основе советского опыта и при содействии наших специалистов, «Великий кормчий» прибег к авантюристической тактике «большого скачка» (тогдашний лозунг — «Три года горького труда — десять тысяч лет счастья»). Была предпринята попытка первыми скакнуть в коммунизм. Крестьян заставили не только коллективно трудиться, но и есть из общего котла. Во дворе газеты «Жэньминь жибао», как и повсюду в Пекине, варили сталь. А я с китайскими коллегами неделю таскал на коромысле корзины с землей, помогая строить Шисаньлинское водохранилище. «Прыжок в коммунизм» закончился бедствием для страны и народа.

Причину провала стали искать в международной обстановке. В начале 50-х годов «Голубь мира» Пикассо был у китайцев самой популярной эмблемой — он красовался даже на туалетной бумаге. И вот в Пекине словно забыли, что именно Чжоу Эньлай и Неру в свое время провозгласили знаменитые «панча шила» — пять принципов мирного сосуществования, которые на конференции в Бандунге стали политической платформой неприсоединившихся стран. Китайское руководство стало обвинять Хрущева в ревизионизме за его попытки снизить накал «холодной войны», сделать идею мирного сосуществования стержнем внешней политики социалистических государств.

Самая драматическая коллизия возникла в связи с этим осенью 1959 года. В сентябре Хрущев должен был совершить эпохальную поездку по Соединенным Штатам, а к 1 октября прилететь в Пекин на десятилетие Китайской Народной Республики. Меня включили в рабочую группу по составлению его речи на юбилейном собрании, точнее — разделов, посвященных Китаю и советско-китайским отношениям.

Незадолго до визита Никиты Сергеевича за океан на китайско-индийской границе вспыхнули вооруженные столкновения. Как и в других частях бывшей Британской империи, англичане оставили там тлеющие угли, дабы использовать нестабильность для сохранения своего влияния в регионе.

Чтобы оградить советского лидера от нежелательных расспросов на сей счет, было опубликовано Заявление ТАСС. В нем выражалось сожаление по поводу пограничного конфликта и надежда, что обе стороны решат спор мирными средствами, за

столом переговоров. Такая позиция Москвы вызвала негодование Пекина. Как, дескать, можно ставить на одну доску братскую страну социализма и капиталистическое государство!

И вот в самый разгар тех пресловутых «десяти дней, которые потрясли Америку», китайское руководство неожиданно перенесло начало юбилейных торжеств с 1 октября на 26 сентября. Хрущев оказался перед нелегким выбором: либо скомкать свой триумфальный визит в США, либо поручить кому-то другому выступать на китайском юбилее. Он предпочел второе, в результате чего доклад, над которым мы трудились, зачитал Суслов. Хрущев прилетел в Пекин лишь 30 сентября. На другой день демонстранты таки увидели его на трибуне ворот Тяньаньмэнь.

После праздничных торжеств Мао пригласил советского гостя в свою резиденцию близ столицы. Там Хрущева ждал конфуз. Хозяин встретил его в бассейне и предложил присоединиться к нему. Но беда была в том, что Никита Сергеевич не умел плавать. В своих черных сатиновых трусах до колен, он, как и на отдыхе в Пицунде, мог зайти в воду лишь до пояса и несколько раз присесть, дабы окунуться. Можно представить себе, сколь неуклюже выглядел гость на фоне хозяина, легко пересекавшего километровую ширь Янцзы.

Как мне говорили люди из ближайшего окружения Хрущева, тот был настолько взбешен, что отменил недельную поездку по Китаю и решил немедленно возвращаться на родину.

Думаю, причинами размолвки между Пекином и Москвой, которая привела к дорогостоящей тридцатилетней конфронтации, были не только идеологические разногласия, но и субъективный фактор — личная неприязнь лидеров двух соседних народов. Неприязнь у Хрущева усиливали воспоминания о своей беспомощной фигуре в длинных сатиновых трусах, когда он барахтался в бассейне рядом с «Великим кормчим».

Три встречи с Цзян Цзэмином

Дело было 14 июня 2001 года. В этот день в Шанхае произошла встреча высших руководителей шести государств, прилегающих к бывшей советско-китайской границе, — президентов России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Родившаяся там за пять лет до этого «шанхайская пятерка» превратилась в «шестерку», официально говоря, в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Разумеется, быть хозяином подобного саммита очень

хлопотно. И мы — восемнадцать журналистов из упомянутых стран, приглашенные министерством иностранных дел КНР освещать это событие, — с пониманием восприняли огорчительную для нас новость: утром 14 июня Цзин Цзэминь сможет дать нам не интервью, как было ранее обещано, а лишь протокольную аудиенцию.

Нас подняли до рассвета, и уже в семь утра мы были в шанхайской загородной резиденции главы государства. Председатель КНР поблагодарил нас за приезд, пожелал успешной работы на саммите, сфотографировался вместе с нами и откланялся.

Но когда все выходили из приемной, Цзян Цзэминь неожиданно взял меня за локоть и сказал по-русски:

— А вас, Штирлиц, я попрошу остаться! Ведь мы, если помните, впервые встретились еще тридцатилетними. В мире не так уж много политиков и журналистов, которых связывает столь длительное знакомство. Так что обстоятельный разговор с глазу на глаз мы заслужили.

Поговорить нам действительно было о чем. О традициях дружбы 50-х годов, о переменах в наших странах и перспективах российско-китайских отношений.

Для обоих эта уже третья по счету встреча произошла накануне нашего семидесятилетия. Впервые мы увиделись в 1956 году. Страна отмечала важную победу первой пятилетки — пуск первенца отечественного автомобилестроения. И я, будучи корреспондентом «Правды» в КНР, разумеется, приехал в Чанчунь, дабы рассказать об этом событии.

Попросил устроить мне встречи с заводчанами, которые стажировались в СССР. Среди них оказался и мой ровесник — главный энергетик завода инженер Цзян Цзэминь. Однако в своем репортаже я слишком увлекся тем, как сошел с конвейера первый в истории Китая грузовик «Цзефан» («Освобождение» — слово тогда столь же популярное, как в свое время у нас «Победа»). И в сюжете очерка для главного энергетика не нашлось места.

Но ветераны Московского автозавода имени Лихачева хорошо помнят улыбчивого и общительного китайского стажера, который дирижировал хором своих соотечественников в зилловском Дворце культуры. На заводской ТЭЦ красуется мемориальная доска: «Здесь в 1955–1956 годах проходил стажировку инженер-энергетик Цзян Цзэминь, впоследствии Председатель КНР».

Заводчане вспоминают, что Цзян Цзэминь любил блеснуть знанием русского языка, особенно выражений, которые можно почерпнуть только из жизни. Кто-нибудь из заводоуправления заходил на ТЭЦ и спрашивал:

— Ну как дела, товарищ Цзян?

Он весело подмигивал и отвечал:

— Дела идут, контора пишет...

Говорят, что в Чжуннаньхае, китайском Кремле, и нынче можно услышать по-русски эту фразу, когда туда приходят люди, учившиеся в московских вузах.

Цзян Цзэминя называют представителем третьего поколения партийно-государственного руководства КНР. Ушла из жизни когорта отцов-основателей, профессиональных революционеров (Мао Цзэдун, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай). Ушли и их преемники, реформаторы-самородки во главе с Дэн Сяопином. И вот у кормила власти впервые оказался интеллектуал-технократ, способный мыслить категориями последних достижений науки, правильно оценивать направленность глобальных процессов.

Именно шанхайскому инженеру Цзян Цзэминю, когда-то написавшему диссертацию о тенденциях развития мировой энергетики, в первые годы реформ было поручено совершить кругосветное путешествие, дабы ознакомиться с опытом свободных экономических зон (СЭЗ) в различных странах — от Шаннона в Ирландии до Джуронга в Сингапуре. Сделанный им на Политбюро ЦК КПК доклад стал основополагающим документом для создания четырех первых СЭЗ, расположенных поблизости от Гонконга и Тайваня.

Как и автор этих строк, Цзян Цзэминь родился в 1926 году. Незадолго до провозглашения КНР окончил шанхайский университет Цзяотун. Когда много лет спустя Цзян вновь посетил свою альма матер, студенты спросили его: как из обладателя диплома инженера-энергетика может вырасти государственный деятель?

В ответ Цзян Цзэминь вспомнил свою любимую книгу «Мои университеты» Горького, рассказал о поездке в Нижний Новгород, о посещении дома, где родился Алеша Пешков. Он подчеркнул, что факультетов, которые готовили бы глав государств или великих писателей, не существует. Таким университетом может быть только жизнь.

Именно об этом свидетельствует биография Цзян Цзэминя. После нашей первой встречи в Чанчуне мой оставшийся за рамками очерка герой круто пошел вверх по служебной лестнице. Работал заместителем председателя Государственного комитета по внешней торговле и иностранным инвестициям, министром электронной промышленности КНР.

В 1985 году Цзян Цзэминь стал мэром Шанхая, а два года спустя — первым секретарем Шанхайского горкома КПК. На этом посту его и застали драматические события на площади

Тяньаньмэнь в мае-июне 1989 года. На тогдашнего генсека ЦК КПК Чжао Цзяна возложили вину за то, что студенческие манифестации вышли из-под контроля. Старая гвардия в партийном руководстве требовала поставить на его место «китайского Гришина» — первого секретаря Пекинского горкома Чэнь Ситуня, способного «закрутить гайки».

Вопреки их нажиму Дэн Сяопин добился, чтобы во главе партии и государства был поставлен не противник, а сторонник реформ. Выбор пал на Цзян Цзэминя, тем более что в Шанхае, которым он руководил, дело обошлось без студенческих волнений.

В 1990 году я оказался первым из иностранных журналистов, кому Цзян Цзэминь, тогда уже Генеральный секретарь ЦК КПК, дал эксклюзивное интервью. Он начал разговор по-русски, вспомнил свою стажировку в Москве, шутливо упрекнул, что после нашей встречи в Чанчуне я в своем очерке ни разу его не процитировал.

Потом, заговорив об опыте свободных экономических зон, перешел на хороший английский. А под конец беседы, желая показать, что знаком с моей журналистской биографией, уверенно произнес несколько фраз по-японски.

Во время нашей третьей встречи, в день, когда родилась Шанхайская организация сотрудничества, Цзян Цзэминь беседовал со мной 37 минут — всего на три минуты меньше, чем с президентами среднеазиатских республик. Он задал мне нелегкий вопрос: какой опыт следовало бы извлечь Компартии Китая из распада СССР и краха советской системы? Договорились, что это «интервью наоборот» останется между нами.

— Будем брать пример друг с друга и делать свое дело, пока есть силы, — сказал он на прощание.

Даже в Китае, где умеют уважать старших, 75 лет — это все-таки возраст. Осенью 2002 года, на XVI съезде партии Цзян Цзэминь оставил пост Генерального секретаря ЦК КПК, а следующей весной, на мартовской сессии Всекитайского собрания народных представителей, — пост Председателя КНР. Ведь после смерти Мао Цзэдуна было запрещено занимать высшие партийные и государственные должности более двух сроков подряд. Но подобно Дэн Сяопину Цзян Цзэминь остался во главе Военного комитета КПК, что обеспечивает ему пожизненное право участвовать в решении важнейших проблем страны.

Чтобы объяснить, почему я из китаиста переквалифицировался в япониста, вспомним ссору между Хрущевым и Мао Цзэдуном. Вернувшись в Москву после семи лет работы в Пекине, я из-за размолвки лидеров почувствовал себя словно у разбитого корыта. Прежде мог называть себя баловнем судьбы: ведь любая тема, связанная с Китаем, в 50-х годах считалась приоритетной; среди зарубежных собкоров «Правды» я был не только самым молодым, но и чаще всех публиковался. Атмосфера, в которой я начал свою журналистскую карьеру, оказалась на редкость благоприятной. Фраза «русский с китайцем братья навек» была тогда не только строкой из песни. Дружба соседних народов не сводилась к речам государственных деятелей и газетным передовицам. Она реально вошла в тысячи человеческих судеб.

О китайских студентах, которые просиживали выходные дни в читальных залах наших вузов, до сих пор ходят легенды. Да и наши специалисты возвращались после работы в Китае неизмеримо выросшими в профессиональном отношении. К ним постоянно обращались с вопросами, выходящими за пределы их обязанностей, что побуждало углублять знания. К тому же китайцы всячески поощряли своих наставников к новаторству, беря ответственность за риск на себя.

Инженер Константин Силин, например, не только обеспечил успешное строительство первого в истории моста через Янцзы, но и впервые использовал там принципиально новый, бескессонный метод возведения мостовых опор, который долго не решались применить на родине.

Мне выпало счастье быть в гуще этих окрашенных романтикой событий. К тому же после личного рукопожатия Мао Цзэдуна ко мне стали проявлять особое отношение. Возможность беседовать со мной один на один, без переводчика, сразу придавала контактам с местными руководителями доверительный характер. Они относились ко мне не как к иностранцу, а как «к своему». Я тоже держал себя как человек, допущенный к информации «для служебного пользования».

Однажды, когда я был в отпуске, меня пригласил Юрий Андропов, который курировал социалистические страны как секретарь ЦК КПСС. Именно от меня он впервые услышал о намерении Мао Цзэдуна уйти с поста главы государства и остаться лишь руководителем партии. Вскоре мои слова подтвердились. Андропов предложил мне стать консультантом в его отделе. Это сулило тогда много благ и привилегий. Стоило немалого труда убедить его, что журналиста лучше оставить в газете.

Словом, судьба меня изрядно избаловала. И когда из-за ссоры между Пекином и Москвой китайская тема утратила былую актуальность, я решил переквалифицироваться в япониста. Используя свой авторитет востоковеда, убедил начальство, будто японский язык отличается от китайского не больше, чем белорусский от русского. Иероглифы, мол, те же самые, и наши восточные соседи без труда понимают друг друга.

Мне наняли преподавателя, чтобы в рабочее время дважды в неделю брал уроки японского языка. Китайский раньше учил пять лет по восемнадцать часов в неделю, к тому же мне было тогда за двадцать, а не за тридцать. Так что быстро овладеть вторым восточным языком было нереально. Но меньше чем через два года после возвращения из Китая я был направлен на постоянную работу в Японию.

Название этого государства, которое по-китайски звучит как Жибэнь, а по-японски как Ниппон, пишется двумя иероглифами, первый из которых означает «солнце», а второй «корень». В страну, расположенную «у корней солнца», я прилетел с женой и семилетней дочерью в мае 1962 года.

Мой предшественник Игорь Латышев, японист-историк, привез нас из аэропорта в гостиницу, сел в машину и скрылся в ночи. И тут я впервые устрасился собственной дерзости. Через три дня он передаст мне дела и уедет. И я останусь один на один с незнакомой страной, толком не зная языка, не умея водить машину...

Первый год действительно был самым трудным в моей жизни. С семи до девяти утра я ежедневно занимался языком с японским преподавателем. Потом переводчик рассказывал мне о содержании газет, помогал смотреть полуденные выпуски теленовостей, после чего я садился писать очередной материал. Редакция вызывала меня в девять утра по московскому или в три дня по местному. Шестичасовая разница во времени была для собкора огромным преимуществом.

Постепенно стал понимать новости по телевидению (выручало то, что японцы сопровождают зрительный ряд иероглифическими титрами). Иероглифы помогали ориентироваться и в газетных заголовках, отбирать для перевода наиболее интересное и нужное.

Записался в автошколу, впервые в жизни получил водительские права. Начал ездить по левой стороне, день за днем расширяя круг освоенных маршрутов — от посольства, пресс-клуба и коллег до выездов за город.

Поставил в квартире телетайп с новостями агентства Киодо на английском языке, что позволило мне на сутки опережать

газеты. Примерно через год пришло чувство удовлетворения, которое испытывает журналист, когда он в состоянии со знанием дела прокомментировать любое событие, происходящее в его стране. Как теннисист: едва отбив мяч, посланный в левый угол, уже готов принять удар в правый.

Куда труднее оказалось получить признание соотечественников. В любой профессии существуют кланы, и востоковеды не исключение. Дипломаты, чекисты, журналисты работали в Токио как профессионалы. И каждого из них свербил вопрос: «Да что этот Овчинников может понимать в Японии? Он же китаист...»

Сломать отношение ко мне как к чужаку-дилетанту было самым трудным. Зато одержать здесь победу стало столь же радостным. Спустя пару лет моим мнением уже интересовались все. Китайский язык — это латынь Восточной Азии. Так что мои знания древнекитайской философии и литературы позволяли мне блеснуть перед японцами там, где наши японисты мне явно уступали.

Я нашел свой собственный подход к освещению Страны восходящего солнца. Задался целью найти скрытые пружины послевоенного экономического чуда в особенностях японского менталитета, человеческих отношений в этой замкнутой и малопонятной для иностранцев стране. Это подвело меня к мысли написать путеводитель по японской душе, каковым стала книга «Ветка сакуры».

Часть 3. У корней солнца

«Ради нескольких строчек в газете...»

Современной молодежи, привыкшей к мобильным телефонам, трудно представить себе муки журналиста старшего поколения, который сумел оказаться в нужное время в нужном месте, написать остро необходимый газете репортаж, но не может вовремя передать его в редакцию.

Мой уважаемый предшественник Константин Симонов любил повторять, что на войне прямой провод олицетворял 90 процентов успеха фронтового корреспондента. В моей журналистской биографии есть эпизоды, подтверждающие это.

В середине 60-х годов администрация США решила принять меры против японской ядерной аллергии — обостренно-негативного отношения ко всему, что связано с атомным оружием. Парламент страны, пережившей Хиросиму и Нагасаки, конституционным большинством утвердил три неядерных принципа: не создавать, не приобретать, не размещать ядерного оружия. Поскольку главной ударной силой 7-го флота США к тому времени стали атомные подводные лодки со стратегическими ракетами, использовать Японию для их базирования оказалось нельзя. И тут Вашингтон решил применить «шоковую терапию»: начать регулярные заходы американских атомных ракетноносцев в японские порты, надеясь, что они станут привычными, а выступления протеста малопомалу затихнут.

Борьба против попыток США силой нарушить три неядерных принципа была тогда темой номер один для корреспондента «Правды». Как и мои коллеги, я был убежден, что местом первого захода станет главная база 7-го флота США — порт Йокосука на берегу Токийского залива.

И вот однажды узнал в вечерних теленовостях: американская атомная подводная лодка «Морской дракон» утром зайдет в порт Сасебо на юге Японии, близ Нагасаки. Надо признать, Пентагон всех перехитрил. В Сасебо нет боевитых леворадикальных профсоюзов, как на побережье Токийского залива. А жители этого небольшого городка прямо или косвенно обслуживают американскую военно-морскую базу. Так что желающих участвовать в демонстрациях протеста там гораздо меньше, чем в Йокосуке.

Поздно вечером, не сказав никому ни слова, я взял в кассе на

станции метро авиабилет на первый утренний самолет до Нагасаки. Однако в пункте назначения меня уже ожидал «хвост». Как видно, компьютер засек мое неаппонское имя и просигнализировал кому надо.

Обычно японские спецслужбы меня не «пасли», а вели наружное наблюдение только во время моих поездок по стране. Они хорошо знали, «кто есть кто» среди моих коллег. Ведь корреспондент «Правды» мог тратить на представительские цели 100 долларов в год, а корреспондент «Нового времени» — 1000 долларов в месяц; сделать выводы было нетрудно.

В целом мои отношения с контрразведчиками были корректными. У меня не было нужды от них отрываться. А они не пытались делать компрометирующие снимки «человека, похожего на корреспондента «Правды». Хотя поводы для этого порой бывали.

Это не исключало попыток при необходимости вставлять мне палки в колеса. Так было и на сей раз. Я взял такси от Нагасаки до Сасебо. Однако при въезде в город нас остановил полицейский патруль. Водителя обвинили в нарушении правил, полтора часа оформляли какие-то протоколы. Все это было инсценировано, чтобы к заходу атомной субмарины в порт советский журналист опоздал. Но я успел, присутствовал на митинге протеста, который вскоре состоялся перед штабом базы, написал репортаж с места события.

Осталось передать текст в газету. Редакция ежедневно вызывала меня в три часа дня по-местному. Требовалось срочно сообщить на токийскую телефонную станцию мой номер в Сасебо и перевести туда вызов. Центр города был оцеплен, добраться до какой-нибудь гостиницы и снять там комнату не было времени.

Поэтому я рискнул зайти в американский офицерский клуб напротив главных ворот базы. Расчет на чувство солидарности с иностранцем, оказавшимся среди азиатов, оправдался. Я приветственно махнул рукой часовому, он — мне.

Уверенной походкой Штирлица прошел в бар. Заказал у негра за стойкой пива, узнал у него номер здешнего телефона и по-японски попросил знакомого клерка на токийском телефонном узле перевести вызов из моей газеты на американский офицерский клуб в Сасебо. Через несколько минут телефон зазвонил, и я услышал в трубке голос правдинской стенографистки:

— Передавать будете?

Начал диктовать текст, естественно, по-русски. Американские офицеры за соседними столиками стали недоуменно переглядываться. Засветился я, когда передавал по буквам

название порта: «Сергей — Анна — Сергей — Елена — Борис — Ольга» (слишком много русских имен подряд). Вокруг меня началось какое-то движение. Появился вахтенный офицер в сопровождении двух морских пехотинцев. К счастью, связь не прервали, дали договорить и попросили документы. Я предъявил карточку международного пресс-клуба и поблагодарил за телефон.

— Москва, «Правда», — громко прочитал офицер. — Стало быть, приехали афишировать антиамериканские демонстрации? А вы написали о тех жителях, которые приветствовали заход «Морского дракона»? (Тут лейтенант был прав. Я действительно не упомянул о местных проститутках и хозяевах питейных заведений, вышедших на причал с плакатом «Добро пожаловать!») Ну что ж, вам, наверное, пора присоединиться к вашим единомышленникам!

Рослые морские пехотинцы взяли меня под локти и вежливо, но напористо вытолкнули из дверей американского офицерского клуба. И тут я оказался лицом к лицу с шеренгами возбужденных демонстрантов. Их кулаки тянулись прямо к моему носу, а от адресованных мне возгласов: «Янки, убирайтесь домой!» — пробирала дрожь. В меня бросали перезрелые помидоры (гнилых в Японии, как видно, не нашлось). А когда рабочих сменили студенты, из колонны полетели банки от пива и, что гораздо хуже, бутылки от пепси-колы.

К счастью, меня спас полицейский патруль. Разрешил укрыться в фургоне для арестованных. «Куда смотрит ваш профсоюз? — укоризненно говорил сержант. — Работать в горячей точке без каски — значит нарушать технику безопасности. Видите? Тут все в касках — и мы, и демонстранты, и журналисты». (Представил себя входящим в американский офицерский клуб в каске, на которой красуется логотип «Правды» с тремя ее орденами). Между тем коллега из «Известий», остававшийся дома у телевизора, без хлопот написал материал с почти таким же эффектом присутствия, как у меня. Но, как говорится, то-да не то. Ни с чем не сравнишь чувство радости, которое испытывает журналист, сумевший попасть в эпицентр событий и преодолеть препятствия «ради нескольких строчек в газете».

Из головастика всегда вырастает лягушка

За семь лет работы в Японии мне приходилось каждый февраль комментировать очередную вспышку полемики, следует

ли сделать государственным праздником День основания государства. Согласно легенде 11 февраля 660 года до нашей эры на престол взошел император Дзимму, провозгласивший миссией Японии «собрать восемь углов мира под одной крышей». Именно этот девиз использовали милитаристы для оправдания захватнических войн в Азии.

Поражение Японии во Второй мировой войне — первое в ее истории — породило в Стране восходящего солнца мощную волну пацифизма. Ею воспользовались в своих целях американские оккупационные власти. Японцы моего поколения помнят популярный политический анекдот 40-х годов: «Вы читали нашу послевоенную конституцию?» — «А разве она уже переведена на японский язык?»

Под диктовку Вашингтона Токио включил в основной закон страны статью девятую, которая гласит: «Япония навечно отказывается от войны как суверенного права нации и не станет впредь создавать какие-либо вооруженные силы, будь то армия, флот или авиация».

Через несколько лет американцы почувствовали, что перестарались с демилитаризацией поверженного противника. Япония стала ближним тылом в вооруженных конфликтах США в Корее и Вьетнаме, а в глобальной «холодной войне» обрела роль «непотопляемого авианосца» у берегов СССР и КНР.

Пришлось искать обходные пути для перевооружения государства, которому сами же отказали в праве вооружаться. Японцам, дескать, приходится жить как бы на вздрагивающей спине дракона. Страна вулканов, землетрясений, тайфунов и цунами не может, мол, обойтись без военизированной структуры, способной оказывать экстренную помощь населению в случае стихийных бедствий.

И вопреки конституции в Японии были созданы «силы самообороны» — небольшой по численности, но прекрасно обученный и оснащенный костяк современной армии, авиации и флота (150 тысяч военнослужащих, 480 боевых самолетов, 140 военных кораблей). Токио поклялся, что не будет тратить на них больше 1 процента валового внутреннего продукта. Но при ВВП в 4 триллиона долларов даже эта доля равна 40 миллиардам.

Так родился существующий доньше парадокс: юридически вооруженных сил у Японии нет, фактически же это «внебрачное дитя конституции» давно вышло из младенческого возраста. Расходуемый на него военный бюджет занимает четвертое место в мире. При военных закупках часто играют словами: истребитель-бомбардировщик именуют «перехватчиком», а ракетный эсминец — «кораблем береговой охраны».

Общественность успокаивают, будто «силы самообороны» оснащены только оборонительным оружием, что они вправе действовать лишь на земле, в территориальных водах и воздушном пространстве Японии и не предназначены для отправки за рубеж. А коли так и в стране нет всеобщей воинской обязанности, нет даже министерства обороны, о какой ремилитаризации можно говорить? Однако миролюбивые силы приводят в ответ японскую поговорку: «Сколько ни тверди, что головастик совсем не похож на лягушку, из него все равно вырастет лягушка!»

И все же прямо ставить вопрос об отмене девятой статьи конституции, о полной легализации вооруженных сил и оснащении их оружием массового поражения в Токио до сих пор не решаются. Это, впрочем, не исключает обходных путей: то, что нельзя отменить, можно игнорировать. Разве, мол, народ не хочет, чтобы Страна восходящего солнца играла в мировой политике роль, адекватную ее экономической мощи, стала постоянным членом Совета безопасности? Но чтобы участвовать в миротворческих операциях ООН, она должна посылать своих военнослужащих за пределы страны. А это завершающий шаг к тому, чтобы вооруженные силы обрели легитимный характер.

В свое время Токио уклонился от участия в операции «Буря в пустыне», откупившись денежным чеком. После прозвучавшей на Западе критики японский парламент разрешил «силам самообороны» участвовать в поддержке миротворческих операций ООН. А после событий 11 сентября принял закон о специальных мерах против международного терроризма. На этом основании группа японских боевых кораблей участвовала в Индийском океане в действиях антитеррористической коалиции.

Словом, под голубым флагом ООН японские «силы самообороны» не только выходят на мировую арену, но и впервые обретают законный статус у себя на родине. Верна народная поговорка про головастика и лягушку.

Первопроходец к могиле Зорге

Мне выпала судьба первому из моих соотечественников положить цветы к могиле легендарного советского разведчика Рихарда Зорге. К скромной каменной плите, где тогда значилось только имя, написанное готическим шрифтом, меня и коллегу из Москвы привела Ханако Исии.

Эта японка, которая шесть лет прожила в Токио вместе с Зорге, не значится в списках его разведгруппы. Но она тоже

совершила подвиг, посвятив оставшуюся жизнь тому, чтобы найти останки любимого человека, похоронить его как подобает, сохранить потомкам память о нем. Впервые приведя на отдаленное токийское кладбище двух советских журналистов, Ханако разрыдалась и с трудом выговорила:

— Я двадцать лет жила мечтой о том, что поклониться Рихарду наконец придут люди из страны, за которую он отдал жизнь...

Вскоре в «Правде» был опубликован очерк «Товарищ Рихард Зорге». Наш народ впервые узнал о непревзойденном разведчике. А пару недель спустя, как раз в двадцатую годовщину казни, ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Нас все-таки не зря называют «страной с непредсказуемым прошлым». Многие яркие эпизоды нашей истории порой держатся за семью печатями. Так было и с Зорге. Летом 1964 года в Японию прилетел политический обозреватель «Правды» Виктор Маевский. Он рассказал, что на даче у Хрущева показывали французский детектив «Кто вы, доктор Зорге?» После фильма Никита Сергеевич риторически изрек: «А разумно ли мы поступаем, что отkreщиваемся от такого выдающегося разведчика?»

Сообщив мне об этом, коллега из Москвы поинтересовался: знают ли о Зорге японцы? Я ответил, что в отличие от наших соотечественников здесь о нем знают почти все. В Токио не сходит со сцены пьеса «Рихард Зорге», которую написал младший брат казненного вместе с ним журналиста Ходзуми Одзаки. Стала бестселлером автобиография, которую Зорге за три года написал в камере смертников. (Его арестовали 16 октября 1941-го, а повесили 7 ноября 1944-го.) Популярны мемуары Ханако Исии «Зорге как человек».

Встретиться с автором пьесы, разыскать через него Ханако Исии, чтобы вместе с ней поехать на могилу Рихарда Зорге, не составило труда. Потом я несколько дней обстоятельно беседовал с ней, восстанавливая картину их знакомства.

Ханако впервые встретила с Рихардом 4 октября 1935 года. В ресторане «Золото Рейна», где она прислуживала в зале, собирались германские дипломаты, коммерсанты, журналисты. Хозяин почтительно беседовал с элегантно широкоплечим мужчиной и, увидев Ханако, послал ее за шампанским.

— Этому господину сегодня исполнилось сорок лет, — сказал он. — Постарайся, чтобы гостю запомнился праздничный вечер!

Девушки из «Золота Рейна» славилась образованностью, умением развлекать гостей остроумной беседой. Но на сей раз Ханако чувствовала себя скованно. Лицо Зорге показалось ей суровым и замкнутым.

— Люди веселятся в день рождения, а вам, наверное, скучно у нас, — вымолвила она, подливая в бокал вино.

— Если тебе доведется отмечать сорокалетие так же далеко от родных мест, поймешь, что это за событие, — усмехнулся иностранец.

Неделю спустя Рихард увидел Ханako в магазине грампластинок на Гиндзе и дружески улыбнулся ей.

— Ты так старалась скрасить мой день рождения, что тебя надо наградить. Бери в подарок любую пластинку!

Ханako взяла «Дубинушку» Шаляпина, Рихард — «Героическую симфонию» Бетховена и предложил вместе прослушать пластинки у него. Они стали регулярно встречаться. Вскоре Ханako поселилась у Рихарда. В те времена японки нередко становились «временными женами» иностранцев подобно Чио-Чио-сан.

Ханako Исии не догадывалась, что шесть лет делила кров с руководителем иностранной разведгруппы. Глазам японки был открыт журналист-востоковед. Но эти профессии были не только «крышей», но и важнейшими слагаемыми успеха Зорге-разведчика. Именно его эрудиция влекла к нему осведомленных людей, именно она помогала определять достоверность и ценность сведений, не только узнавать, но и осмысливать, предвидеть.

Арест Рихарда, личного друга германского посла, секретаря местной партийной организации НСДАП, был для Ханako, как и для всех, полной неожиданностью. Лишь после войны в японской печати появилась публикация «Тайны дела Зорге — Одзаки». Из нее японка впервые узнала, что оба разведчика были повешены, останки Одзаки передали его жене, а тело Зорге закопали на пустыре близ тюрьмы.

Последние строки взволновали Ханako больше всего. Как обезумевшая, бродила она среди безымянных заброшенных холмиков. Но именно в этот момент отчаяния жизнь снова обрела смысл. Найти останки Зорге, поставить памятник на его могиле, рассказать людям о том, что это был за человек, — вот ее долг!

Интерес к легендарному советскому разведчику был так велик, что один из популярных журналов опубликовал двести страниц воспоминаний Ханako «Зорге как человек». Часть полученных за это денег она отдала тюремному сторожу. Тот помог найти труп иностранца, которого было легко опознать по зубному протезу (результат аварии близ Йокогамы при езде на мотоцикле). Оставшихся денег хватило, чтобы купить участок на кладбище, захоронить там урну с прахом Рихарда и установить надгробную плиту (она сохранилась у меня на снимке). Нынче

там установлен новый памятник, где рядом с именем разведчика красуется звезда Героя Советского Союза.

Стать первопроходцем к этой могиле для меня не просто высокая честь. Девиз Зорге «Чтобы узнать больше, надо знать больше других» служит для меня напутствием в жизни. Быть интересным для интересующих тебя людей, уметь делать правильные выводы из полученных от них сведений — вот залог успеха и разведчика, и журналиста. Не побоюсь сказать, что у этих профессий есть нечто общее.

Как я передавал явку

В моей жизни был один-единственный случай, когда мне довелось совершить то, что сотрудники спецслужб называют оперативной работой. А именно — передать явку, то есть место и время конспиративной встречи.

Положа руку на сердце, могу сказать, что за полвека своей журналистской деятельности никогда не был «совместителем». И заслуги моей тут нет. Просто «компетентным органам» была дана установка обходить сотрудников «Правды» стороной, дабы не рисковать репутацией главной партийной газеты.

Это отнюдь не значило, что во время работы за рубежом мне не приходилось общаться со многими «ближними и дальними соседями», то есть сотрудниками КГБ и ГРУ, работавшими под крышей посольства или торгпредства. Среди них часто встречались яркие личности, с которыми было интересно и полезно обмениваться выводами и оценками, чтобы глубже вникать в суть происходящего в стране. В моей автобиографической поэме, не предназначенной для публикации, есть такие строки:

В жизни заграничной я
Не жил без компании.
Был я близок с «ближними»,
Выпивал и с «дальними»...

Случай, о котором я упоминаю, имел место в Японии в 1963 году. Для корреспондента советской партийной газеты это было непростое время. Руководители Компартии Японии (Носака, Миямото, Хакамада) перешли на пропекинские позиции, на все лады критикуя «советских ревизионистов». Лишь глава парламентской фракции Сига сохранил верность Москве. Наиболее рьяным антисоветчиком был Хакамада — родной дядя

знакомой нам Ирины Мицуовны. Чтобы следить за тем, поддерживает ли КПСС контакты с «раскольниками», он внедрил в корпункт «Правды» в качестве шофера своего зятя.

Назревший в КПЯ раскол выплеснулся наружу при ратификации Московского договора о запрещении ядерных испытаний. Вторя Пекину, депутаты от КПЯ выступили против него, и лишь председатель их фракции проголосовал за. И вот в этот драматичный момент у нашего советника по партийным связям прервалась связь с Сигой. При последнем контакте его человек не смог договориться о новой встрече.

Советник слезно умолял меня выручить его. Дескать, дипломату трудно выйти на Сигу. А для корреспондента «Правды» вполне естественно попросить у него интервью. И в конце разговора передать, что знакомый ему связной будет в пятницу в 16 часов ждать его на втором этаже книжного магазина «Марудзэн», где продают монографии по международному праву.

Через пресс-службу парламента я официально попросил о встрече с главой фракции коммунистов. Интервью прошло гладко. В конце беседы удачно ввернул фразу о книжном магазине. И тут Сига заговорщическим шепотом произнес: «Я сейчас дам вам пакет, который нужно переслать в Москву товарищу такому-то». (Он назвал фамилию известного лица со Старой площади, которое не раз бывало в Токио.)

Пока Сига открывал стоявший в углу сейф, в моей голове вихрем закружились мысли. По всем инструкциям, принимать от иностранца пакет, не зная, что в нем лежит, категорически запрещалось. Откуда мне знать, только ли информацию о КПЯ передает Сига нашему советнику по партийным связям? А если меня возьмут с поличным при документах, касающихся японских вооруженных сил, то без дипломатического иммунитета можно лет на пятнадцать угодить в тюрьму за шпионаж.

Сига достал из сейфа фирменный пакет универмага «Мицукоси» и протянул его мне. Мысли снова бешено закрутились, но уже в обратном направлении. Вправе ли я отказать человеку-легенде, одному из основателей Компартии Японии? Ведь я еще был пионером, делал доклады о героях Коминтерна, когда Сига уже томился в одиночной камере тюрьмы Сугамо, где провел 18 лет. И вот перед таким человеком я предстану как трус, который заботится лишь о собственной шкуре?

Словом, после минутного колебания пакет из универмага взял. Хотя понимал, что в парламенте он явно бросается в глаза. Вышел в длинный коридор, по оба конца которого маячили фигуры часовых. Мелькнула мысль: может, зайти в туалет,

взглянуть, что за бумаги я несу? Но махнул рукой — была не была! Степенным шагом миновал шеренги полицейских, охранявших парламент от демонстрантов, взял такси и назвал адрес советского посольства.

Поднялся в «кочегарку», где работали шифровальщики, писали свои донесения ближние и дальние соседи. Дежурный пощупал пакет, подивился его легкости и мягкости. И попросил подождать, пока составят опись, которую мне надлежит подписать. Вскоре из-за перегородки раздался хохот. В зачитанном мне списке значилось следующее: две женские мохеровые кофты, мужской свитер, спортивный костюм «Адидаас», плащ-болонья. Налицо был типичный «джентльменский набор» советского командированного тех лет. Видимо, «товарищ такой-то» когда-то покупал нечто подобное в Токио или попросил старого знакомого прислать ему все это.

Вслушав мой эмоциональный рассказ о том, каких страхов я натерпелся ради злополучного пакета, оказавшегося банальной посылкой, советник по партийным связям принялся извиняться. И в качестве компенсации за моральный ущерб оформил мне ящик виски по дипломатической выписке, то есть за полцены. Так я поставил пятно на своей репутации «чистого журналиста». Ибо не только участвовал в оперативной работе, но и, как оказалось в итоге, сделал это не бескорыстно.

На собраниях с Ширли Маклейн

На постоянную работу за рубеж журналист выезжает с семьей. Так что детство моей дочери Любы прошло на Дальнем Востоке — от 0 до 5 лет в Китае, от 7 до 14 лет в Японии.

Когда я в 60-х годах работал в Токио, дочь училась в двуязычной частной школе. На родительских собраниях отцы или матери, как и у нас, рассаживались на места своих детей. Моим неизменным соседом был мистер Паркер — представитель киноконцерна «Метро Голдвин Майер» на Дальнем Востоке. Но однажды рядом со мной оказалась вроде бы невзрачная рыжеватая женщина, поразительно на кого-то похожая. Долго ломал голову, прежде чем решился сказать:

— Вы мне напоминаете молодую Ширли Маклейн в ее первых фильмах...

Услышав эти слова, соседка всплеснула руками и рассмеялась:

— Боже мой, какой изысканный, какой оригинальный комплимент! Никогда в жизни не слышала ничего подобного. Вы,

как я догадываюсь, отец русской подруги моей дочери Сэлли. Очень рада знакомству. Где вы нынче проводите Рождество? Может быть, погостите у нас на Гавайях?

В первые годы своей жизни Люба говорила по-китайски лучше, чем по-русски. После возвращения на Родину забыла все начисто. В Токио она начала ходить в советскую школу при посольстве. За два года научилась там читать и писать. Но поскольку журналистская работа требовала, чтобы мы с женой часто уходили по вечерам, у нас поселилась японская няня. Повседневное общение с ней, а также детские телепередачи создали эффект полного погружения в атмосферу японского языка. И когда мы отправились в отпуск на теплоходе Йокогама — Находка, дочь говорила с японцами совершенно свободно, как в раннем детстве с китайцами.

Тут-то и возникла мысль отдать ее в третий класс в японскую школу. Коллеги порекомендовали женскую гимназию Нисимати, где часть предметов преподается на японском, а часть на английском и более трети школьниц составляют девочки из иностранных семей.

Японцы начинают ходить в школу с шести лет. Поэтому мою Любу зачислили сразу в 4-й класс. Это, мол, больше соответствует ее возрасту и общему развитию, а с языками трудно всем.

По-японски дочь говорила лучше иностранных сверстниц. Проблемы были только с письменностью. А вот начинать с азов английский в четвертом классе было нелегко. Однако уже через пару лет новые учителя принимали Любу за урожденную американку. Ведь в США никого не удивляют любые, даже славянские фамилии.

В школе Нисимати слились лучшие стороны как японской, так и американской системы образования. Детям буквально со школьной скамьи прививают ценные навыки, которые мы обычно обретаем только в вузе. Во-первых, четко планировать свое время, во-вторых, чувствовать ответственность за взятое обязательство, в-третьих, самостоятельно работать с источниками. Наши школьники привыкли к тому, что им задают выучить какой-то раздел учебника к следующему уроку. В Нисимати дочь уже в 4-5-6-м классах получала по каждому предмету тему исследования на месяц или на семестр. По ней требовалось написать реферат или подготовить устный доклад, причем на основе контракта. Школьник должен заранее решить, какую оценку он хочет получить. Если тройку — нужно ответить на три вопроса. Если четверку — на шесть. Если пятерку — на двенадцать. В первом случае достаточно ссылок на учебник, во

втором должен быть дополнительный источник информации, в третьем — два источника. Главное же — контракт должен быть выполнен во что бы то ни стало. Если подписался на пятерку, а выполнил на четверку — получаешь двойку.

Помню, темой занятий по географии в 6-м классе стали государства Восточной Европы. Дочери досталась Польша. Я уговорил ее подписать контракт на пятерку. Съездил в польское посольство, набрал там пропагандистских брошюр на английском языке. Получился хороший реферат об экономической интеграции стран СЭВ на польском примере.

Школьные знакомства дочери и встречи на родительских собраниях помогли мне завести ценные для работы связи. К примеру, лучшей подругой Любы была дочь норвежского посла. Как представитель королевского дома он имел контакты с императорской семьей и познакомил меня с некоторыми ее представителями.

Можно сказать, благодаря школе Нисимати моя дочь унаследовала профессию востоковеда и лингвиста. Она уже многие годы преподает в МГУ японский язык, а в Дипломатической академии — английский.

Школа Нисимати оставила в нашей семье добрую память. Тот период омрачил лишь один эпизод. После того как на родительском собрании мы оказались за одной партой с Ширли Маклейн, дочь получила письменное приглашение провести Рождество на Гавайях. Было очень трудно объяснить ей, что это невозможно. Ибо командированный за рубеж советский гражданин или член его семьи был вправе посещать третью страну лишь по решению выездной комиссии ЦК КПСС.

Отправившись на год в Японию со своими студентами, Люба осуществила там мечту школьных лет и слетала на Гавайи уже как взрослый, самостоятельный человек — за свой счет.

«Кадиллак» и ошибка молодости

Моя жизнь сложилась так, что я впервые сел за руль лишь после тридцати пяти лет. В Китае, где я работал в 50-х годах, нашим соотечественникам категорически запрещалось водить машину, ибо по закону иностранец, сбивший китайца, должен был не только пожизненно содержать его самого, но и его детей до совершеннолетия. Кроме персонального шофера посла (офицера КГБ), у всех работали водители-китайцы. Труднее приходилось нашим женам. В отличие от других иностранок, в том числе поляк, болгарок, чешек, венгерок, им было запрещено

нанимать рикш, а иного городского транспорта в Пекине практически не было.

И вот в Японии мне пришлось сесть за руль шикарного восьмицилиндрового «кадиллака» — наследство предшественника. Учиться ездить на нем было легко. И не только благодаря мощному мотору и автоматической коробке передач. Машине шел уже двенадцатый год, ее можно было не жалеть. Я ездил на ней, как на танке, от которого все шарахались в стороны.

По правде говоря, я не сознавал тогда, что в представлении американцев «кадиллак» — такой же статус-символ, как «роллс-ройс» для англичан. Лишь позже, приехав в свою третью страну — Англию, я понял: для лондонского джентльмена «роллс-ройс» — олицетворение имперского величия. Вспоминается сцена в престижном автомобильном салоне «Эрлз Корт», чем-то напоминающая современные анекдоты про «новых русских».

Американец в голубом пиджаке и малиновом галстуке долго ходит вокруг «роллс-ройса» и наконец обращается к продавцу, напоминающему своим невозмутимым видом гренадера из дворцового караула.

— Скажите, а какова мощность мотора у этой машины?

Продавец окидывает заокеанского нувориша взглядом и с достоинством произносит:

— Полагаю, вполне достаточная, сэр. Американец чувствует, что его поставили на место, и начинает кипятииться.

— Все-таки у вас здесь нет такого сервиса, как в США. У нас, когда покупаешь машину, тебе объясняют, чем данная модель лучше и чем она хуже других. Какие недостатки у «роллс-ройса»?

— Думаю, только один, сэр. Эта машина — как пиджак из ирландского твида. Если купил — то на всю жизнь...

Журналистская судьба заставила меня на пару лет стать обладателем одной из престижнейших в мире моделей, купленной когда-то «Правдой» всего за 500 долларов у американского летчика, срочно покидавшего страну. 240 лошадиных сил — подобный мотор не назовешь экономным. Но поскольку бензин оплачивала редакция, меня это мало заботило. При такой мощности двигатель работал совершенно бесшумно. Достаточно было поставить рычаг автоматического переключения скоростей на «движение», и машина без нажатия на газ легко выплывала из гаража.

Наш тогдашний советский «членовоз» «ЗИС-110» был точной копией «кадиллака». Привратники часто принимали меня за посла и кидались отворять ворота (потом неистово ругались).

Накануне токийской Олимпиады 1964 года японские

гаишники решили обновить автопарк столицы и отказались перерегистрировать мою 14-летнюю машину. Редакция разрешила купить новую, а старую по возможности реализовать. Известные музыканты, приезжавшие из Москвы в Токио на гастроли, предлагали мне за нее кто три, кто пять тысяч долларов. Однако заведующий гаражом посольства посоветовал ни в коем случае не совершать никаких торговых сделок.

— Даже если ты честно оприходуешь полученные деньги, тебя все равно потом затаскают по комиссиям, будут подозревать, что ты получил еще что-то «на лапу». Самое безопасное — сдать «кадиллак» на металлолом. Его при нас же расплющат и дадут квитанцию.

Так мы и поступили, составив надлежащий акт и получив за машину по 32 доллара за тонну. В 2000 году я узнал, что «кадиллак» 1950 года вошел в категорию антиквариата, причем не кто иной, как Фрэнк Синатра возглавляет клуб владельцев этих старинных машин, а модель, на которой я пару лет ездил в Токио, оценивается в двести пятьдесят тысяч долларов. Стало быть, я по молодости лет дал в Японии большую промашку...

Двусмысленность языка жестов

Заветная мечта каждого иностранца — побывать в японской семье, чтобы лично познакомиться с ее бытом, с домашней кухней. Однако за время краткосрочной командировки или двухнедельной туристической поездки это практически нереально. Звать домой гостей, а тем более иностранцев, в Стране восходящего солнца не принято.

Погрузиться в атмосферу японской жизни очень трудно и вместе с тем очень легко: достаточно переступить порог рекана — японской гостиницы, ибо рекан как бы монополизирует в стране функции гостеприимства.

Объяснить, что такое рекан, легче всего от противного: отель наоборот. В отеле турист перед ужином надевает пиджак и галстук и отправляется в ресторан. Питается он в общем зале, а принимает душ или бреется у себя в номере. В рекане же постояльцы моются все вместе, нежатся в общем бассейне, а ужинать расходятся по своим комнатам.

Миловидная служанка не только приносит в номер поднос с кушаньями и напитками, но и прислуживает во время трапезы, неустанно наполняет бокал и даже обязана выпить с гостем, если он ей предложит. Все обставлено так, чтобы человек чувствовал себя не постояльцем, а желанным гостем.

Приезжего не спрашивают, какую комнату он хочет — с выходом в сад или без такового, что ему подать на ужин, а что на завтрак. В рекане нет меню, гость не имеет права выбора. От его воли зависит лишь количество саке, которое будет согрето к ужину и подано за отдельную плату.

Оставив в коридоре шлепанцы, постоялец в одних носках благоговейно ступает на татами. Служанка снимает с гостя пиджак и, грациозно опустившись на колени, проворно стаскивает с него брюки. Прежде чем он сообразит, как вести себя в такой ситуации, ему предложат полотняное кимоно и пригласят следовать в фуру (японскую баню).

Рекан не просто гостиница, место временного ночлега. Он задуман как идеал домашнего уюта, о котором человек может лишь мечтать в повседневной жизни. Тут изысканное угощение, имитирующее праздничную домашнюю кухню, уединение (малодоступная роскошь в Японии), возможность вместо тесного деревянного чана окунуться в какой-нибудь необыкновенный мраморный бассейн, соединенный с горячими источниками.

Путешествуя по Японии, я старался почаще останавливаться в реканах, поесть сасими утреннего улова, живых креветок. Хотя такие погружения в японскую жизнь иногда рождали курьезные эпизоды. Об одном из них мне хочется рассказать.

Общаясь на разных языках, мы подчас забываем, что различие относится не только к лексике и грамматике, но и к такому, казалось бы, одинаковому для всех средству, как язык жестов. Мы, русские, чаще всего впервые сталкиваемся с этим феноменом в Болгарии. Привычные утвердительный кивок или отрицательное покачивание головой у наших славянских братьев используются в диаметрально противоположных ситуациях. Если в ответ на вопрос: «Ведет ли эта улица к вокзалу?» — болгарин кивнет, значит, надо идти в другую сторону.

Разное прочтение языка жестов однажды поставило меня в Японии в очень смешное положение. Дело было на полуострове Идзу, куда жители Токио летом приезжают отдыхать. Но на пороге зимы маленький приморский поселок казался вымершим.

Я остановился в почти пустом рекане. Подливая мне саке, очаровательная служанка была, пожалуй, более кокетлива, чем обычно. Я расценил это как следствие «мертвого сезона». Мне было хорошо известно, что девушки в рекане — табу. По традиционному разделению труда их функция — лишь раздразнить мужской аппетит и потом выразить готовность пригласить кого следует, дабы скрасить одиночество гостя женской компанией.

Так было и на сей раз. Выпив налитую мной чашечку саке,

девушка с игривым сочувствием заметила, что иностранцу, наверное, не по вкусу японская еда, особенно сасими, то есть сырая рыба. Я решительно возразил.

— Ничего подобного! Угощение тут у вас — во! Что называется, на большой палец!

Жест, которым я подтвердил слова, вызвал у японки некоторую растерянность. Помедлив, она вытянула мизинец.

— Вы, по-видимому, хотели сказать вот это?

— Нет, я хотел сказать: вот такое угощение! — И еще раз показал большой палец.

Служанка отправилась посоветоваться с хозяйкой.

Владелица рекана выполнила церемонный земной поклон и стала извиняться: мол, девушка недавно из деревни, могла неправильно понять. Ёсть, наверное, показал ей мизинец. Я повторил свое опровержение. Мы, мол, говорили о японской еде. И я сказал, что ужин был — во, на большой палец!

Хозяйка заявила, что поняла, и удалилась. Прошло более получаса. Я в одиночестве доел свой ужин. И тут в комнату вошла другая, более высокая и ярче накрашенная японка. Она уселась рядом и, наливая саке, как бы невзначай положила руку повыше моего колена.

Я поднял глаза и обомлел. Рядом со мной был мужчина в завитом парике и с подведенными глазами. Меня словно ударило током. Это теперь разговоры о нетрадиционной сексуальной ориентации никого не удивляют. Но в 60-х годах было иначе. Я вскочил на ноги, достал из чемодана бутылку виски, налил до краев два граненых стакана.

— Ты уж извини, парень! Произошло недоразумение. Меня не так поняли.

Японец мое извинение, как и виски, принял. Но сказал, что поскольку визит совершен, следует рассчитаться. Взял деньги и ушел. А через несколько минут из вестибюля раздался женский хохот. Мой ночной гость рассказывал персоналу рекана о чудачках иностранцах, которые сами не знают, чего хотят, путают мизинец с большим пальцем.

На грани бытия и небытия

«За тонкой раздвижной перегородкой слышались шаги. Мягко ступая босыми ногами по циновкам, в соседнюю комнату вошли несколько человек, судя по голосам — женщины. Я лежал за бумажной стеной, жадно вслушиваясь в каждое слово. Ведь именно желание окупиться в жизнь японского захолустья занесло

меня в этот поселок на дальней оконечности острова Сикоку».

С этих слов начинается моя книга «Ветка сакуры». Когда я писал ее тридцать лет назад, еще не было красавцев-мостов, переброшенных ныне через Внутреннее море. Добираться на Сикоку паромом было сложно. Так что приезжих, тем более иностранцев, там было мало.

Видимо, именно поэтому хозяйка японской гостиницы, о которой шла речь в дальнейшей сцене книги, решила попросить меня помочь устроить ее сына в университет имени Лумумбы в Москве. Я пообещал познакомить ее с сотрудниками нашего посольства в Токио, занимавшимися отбором кандидатов.

В знак благодарности я получил приглашение отведать ядовитой рыбы фугу и настойки на ее плавниках в соседнем заведении, ей же принадлежавшем. Возможность впервые в жизни попробовать самое редкое и дорогое в японской кухне лакомство, которое обычно подают лишь министрам да президентам фирм, вызвала смешанные чувства. Пузатая рыба с полосатой черно-белой спинкой и молочно-белым брюшком смертельно ядовита, особенно накануне весны. Именно в эту пору гурманы соглашаются платить за нее по 300 долларов за килограмм.

Каждый февраль в японских газетах появляются заметки об отравлениях рыбой фугу. Тысячи людей попадают в больницы, десятки умирают. После войны рекордным был 1958 год, когда скончались 176 человек. Министерство здравоохранения ввело обязательное лицензирование лиц, имеющих право разделять и подавать фугу. Нынче в Японии такие дипломы имеют 72 тысячи человек, а ежегодное число жертв сократилось до двух десятков. Но поскольку все погибшие, как правило, люди известные, увлечение ядовитой рыбой сохраняет ореол «гастрономического варианта русской рулетки».

Наиболее опасна для жизни печень рыбы фугу. Однако она как ничто другое предохраняет от возрастных болезней суставов вроде артрита. Потомственный актер театра кабуки Мацугоро Бандо Восьмой, непревзойденно исполнявший роли юных красавиц даже в шестидесятилетнем возрасте, восхищал публику изяществом своих рук. Секретом своей молодости он называл печень рыбы фугу. На беду пристрастие к пузатой глубоководной рыбе в конце концов стало причиной его смерти.

Возможность попробовать драгоценное романтическое лакомство, как говорят японцы, «побывать на грани бытия и небытия», меня, конечно, пугала. Но журналистское любопытство оказалось сильнее осторожной рассудительности.

Чтобы успокоить меня, хозяйка пригласила самых известных в городе людей — мэра, начальника полиции, директора банка.

На себя же взяла роль дегустатора. Однако после нее каждый новый кусок должен был пробовать я.

Сырую рыбу утреннего улова разделяют на тонкие, почти прозрачные ломтики, сквозь которые должен просвечивать узор фарфорового блюда. Яд распределен в теле, плавниках и хвосте фугу неравномерно и оказывает неодинаковое воздействие.

Поэтому повар перво-наперво расспросил меня о возрасте, осведомился, как работают почки, печень, кишечник, есть ли проблемы по мужской части. Узнав, что мне недавно исполнилось сорок, посоветовал непременно вновь полакомиться фугу лет этак через тридцать...

Потом каждому из гостей поставили предназначенный именно для него фарфоровый кувшинчик с настоем из плавников. Мне пояснили, что sake, как всякий алкоголь, абсорбирует целебные свойства. Но при нарушении дозировки лекарство становится ядом.

Повар, словно анестезиолог, внимательно вглядывался каждому в глаза. Опынение ощущалось очень своеобразно. Сперва все вокруг словно потускнело. Затем все чувства обострились. Появилась способность видеть, слышать, осязать гораздо больше, чем обычно. Я как бы переместился в совершенно иной мир, несравненно более богатый оттенками, шорохами, запахами.

Поинтересовался: любит ли ловить этот своеобразный кайф молодежь? Мне ответили, что заведения с рыбой фугу посещают в основном люди почтенного возраста.

И вот наконец приходит черед попробовать саму рыбу. Начинают со спинки — наиболее вкусной и наименее ядовитой. Ближе к брюшине яд становится сильнее. Бдительно следя за состоянием гостей, повар отрезает ломтик за ломтиком, всякий раз начиная с хозяйки. И тут на нас исподволь накатывается некая парализующая волна. Сначала буквально отнимаются ноги, потом руки. А вот уже деревенеют челюсти и язык, словно после укола новокаина, когда стоматолог собирается рвать зуб.

Способность двигаться сохраняют только глаза. Никогда не забуду этот момент ужаса: мы сидим на татами в полной неподвижности и лишь обмениваемся испуганными взглядами.

Потом все оживает в обратном порядке. Возвращается дар речи, обретают способность двигаться руки и ноги. Неужели ради воскресения из небытия люди и идут на смертельный риск? Чувствуешь себя совершенно обновленным, заново родившимся.

И тут повар наливает всем настойку из хвоста фугу. Она вызывает необыкновенный прилив творческого вдохновения. Хозяева об этом знают. Мне подносят квадрат влажного белого

картона, кисть и тушь. Попросят что-нибудь написать на память. И я размашисто вывожу четверостишие средневекового китайского поэта Ли Бо, одинаково хрестоматийное как для китайцев, так и для японцев. Восхищенная хозяйка обещает повесить его на стене рядом с дипломом повара.

Лет десять спустя наш новый посол в Токио рассказал мне, что во время поездки по Сикоку ему специально показали этот — образец поэтической каллиграфии, некогда оставленный писателем из далекой России. После чего я решил, что жизнь прожита не зря.

В заключение добавлю — лишь в 90-х годах я узнал: правильно дозированный яд рыбы фугу, особенно настоящий на саке, является эффективным средством профилактики и лечения заболеваний предстательной железы. Не случайно драгоценной рыбой фугу любят лакомиться люди почтенного возраста. Кстати, хозяйка заведения, где я оставил иероглифическое четверостишие, заверила, что данная реликвия дает мне право бесплатно отведать пузатой рыбы вновь, когда я захочу. И это ободряет.

«Кампай» — осушим чаши!

За семь лет работы в Японии через меня прошло бесчисленное количество гостей. В большинстве своем это были командированные, оказавшиеся в Токио по самым различным поводам. Поскольку мое имя часто мелькало в газете, то и дело раздавались неожиданные телефонные звонки. Дескать, я такой-то. Три года назад мы с вами отдыхали в санатории в Крыму. Кроме вас, никого здесь не знаю. Так что привез вам бутылку водки и буханку черного хлеба. Очень прошу познакомиться меня с ночной жизнью Токио. Например, сходить к гейшам...

Ночная, а точнее сказать, вечерняя жизнь действительно имеет место в Японии. Она играет в стране большую и весьма своеобразную роль. Стихотворцы эпохи Тан — золотого века древнекитайской поэзии — любили повторять в своих стихах выражение «Ганьбэй!» — Осушим чаши! В японском языке аналогичные иероглифы читаются как «кампай». И для Страны восходящего солнца это заветное слово поистине стало катализатором деловых отношений.

Скованные жесткими рамками «подобающего поведения», японцы предпочитают преодолевать наиболее острые разногласия не на заседаниях, а за выпивкой, когда алкоголь позволяет на время избавляться от оков этикета. Астрономические расходы

японских фирм на представительские цели, а попросту говоря, на попойки в ресторанах, барах и кабаре, мотивируются тем, что подобные заведения служат лучшим местом для сглаживания противоречий и поисков компромисса.

Практически это выглядит примерно так. Заведующий отделом может тратить на представительские цели три месячных оклада в год, член совета директоров — двенадцать. Речь, разумеется, идет не о наличных, а о праве рассчитываться кредитной карточкой в определенных заведениях в пределах ассигнованной на данный месяц суммы.

Но поскольку все служащие фирм, от столоначальников до президентов, обычно общаются с деловыми партнерами аналогичного ранга, а те располагают такими же финансовыми возможностями, то в конце месяца, тем более квартала на их кредитных карточках могут выявиться неиспользованные остатки.

В таких случаях начальник обычно приглашает всех своих подчиненных, включая молоденьких секретарш, в какое-нибудь дорогое заведение на Гиндзе, о котором они могут иметь представление разве что по телесериалам. Выпив первый «кампай» за сплоченность коллектива, руководитель просит его извинить, ибо он давно уже не навещал свою любовницу.

Он оставляет заместителю кредитную карточку и просит всех гулять и веселиться, «пока из лодки не откачают всю воду», то есть пока не пропьют остаток. Нередко вслед за шефом уходит и заместитель, заранее списав официантам числящуюся на кредитной карточке сумму. И вот тут-то, при отсутствии начальства, но при наличии его финансовых возможностей, начинается безудержное веселье...

В канун Нового года, а также весной и осенью, когда у японцев принято любоваться розовыми соцветиями сакуры или багрянцем кленов, фирмы приглашают всех сотрудников с семьями на пару дней в курортные гостиницы с горячими источниками. Там в полной мере подтверждается пословица советских времен: «Ничто так не спаивает коллектив, как коллективный выезд за город!» Чередование слов «кампай» и «банзай» укрепляет корпоративные узы.

Ночную жизнь в Японии правильнее называть вечерней. Большинство посетителей возвращается домой на электричке, и их лимитирует последний поезд. Подвыпившие компании стараются пройти за это время как можно больше ступеней восхождения, которое называется «хасиго», или, буквально, «лестница».

Партнеры выступают в роли приглашающих по очереди, причем не принято, чтобы последующее заведение было дешевле

предыдущего. Кроме все более изысканных алкогольных напитков и угощений, партнера ублажают и женским обществом. Как гласит старинная японская пословица, «где пьют, там и блуд».

Хотя проституция формально запрещена в Японии, по данным национального полицейского управления, в стране насчитывается около 12 тысяч заведений, оказывающих платные сексуальные услуги. Массажные салоны и так называемые «торуко буро» (турецкие бани) служат весьма распространенной крышей для полулегальных борделей.

Дверь в комнатку, где посетитель уединяется с массажисткой, по правилам не должна запирается. В ней также полагается быть смотровому окошечку, дабы администрация могла из коридора следить за порядком. Но если девушка, сняв с клиента пиджак, вешает его как раз на дверь, то есть закрывает им окошечко, — это намек, что можно завести речь об «особых услугах» в стиле Моники Левински.

Впрочем, заведения банно-массажного бизнеса являются хоть и наиболее очевидной, но отнюдь не единственной ветвью развесистого дерева японской секс-индустрии. Дело в том, что в Стране восходящего солнца превращены в товар не только интимные отношения, но и другие формы общения с женщинами.

Как уже отмечалось, незаменимую роль в политической и деловой жизни Японии играют всякого рода застолья, позволяющие решать наиболее сложные проблемы в непринужденной обстановке.

В представлении большинства иностранцев украшать компанию пьющих мужчин предназначены гейши — этакое воплощение японской экзотики. Однако слово «украшать» уместно здесь только в своем изначальном, буквальном смысле.

«Гейша» в переводе означает «человек искусства». Она — искусница развлекать мужчин, причем не столько песнями и плясками, сколько изысканной и остроумной беседой. Приравнивать гейш к продажным женщинам столь же несправедливо, как отождествлять с таковыми актрис вообще. (Хотя ни та, ни другая профессия сама по себе не является гарантией безупречных нравов).

Приметой гейши служит приспущенный ворот кимоно, который обнажает затылок и шею — по мнению местных мужчин, самые возбуждающие части женского тела. (Если европейские красавицы декольтируются спереди, то японские — сзади.)

Японцы издавна привыкли делить женщин на три категории. Для домашнего очага и продолжения рода — жена. Для развлечения души — гейша. А для услаждения плоти — красотка с улицы «красных фонарей». При формальном запрете

проституции эту роль отчасти взяли на себя «псевдогейши», или «хозяюшки» (по-английски хостесс) — девицы из баров и кабаре.

Обязанность хостесс — за определенную мзду составлять мужчине приятную компанию, танцевать с ним, наполнять его бокал, смеяться его шуткам. И не более того. Ну а после работы все зависит от взаимного согласия — если он сумеет ее уговорить, а она не захочет ему отказать. Кстати, такой элемент свободной охоты импонировал большинству мужчин, даже когда легально существовали улицы «красных фонарей».

Злачные места в Японии, как правило, функционируют с семи до одиннадцати вечера и закрыты по воскресеньям. Подрабатывать «хозяюшками» три вечера в неделю охотно нанимаются студентки, конторщицы, а в последнее время и домохозяйки. (Излюбленный сюжет японских телесериалов — современные вариации на тему «Летучей мыши»: подвыпивший муж начинает ухаживать в баре за собственной женой.)

«Псевдогейшу» надо к себе расположить. Проще говоря — авансом дать ей возможность заработать. Клиента прежде всего спрашивают: пригласить ли ему за столик даму? За этим следует вопрос: есть ли у него тут знакомые имена, то есть хочет ли он назвать кого-то персонально?

Вечерние заведения в Японии очень демократичны. Даже если «Сумико, номер 183» в данный момент танцует с президентом концерна «Мицубиси», ее в течение 30 минут пригласят к столику водителя грузовика. Это обойдется заказчику в 80 долларов, из которых 40 получит сама «псевдогейша». Дальше безошибочно срабатывает рассчитанная на мужскую психологию подначка. «Хозяюшку» каждые полчаса перезаказывают. Она курсирует от столика к столику, повышая свой доход, а заодно и прибыль заведения.

Кроме того, женщина в баре или кабаре получает 40 процентов стоимости каждого напитка, которым ее угостил клиент. А просит она чаще всего «Мартель». (Хотя всем известно, что под видом этого дорогого коньяка ей приносят остуженный чай.)

Но это, пожалуй, единственный обман, допускаемый в японском вечернем заведении. Современные «псевдогейши» свято блюдут каноны профессиональной этики, унаследованные от их экзотических предшественниц — гейш. Если подвыпивший посетитель уронит бумажник, рассыплет крупные купюры, никто не польстится на его деньги. Другое незыблемое правило — никогда не раскрывать того, о чем говорят мужчины за столом.

Когда хостесс сочтет, что клиент за несколько встреч достаточно на нее потратился и не испытывает к нему антипатии,

она может после работы принять приглашение продолжить вечер вместе. А в гостиницах, являющихся домами свиданий, недостатка нет. Появились даже портье-компьютеры. Достаточно ввести в автомат нужную купюру, и гостю в руки выпадет ключ от номера — то ли на два часа, то ли на всю ночь.

С недавних пор японцы в шутку заговорили о «сексуальном реванше» за поражение во Второй мировой войне. Расположенные близ Токио американские военные базы Йокота, Ацуги, Йокосука издавна окружены кольцом злчных мест — дансингов, баров, массажных салонов. При обменном курсе 360 иен за доллар ночные развлечения обходились американским воякам втрое дешевле, чем на родине.

Но сейчас, когда курс снизился до 120 иен, их долларовая зарплата сократилась втрое. Теперь расквартированные в Японии моряки 7-го флота и летчики 5-й воздушной армии США отовариваются только в военторгах. Они берут там ящиками тушенку и сгущенку, как некогда делали мы в торгпредском кооперативе.

Но самая поразительная метаморфоза произошла в зонах порока вокруг американских военных баз. В роли хостесс там теперь все чаще выступают жены американских военнослужащих, находящихся на боевом дежурстве.

Когда длинноногие блондинки прислуживают за столикам японцам, провозглашающим очередной «кампай», это невероятно льстит их самолюбию, избавляет их от комплекса представителей побежденной страны. Издатель моих книг свозил меня в такое заведение, считая, что оказал мне гостеприимство на высшем уровне.

Так что слово «кампай» нынче вошло в профессиональный жаргон американок да и некоторых наших соотечественниц, влившихся в ряды тружениц японской секс-индустрии.

Второй инцидент в Оцу

Во время своей семилетней работы в Японии я однажды стал участником «второго инцидента в Оцу». Проще говоря, схлопотал удар по плечу бамбуковым мечом для фехтования. И произошло это на том самом месте, где японский фанатик когда-то напал на наследника российского престола, будущего императора Николая Второго.

Контакты на высоком уровне между Москвой и Токио в 60-х годах были практически заморожены. Так что визит заместителя председателя Совета министров СССР в Японию был событием

неординарным, и мне было поручено день за днем освещать его.

Во время поездки по стране мы, в частности, побывали в городе Нагоя. Его называют «японским Детройтом», поскольку там сосредоточены предприятия ведущего автомобильного концерна «Тойота». В расположенном поблизости городке Оцу некий ультраправый экстремист, с явным намерением продлить историческую параллель, кинулся на советского вице-премьера с деревянным мечом для кендо. Мы с послом попытались загородить собой гостя, и досталось нам обоим.

Местный губернатор, напуганный больше всех нас, делал все возможное, чтобы замять политический скандал. Я до сих пор храню старинную вазу, которую он преподнес мне в знак извинения. А вечером всех нас пригласили в загородный клуб с японскими красавицами высшего класса. Они пели, играли на древних музыкальных инструментах, приглашали нас танцевать с ними современные танцы.

При этом они все время пересаживались с места на место, чтобы каждый из гостей мог напрямую пообщаться с каждой из них. (Жаль только, отличный английский язык вышколенных куртизанок был столь же неведом главному гостю, как и японский). К концу вечера губернатор попросил меня выяснить, какая из девушек больше всего понравилась вице-премьеру. Вопрос насторожил того, но в конце концов он в шутливой форме на него ответил. Тогда хозяин возложил на меня более трудную задачу: подготовить гостя, что названная им японка, возможно, захочет продлить столь интересный для нее разговор в его гостиничном номере.

Тут московский начальник — человек весьма общительный и вполне светский — разом нахохлился, как представитель сталинской эпохи. Я постарался успокоить его, заверив, что экзотика местного гостеприимства ничего не навязывает насильно. Потом отправился диктовать материал в газету, а все остальные еще поехали кататься по ночному городу.

Утром на всякий случай пошел проводить московского гостя. Дверь его номера была не заперта. Открыв ее, я увидел вчерашнюю красавицу в кимоно. Она сидела на ковре в позе, предписанной для чайной церемонии. Девушка рассказала, что при ее появлении гость сразу ушел в другую комнату своего люкса, заперся там и с тех пор никак себя не проявлял. Поэтому она по регламенту в семь отправится домой. «Деньги на такси» — так в Японии именуют женские гонорары — она уже получила, и я, мол, могу не беспокоиться.

«Лучше бы губернатор подарил ему вазу», — усмехнулся я.

Остается добавить: хотя гость поступил, как положено

советскому командированному, перестраховался он, пожалуй, напрасно. Скандальных историй вроде той, что произошла в Москве с «человеком, похожим на генерального прокурора», в Японии не бывало ни с местными, ни с иностранными политиками или предпринимателями.

Я уже упоминал, что с японскими спецслужбами у меня сложились корректные, уважительные отношения. Однажды в Хиросиме я даже уговорил приставленный ко мне «хвост» свозить меня за город, чтобы посмотреть знаменитый храм Миядзима. Чем, мол, мне нанимать на полдня такси, лучше сесть к вам в машину и послушать ваши рассказы о местных достопримечательностях.

Контрразведчики сначала отказывались, но потом согласились. Мы прекрасно провели воскресный день, осмотрели все интересное, выпили пива на берегу бухты, где красуются знаменитые «Красные ворота». Новые знакомые поинтересовались, как я намерен провести вечер, стали давать советы насчет местных баров и кабаке.

— Какое же мне удовольствие за кем-то ухаживать, когда вы из-за угла за мной следите, — пожаловался я на свою судьбу.

Тут мне прочли целую лекцию о профессиональной этике. Дескать, использовать личную жизнь человека как материал для политического компромата подло и низко. Даже в разгар «холодной войны» японские спецслужбы не имели обыкновения шантажировать советских людей компрометирующими снимками.

Так ли это на самом деле — судить не берусь. А вот личный мой опыт подтверждает вышесказанное.

Как я породнил Ниигату с Хабаровском

В середине 60-х годов в Японии произошло сильное землетрясение. От него особенно пострадал портовый город Ниигата на западном побережье, обращенном к России. Узнав о трагедии из теленовостей, я тут же сел за руль и через несколько часов, первым и единственным из аккредитованных в Токио иностранных журналистов, добрался до места катастрофы.

Вместе с тогдашним мэром Ниигаты господином Ватанабе мы объехали город. Меня поразило, что устояли наиболее ветхие на вид дома традиционной японской постройки. Гибкие крепления их деревянных каркасов выдержали подземные толчки.

А вот послевоенные пятиэтажки, которыми гордился муниципалитет, завалились на бок вместе с вывернутыми из песчаного грунта фундаментами. Можно было видеть, как жильцы

ходили по горизонтально лежавшим фасадам и словно из колодцев доставали из окон свой скарб.

Что же касается небоскребов из монолитного железобетона, то многие из них накренились, как знаменитая Пизанская башня. А при крене более семи градусов человек, находящийся в здании, испытывает головокружение и тошноту.

Я остановился в таком же покосившемся отеле. Из предосторожности попросил комнату не выше третьего этажа. Только собрался принять ванну, раздался стук. Открыл дверь — никого. И тут заметил: вода в наполненной ванне ходит туда-сюда. Оказалось, что от подземных толчков стала стучаться о стену висевшая на ней картина. Проворно схватил подушку, водрузил ее на голову и голый встал под дверной косяк. К счастью, скоро все утихло.

Через пару часов меня вызвала по телефону Москва, так что ярких впечатлений для репортажа было достаточно. Мой очерк в «Правде» о трагедии Ниигаты вызвал волну сочувствия у жителей Хабаровска. По инициативе местных общественных организаций прошел сбор пожертвований. На эти средства снарядили три морских лесовоза со стройматериалами для оставшихся без крова японцев. Из бревен и досок вскоре выросли десятки домов. Они образовали Хабаровскую улицу.

Именно после этого жители Ниигаты обратились к хабаровчанам с предложением установить с ними отношения породненных городов. Был повод снова приехать в возрожденную Ниигату, чтобы написать об этой торжественной церемонии (первой в летописи отношений между нашими странами). Ну а мэр Ватанабе в знак благодарности устроил мне встречу с ниигатскими гейшами. Они слывут самыми белокожими в Японии — «благодаря тому, что тут выпадает пушистый снег, приносимый ветром с сибирских просторов».

Как я выращивал жемчуг

Я приехал в Японию с мечтой рассказать о том, как Страна восходящего солнца сумела стать родиной жемчуговодства, написать о поразительной способности японцев находить новое применение человеческому труду, дабы возмещать бедность недр, нехватку земли на тесных, перенаселенных островах.

Родина жемчуговодства — полуостров Сима на Внутреннем море. Водная гладь прибрежных заливов заштрихована там темными полосами. Это бамбуковые плоты, к которым под водой подвязаны проволоочные корзины с прооперированными

раковинами. Параллельные жерди напоминают борозды рисовых полей. Малоземелье заставляет японцев поневоле становиться пахарями моря. Однако жемчуговодство требует куда больше забот и хлопот, чем трудоемкий поливной рис.

Народные сказки чаще всего изображают несметное богатство как ларец, полный жемчужин, которые можно пересыпать горстями. Но даже фантазия сказочников не способна представить дюжину самосвалов, доверху груженных не щебенкой, а драгоценными перлами. Десяносто тонн жемчуга — вот годовой урожай Японии с ее прибрежных вод.

В 1907 году сын торговца лапшой Микимото вырастил на полуострове Сима первые сферические перлы. Порой спрашивают: как отличить жемчужину с плантации от настоящей? Ставить так вопрос нельзя. Жемчуг, выращенный при участии человеческих рук, в такой же степени настоящий, что и плоды на дичке после прививки от культурной яблони.

Жемчуг — столь же болезненное отклонение от естества, как камень в печени человека. Чтобы в устрице вызрела жемчужина, требуется последовательное совпадение нескольких случайностей. Это происходит, во-первых, когда под створки раковины попадет песчинка. Когда, во-вторых, посторонний предмет целиком войдет в студенистое тело устрицы, не поранив ее внутренних органов. Наконец, в-третьих, когда песчинка затащит с собой внутрь обрывок поверхностной ткани устрицы, способной вырабатывать перламутр. Воспроизвести все это с помощью человеческих рук — значит тысячекратно увеличить вероятность редкого стечения обстоятельств, сохраняя сущность естественного процесса.

Идея выращивать жемчуг не случайно пришла в голову сыну торговца лапшой. В приморских селениях Японии мужчины традиционно становятся рыбаками, а женщины — ныряльщицами. Гологрудые «ама», «морские девы», собирают на дне заливов съедобные раковины, как наши крестьянки ходят в лес за грибами. В двустворчатых раковинах акая, из которых делают приправу для лапши, иногда находили жемчужины. Это и навело Микимото на мысль преднамеренно вводить в тело устриц ядрышки.

Деятнадцать лет опыты были безуспешными. Следовало найти подходящий материал. Таковым оказались шарики, выточенные из створок крупных речных раковин. Затем надо было научиться вместе с ядром вводить «присадку» — кусочек перламутровой железы другой, более молодой устрицы, клетки которой создают вокруг шарика жемчужный слой.

Главной рабочей силой при опытах Микимото были «морские

девы». Последние полвека главное действующее лицо в жемчуговодстве уже не ныряльщица, а оператор. В Японии около двенадцати тысяч людей, умеющих вводить ядрышко в тело моллюска. После подробных объяснений меня привели в операционный зал и сказали: «Попробуйте проделать все своими руками. Жертвуем вам сто раковин. Вырастет хоть пара жемчужин — сделаете себе запонки!»

Закрепленная в зажиме раковина раскрыта меньше чем на сантиметр. В этой щелке и надо манипулировать. Беру скальпель, делаю надрез. Переворачиваю скальпель другим, раздвоенным концом, насаживаю на эту вилку кусочек присадочной ткани, ввожу его в тело моллюска и помещаю туда же ядро.

Если вонзить скальпель чуть глубже, чем следует, створки раковины безжизненно распахиваются: поврежден соединительный мускул, и раковина обречена на гибель. То же происходит при вводе ядрышка не в ту часть устрицы, где она может терпеть инородный предмет.

Встав из-за стола через три часа совершенно разбитым, я убедился: оперировать раковины без подготовки все равно что вырезать самому себе аппендикс, добросовестно выслушав, как это делается. Из сотни раковин, которые были зарегистрированы под моим именем, через две недели выжили одиннадцать. Да и те, скорее всего, были украдкой положены в мою корзину инструкторами. Два года их без меня холили и пестовали. Каждые два месяца очищали от выросших водорослей, после дождей опускали корзину поглубже, чтобы не менялась привычная соленость воды.

Когда два года спустя я приехал за урожаем, оказалось, что девять из моих одиннадцати жемчужин не соответствуют стандартам и только две имеют коммерческую ценность. Предсказание сбылось: я действительно вырастил себе лишь запонки!

Впервые увидев горы и воды полуострова Сима, я подумал о жемчужинах как о перлах природной красоты. Мне казалось, раковины вбирают в себя неповторимую прелесть породнения моря и суши. Но чем ближе знакомишься с жемчуговодством, тем отчетливее видишь в нем красоту творения рук человеческих. Есть выражение «перлы премудрости». Жемчужины, выращенные на плантациях, поистине «перлы труда» в самом прямом и высоком смысле этих слов.

Первый в моей жизни новогодний репортаж из Японии я написал в канун 1963 года. Причем опубликован он был именно под таким заголовком: «Сосна, бамбук и слива».

В Стране восходящего солнца Новый год больше чем праздник из праздников. Это как бы общий для всей нации день рождения. У японцев до недавних пор не было обычая отмечать дату своего появления на свет. Сто восьмой удар новогоднего колокола добавляет единицу сразу ко всем возрастам. Даже младенец, родившийся накануне, наутро считается годовалым.

В полночь все, затаив дыхание, прислушиваются к гулу старинных бронзовых колоколов, про себя отсчитывая удары. По мнению японцев, со сто восьмым из них человек не только становится на год старше, но и переступает некий порог, за которым его ждет совершенно новая судьба. Каким бы трудным ни был уходящий год, все может пойти по-иному за этим порогом, как бы с чистого листа.

Итак, новогодний праздник должен войти в каждый дом как начало иной полосы в жизни. Поэтому двери, по традиции, принято украшать ветвями сосны, бамбука и цветущей сливы. Вечнозеленая сосна на народном поэтическом языке олицетворяет пожелание долго жить и не стареть, бамбук символизирует гибкость и стойкость, а слива, упрямо зацветающая, даже если вокруг лежит снег, — жизнерадостность среди невзгод. Пожалуй, именно мой первый новогодний репортаж стал зародышем замысла написать психологический портрет обитателей Страны восходящего солнца, что я и осуществил потом в книге «Ветка сакуры».

Итак, сосна, бамбук и слива воплощают некие универсальные пожелания. К общим для всех образам каждый вправе добавлять свои личные надежды. Ложась спать в новогоднюю ночь, миллионы японцев кладут под подушку лубочную картинку с изображением Такарабуне. Это Корабль сокровищ под алым парусом, на борту которого к японским берегам спешат Семь богов удачи. Тому, кто увидит их во сне, наступающий год сулит исполнение самых заветных желаний.

Человек непосвященный увидит на борту Корабля сокровищ трех толстяков, двух старцев, воина и женщину. Однако каждый из семерых — популярный персонаж народного творчества и заслуживает того, чтобы познакомиться с ним поближе.

Бога удачи Эбису сразу отличишь от других толстяков по удилищу в руке и окуню под мышкой. Иным и не может быть бог удачи в стране, где все жители — заядлые рыболовы. За помощью к Эбису обращаются те, кому помимо сноровки требуется еще и везение: мореходы, исследователи, спортсмены, владельцы

ночных заведений. Изображение толстяка с удочкой можно увидеть в мелких лавочках. Однако наряду с удачей Эбису олицетворяет еще и честность.

Может быть, поэтому среди крупных предпринимателей больше, чем Эбису, популярен Дайкоку — дородный деревенский бородач, восседающий на куле с рисом. Когда-то крестьяне почитали его как бога плодородия. Но с тех пор, как в руках у бородача оказался деревянный молоток, Дайкоку стал покровителем тех, кому требуется искусство выколачивать деньги, — коммерсантов, биржевиков, банкиров. Словом, из бога плодородия превратился в бога наживы.

Третий толстяк-улыбчивый, круглолицый бог судьбы Хотей. Его приметы — бритая голова и круглый живот, выпирающий из монашеского одеяния. Нрава он беззаботного, даже непутевого, что при его служебном положении довольно рискованно. Ведь не кто иной, как Хотей, таскает за спиной мешок с людскими судьбами и порой, будучи навеселе, дает человеку не ту судьбу, какую он заслуживает. Богу судьбы поклоняются политики и повара (те и другие иной раз заваривают кашу, сами не ведая, что у них получится).

Впрочем, тайно почитая Хотя, политики любят публично называть своим кумиром бога мудрости Дзюродзина. Это ученого вида старец с длиннейшей бородой и еще более длинным свитком знания в руке. Несмотря на преклонный возраст, Дзюродзин славится любителем выпивки и женщин, без чего он попросту не считался бы мудрым в понимании японцев. Философы, юристы, литераторы, как и упоминавшиеся уже политики, считают Дзюродзина своим покровителем.

Второй старец — бог долголетия Фуку-Року-Дзю — отличается вытянутым в длину лысым черепом. Его неразлучные спутники — журавль, олень и черепаха. Бог долголетия отличается тихим нравом. Он опекает шахматистов, а также часовщиков, антикваров и садовников — людей, чей труд имеет отношение к настоящему, прошедшему или будущему времени.

Бишамон — рослый воин с секирой, в шлеме и доспехах, на которых написано: «Верность, долг, честь» — обеспечивает незыблемость главных ориентиров японского характера. Его особенно почитают люди в погонах и лекари, то есть защитники страны, а также стражи порядка и здоровья.

Единственная женщина на корабле — покровительница искусств Бентен с лютней в руках. Считается, что она не в меру ревнива к чужим талантам, к чужой славе, к чужим почитателям, что, Впрочем, присуще художественной интеллигенции не только в Японии.

Увидеть во сне семь богов удачи — заветная мечта японцев.

Ведь с Новым годом для них связаны не только надежды, но и заботы. Открывая в жизни чистую страницу, праздник одновременно служит порогом, за который нельзя переносить неоконченные дела, невыполненные обещания, неоплаченные долги.

В представлении японцев сто восемь ударов новогоднего колокола помогают оставить в прошлом все горести и неприятности, все печали и заботы уходящего года. Цифра 108-девять дюжин-означает «полный набор». Поэтому, отсчитывая удары в новогоднюю полночь, люди мысленно перечисляют все, от чего им хотелось бы избавиться на новом отрезке жизни.

Впрочем, под праздник японцы думают и о том, чего забывать не следует, что пригодится впредь. Именно в предновогодние недели излюбленным развлечением служит средневековая игра «Хякунин иссю» («Сто стихов ста поэтов»).

Эта знаменитая антология была составлена еще в 1235 году. Без знания заключенных в ней извечных истин и ярких образов нельзя считать себя образованным человеком. В игре используют две колоды карт. Одну раскладывают на столе, другая остается в руках ведущего. Он наугад вынимает карту из середины и зачитывает две начальные строки четверостишия. Выигрывает тот, кто быстрее найдет на столе карту с окончанием стиха и именем поэта. Можно ли представить себе, чтобы в какой-нибудь из европейских столиц молодежь под праздник состязалась в знании поэзии Данте или Чосера! Индийские студенты тоже поразили меня интересом к таким жемчужинам их народного эпоса, как «Махабхарата» и «Рамаяна».

Япония — страна непредсказуемых стихийных бедствий: землетрясений, цунами, тайфунов, извержений вулканов. Не случайно излюбленным новогодним сувениром там служит японский вариант «Ваньки-встаньки». Это символическая фигура Бодхидхармы, который в шестом веке пришел из Индии в Китай проповедывать буддизм и поселился в монастыре Шаолинь.

Бодхидхарма, которого китайцы зовут Дамо, а японцы — Дарума, девять лет просидел лицом к стене в пещерной келье. После столь длительной медитации он от неподвижности лишился рук и ног. Дарума как новогодний сувенир — это голова с густыми индийскими бровями и усами. Дарят его безглазым. Загадав под Новый год желание, владелец закрашивает ему один глаз, а когда желание исполнится — то и второй.

Фигура Дарумы, имеющая форму шара, олицетворяет собой девиз «Семь раз упасть и семь раз подняться». В этом суть жизненной философии народа, населяющего вулканические

Мистика новогодней статистики

В Японии, как и повсюду в мире, календарный год состоит из пятидесяти двух недель. Однако две последние из них резко отличаются от остальных пятидесяти. Страна живет эти дни в каком-то авральном, лихорадочном темпе. Все среднестатистические недельные показатели многократно возрастают.

У водителей за рулем автомашин и пешеходов на улицах могут быть разные поводы нестись во весь опор или брести в задумчивости. Но заранее известно, что именно на две последние недели года всегда приходится вчетверо больше жертв уличного движения и вчетверо больше самоубийств. Никакие меры не способны повлиять на эту предновогоднюю статистику, весьма похожую на мистику.

Поговорим сначала о праздничных рекордах позитивного характера. С начала декабря у японцев заняты все вечера. Сослуживцы и деловые партнеры спешат на очередной «боненкай» — «встречу для забывания старого года». Оттуда гости расходятся, нагруженные сувенирами. Японские фирмы ежегодно списывают на «развлечения в интересах дела» более 50 миллиардов долларов — сумму, превышающую военный бюджет страны.

В Японии существует культ подарков. И Новый год бесспорно является его кульминацией. Сама традиционная система зарплаты, когда в декабре все привыкли получать трехмесячный бонус, способствует этому. Затянувшийся экономический спад побуждает некоторые фирмы сокращать праздничные выплаты, но целиком отменять их никто не решается.

Поэтому универмаги торгуют в авральном режиме, временно нанимая старшекласников, студентов и пенсионеров помогать штатным продавцам. Все предельно упрощено. На одном этаже — подарки по 300 долларов, на другом — по 100, на третьем — по 50. Покупатель приносит визитные карточки своих родственников, сослуживцев, деловых партнеров. Их сканируют, чтобы рассылать сувениры по домашним адресам.

По цвету упаковочной бумаги можно судить о цене подарка. Это очень важно, ибо каждая семья ведет скрупулезный учет: что от кого получено. Главное для японца — послать в ответ нечто не менее ценное. Подарочная амплитуда год от года расширяется.

В Японии 45 миллионов семей. И каждая из них рассылает в

среднем по 20 праздничных подарков и по 50 новогодних открыток. Нетрудно подсчитать астрономическую нагрузку для почты: более двух миллиардов открыток. Так что почтальоны заняты даже больше продавцов. С 10 до 25 декабря можно послать открытки по льготному тарифу, а в последнюю неделю года — уже втридорога.

Предновогодние недели — сезон банкротств и массовых увольнений, следовательно, сезон самоубийств. Возле кратеров вулканов перед праздниками выставляют полицейские патрули. В Стране восходящего солнца ежегодно кончают с собой более 36 тысяч человек. Десятилетие назад самоубийц было в полтора раза меньше. Причина увеличения их количества — потеря уверенности в завтрашнем дне, которая некогда была стержнем японского образа жизни.

Японскую экономику не случайно называют «велосипедной». Она сохраняет устойчивость только при высоких темпах роста. А на 90-е годы пришелся самый затяжной после войны застой. Под угрозой главное слабое японского экономического чуда — система пожизненного найма. Вот уже несколько лет подряд она подвергается эрозии. Ведущие фирмы стали переводить производственные мощности за рубеж, в страны с более дешевой рабочей силой. Это разорило отечественных субподрядчиков и мелких поставщиков.

Затем компании начали сокращать штаты японских сотрудников. Сперва досрочно избавились от 50-летних, потом взялись за 40-летних. Японцы, привыкшие наниматься на работу, как и жениться, один раз на всю жизнь, психологически гораздо меньше подготовлены к увольнению, нежели американцы или западноевропейцы. Поэтому оказаться за воротами для них поистине трагедия, нередко — повод свести счеты с жизнью.

Было бы, разумеется, натяжкой утверждать, будто все самоубийства в Японии совершаются именно под Новый год. Но на две последние недели декабря, как правило, приходится два среднемесячных показателя. Выходит, интенсивность суицида возрастает по крайней мере вчетверо. Такова, стало быть, диалектика японского Нового года — для большинства людей самой радостной, а для кого-то самой трагичной поры.

Глобализация на уровне туалетов

В Китае, где началась подготовка к Олимпиаде 2008 года, вызвала большой интерес прошедшая в Сингапуре всемирная конференция «Культура общественных туалетов — вызов

времени». Более двухсот делегатов со всех континентов обсудили на ней вопрос о создании международной организации, предназначенной специально заниматься данной проблемой.

Пекинским полицейским предписали изучать иностранные языки (всем без исключения — английский плюс по выбору или японский, или русский, или арабский). Приедет много иностранцев, надо быть готовым и к неординарным ситуациям.

Все это напомнило мне начало моей жизни в Японии, куда я приехал незадолго до токийской Олимпиады 1964 года — первой на азиатской земле. Тогда японские полицейские были так же напуганы предстоящим наплывом иностранцев. А проблема общественных туалетов тоже оказалась в центре внимания.

Когда сталкиваются разные стереотипы поведения, разные представления о приличном и неприличном, подобающем и неподобающем, или, как я это называю, разные грамматики жизни, часто возникают недоразумения. Начать с того, что до недавних пор китайским или японским мужчинам общественный туалет был не очень-то и нужен. Справлять малую нужду (и не только на селе, но и в городе) можно было у любой стены, не привлекая внимания прохожих. До сих пор в центре Токио, в районе Акасака, где сосредоточены самые престижные рестораны, можно увидеть на железобетонной эстакаде надпись: «Убедительная просьба мочиться не на стену, а в мусорную урну».

Представление, что все естественное не может быть неприличным, привело к курьезу: общественные туалеты в Японии не делились на женские и мужские. Кое-где в традиционных гостиницах и закусочных так обстоит дело и теперь. Есть общие помещения с отдельными кабинками для женщин.

Накануне токийской Олимпиады муниципалитет предписал разделить общественные туалеты с четким указанием, для кого они предназначены. Но тут возникла проблема: что писать на дверях? Иероглифы будут непонятны для иностранцев, а буквы — для японцев. Устроили конкурс символов: к примеру, женская туфелька и мужская шляпа. Одна газета поместила снимок известной московской скульптуры «Рабочий и колхозница» и предложила рисовать на двери «Ж» — серп, а на двери «М» — молот.

Но все эти новшества не привились. Мужчин в Японии по-прежнему не удивит, если, входя в общественный туалет, они увидят за дверью весело щебечущих женщин, которые прихорашиваются перед зеркалом. Вашингтонская журналистка с дрожью в голосе рассказывала мне о кошмарных приключениях в дорогом ресторане на Гиндзе.

В конце ужина она «отправилась попудриться». Сначала зашла в кабинку, а когда стала выходить, с ужасом увидела спины трех мужчин, стоявших перед писсуарами у противоположной стены. Подумала, что ошиблась дверью, и решила переждать. Но через десять минут там делали свое дело уже пятеро мужчин. Американка спряталась вновь, потом еще и еще раз, пока ее спутники не догадались прийти на помощь.

Практически каждый наш соотечественник, приезжавший в 60-х годах в командировку, просил познакомить его с ночной жизнью Токио, «сходить к гейшам». Приходилось всякий раз объяснять: это развлечение для престарелых президентов фирм, интереснее, и притом дешевле, сходить в кабаре.

Однажды я привел в такое заведение известного телевизионного обозревателя из Москвы. К нам за столик посадили двух очаровательных партнерш. Они танцевали с нами, подливали пиво в наши бокалы, восхищались нашим остроумием. После холодного пива и зажигательных танцев москвич шепотом осведомился, как пройти в туалет.

Я ответил, что делать из этого секрет в Японии незачем и что партнерша его проводит. Вернулся гость в большом смятении.

— Девушка все время стояла рядом, держа в руках махровую салфетку.

— Так что же тебя смутило?

— Не мог решить, что положено ею вытирать...

— Разумеется, руки! — рассмеялся я.

Не завидую китайским полицейским, которым предписано на четырех языках избавлять от недоразумений непонятливых иностранцев. Что же касается общественных туалетов, то в этой области Пекину предстоит действительно совершить «даяоцзинь», что по-китайски значит «большой скачок».

Околоточный ближе, чем родственник

Япония первой доказала, что модернизация отнюдь не обязательно должна сопровождаться «вестернизацией», то есть огульным отказом от национальной самобытности и подгонкой своего образа жизни под западные стандарты.

В Северной Америке и Западной Европе Страну восходящего солнца часто упрекают в неспособности избавиться от таких «феодалных пережитков», как патриархальность деловых связей и трудовых отношений, групповое мышление, склонность ставить общие интересы выше личной выгоды, что, мол, несовместимо с доминирующим на Западе культом индивидуализма.

Однако есть область, где именно патриархальность и общинный дух позволяют Японии быть недостижимым лидером среди других развитых держав. Это, во-первых, гораздо более низкий уровень преступности, а во-вторых, несравненно более высокая раскрываемость преступлений благодаря сотрудничеству правоохранительных органов с населением.

Японцы сетуют: по сравнению с периодом послевоенного «экономического чуда» (50-80-е годы) количество преступлений и правонарушений в стране более чем удвоилось. В прошлом году их было зарегистрировано 3,2 миллиона, против 1,5 миллиона тридцать лет назад, когда я писал свою «Ветку сакуры».

Но все относительно. Ведь население Японии (127 миллионов человек) лишь на 20 процентов меньше, чем в России. А большинство из 3,2 миллиона зарегистрированных там преступлений и правонарушений составляют мелкие кражи и дорожно-транспортные происшествия. Тяжких преступлений было совершено менее 10 тысяч, в том числе убийств всего 1265. (В США убийств было больше в шесть раз, грабежей — в восемьдесят раз.)

Еще больше впечатляет высокая раскрываемость преступлений. Этому благоприятствуют две местные особенности. Во-первых, общинный дух, который сохранился у японцев, несмотря на то, что большинство населения составляют уже не сельские жители, знающие друг друга из поколения в поколение, а «горожане из пригородов», то есть рабочие и служащие, которые ежедневно ездят на работу в электричке из разросшихся предместий. Во-вторых, негласно существующая между соседями круговая порука и обычай откровенно делиться информацией с представителями власти. Эта традиция, сложившаяся еще при феодализме и закреплённая милитаристами в 30-40-х годах, в послевоенные годы не исчезла бесследно. Между населением и правоохранительными органами сохранилось взаимное доверие.

«Околоточный ближе, чем родственник», — гласит японская поговорка. Действительно, омавари-сан, то есть околоточный, или участковый, в Стране восходящего солнца фигура столь же важная и чтимая, как ксендз у католиков. Тут сказываются особенности японской этики. Когда между двумя японцами возникает спор, чреватый конфликтом, они инстинктивно расходятся в разные стороны и ищут посредника. А на бытовом уровне для этой роли лучше всего подходит именно омавари-сан.

За семь лет, прожитых в токийском переулке, я видел своего околоточного практически ежемесячно. При первой же встрече он попросил меня не оставлять машину у дверей, а всякий раз заводить ее в гараж, дабы не загромождать проезд для фургонов

зеленщика и молочника. Потом последовали деликатные советы насчет сортировки мусора, времени и места его выноса.

Однажды участковый принес подарочный набор туалетного мыла от строительной фирмы в знак извинения за шум отбойных молотков при замене канализационных труб. В другой раз попросил подписаться под коллективным поздравлением местных жителей некоей паре, отмечавшей золотую свадьбу. Увидев, что я выбрасываю пачки старых газет и журналов, омавари-сан пригласил фирму, которая за хорошие деньги стала их у меня покупать. Стоило подарить околоточному к Новому году бутылку московской водки, как он тут же принес в ответ домашнее сливовое вино. И все настойчивее допытывался: нет ли у меня каких-либо претензий к соседям? После некоторых колебаний я признался, что живущий рядом зубной врач ежедневно в 6 утра с шумом раздвигает ставни и раньше времени будит мою дочь. «Что же вы до сих пор молчали? — удивился околоточный. — Урегулировать подобный вопрос — моя прямая обязанность!» И действительно сделал это.

В нашей стране становятся традицией «Дни Японии в России». Хотелось бы в рамках этой программы предусмотреть обмен опытом в такой области, как сотрудничество правоохранительных органов с населением. Убежден, при всех различиях национального менталитета, нравов, обычаев и традиций в опыте наших дальневосточных соседей найдется немало поучительного.

Место определяет человека

Вот уже четыре десятилетия журналистский долг предписывает мне рассказывать соотечественникам о Японии и японцах. Горжусь тем, что удалось сломать некоторые предвзятые стереотипы, пробудить интерес и уважение к народу, который доказал: даже в условиях модернизации и глобализации можно жить в гармонии с природой, сохранять национальную самобытность.

Перемены в нашей действительности изменили и направленность интереса россиян к Стране восходящего солнца. Он стал более прагматичным, чаще связанным с вопросами экономического контакта. Японцы любят доказывать, будто их деловая жизнь ничем особенным не отличается. Полагаю, все обстоит иначе. В замкнутом островном государстве сложились собственная философия, этика и практика бизнеса. Случайно ли, что, наводнив мир автомашинами и телевизорами, строя повсюду

заводы и скупая небоскребы, Япония отнюдь не распахивает свои двери для иностранных рабочих, не влечет к себе зарубежных предпринимателей.

Главный камень преткновения — как бы семейный характер деловой жизни. Японец руководствуется в делах не только объективными фактами, но и личными отношениями, обязательствами перед партнером, перед страной, перед своим персоналом. Не будучи японцем, трудно вписаться в плотную сеть человеческих связей, которая служит основой японской деловой этики.

Ее суть воплощают иерархия и гармония, умение знать свое место. Когда несколько японцев собираются у стола, каждый из них четко знает, где он должен сесть. Любая попытка иностранца продемонстрировать при рассадке демократизм вызывает всеобщее смтение. Японец представляет себе равенство как возможность быть с кем-то на одной ступени иерархической лестницы. Два человека, на его взгляд, могут быть равными лишь в том смысле, в каком равны соответственно два генерала и два сержанта.

Любой японец ощущает себя частью какой-то группы — или семьи, или фирмы, или профессии. Он приучен мыслить и действовать сообща, подчиняться воле группы и вести себя сообразно положению в ней. Больше, чем самостоятельность, его радует чувство причастности.

Иностранцы часто сетуют, что японцев больше интересует не сам человек, а место, которое он занимает. При первом контакте японский бизнесмен прежде всего выясняет статус собеседника, его должность и стаж, степень известности. От ответов на вопросы зависит, положит ли встреча начало знакомству.

Прямой контакт обладает ключевым значением. Попытки завязать деловые отношения по факсу или даже по телефону имеют в Японии куца меньше шансов на успех, чем в Западной Европе или Северной Америке. Нужны встречи лицом к лицу, обмен визитными карточками, а главное — рекомендация, которая служит привязкой к системе личных отношений, составляющих незримую, но вездесущую основу японского бизнеса. Рекомендующий словно берет на себя ответственность за обе стороны, вступающие в сделку.

Человек, с которым вы познакомились, как бы становится вашим опекуном. У японцев есть традиция, подчас огорчающая иностранных партнеров. Для ведения дел с определенной фирмой назначают сотрудника, впервые вступившего с ней в контакт. Если его нет на месте, ничего нельзя сделать, пока он не появится. Еще хуже, что такие исчезновения могут быть

преднамеренными. Именно когда куратор особенно нужен, его невозможно найти.

Как поделить пирог

Когда меня спрашивают об особенностях деловой этики в Японии, я даю хоть и утрированный, но простой ответ. Конкуренция на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке спорят о другом: как его поделить?

Японская мораль предписывает избегать прямой конфронтации. Нельзя доводить дело до того, чтобы одна из сторон явно одержала верх над другой, а побежденный «потерял лицо», предстал униженным и оскорбленным. В прежние времена японские рикши строго блюли неписаный закон: молодой возчик мог обогнать старого, лишь изменив маршрут, не показывая превосходство в силе. Стремление свести до минимума прямое соперничество пронизывает японскую деловую жизнь. Если в Англии или США основным законом конкуренции считается «честная игра», то в Японии ей соответствует понятие «подобающей доли».

Для западного предпринимателя главное, чтобы соперники подчинялись одним правилам. Тогда он с легким сердцем поздравляет победителя, который получает все, а сам он остается ни с чем. Однако в Стране восходящего солнца это касается только спортсменов. Бизнесменам же свойственно думать не о том, кому достанется пирог, а как удачнее его поделить.

В каждой отрасли японского бизнеса есть или «большая тройка», или «большая четверка», или «большая пятерка». Они распределяют между собой львиную долю рынка. К примеру: 28 процентов для «тойоты», 22 процента для «ниссаны», 17 процентов для «хонды», 14 процентов для «мицубиси», а что осталось — на всех прочих (те сами делят квоту между собой).

Для японских деловых отношений характерно: сторона, пошедшая при торге на наибольшие уступки, получает преимущество при решении другого вопроса, подчас совершенно не связанного с первым. Готовность к компромиссу — добродетель, и она должна быть вознаграждена.

Важно, однако, иметь в виду, что компромисс в глазах японцев — это зеркало момента. Подобно тому, как их мораль разделяет поступки не на хорошие и дурные, а на подходящие и неподобающие, японцы считают: соглашение сохраняет силу лишь в условиях, при которых оно было достигнуто. Западный предприниматель скажет: коли возник спор, посмотрим, что на

сей счет записано в контракте. Японец убежден: раз обстановка изменилась, требуется пересмотреть и прежнюю договоренность.

При наличии группового сознания в японском обществе есть соблазн представить его в виде множества групп, послушно следующих за своим вожаком. Руководитель в Японии действительно похож на человека с флажком перед группой туристов. Однако права и обязанности такого проводника касаются определенного маршрута, выработанного вместе с участниками экскурсии. Узы взаимной зависимости — как бы поводки о двух концах. С одной стороны, они тянут ведомых за ведущим. Но с другой — вынуждают вожака оглядываться на группу, не диктовать ей свою волю, а полагаться на общее мнение.

Постоянный поиск иерархической гармонии мешает японцам принимать самостоятельные решения, они предпочитают анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров ведут за собой коллектив. У японцев же действует принцип «снизу вверх». Все ключевые действия выражают не чью-то личную волю, а общий знаменатель, найденный на основе взаимных уступок всех заинтересованных лиц. Японец любого ранга остерегается противопоставлять себя коллективу, доводить дело до открытого столкновения взглядов. Поэтому любое обсуждение тянется долго, пока каждый шаг за шагом изложит свою позицию, по ходу корректируя ее с учетом высказываний других. Цель дискуссии в том и состоит, чтобы выявить различия во мнениях и постепенно прийти к общему согласию. Когда проект решения доходит до президента фирмы, ему остается роль арбитра, который из нескольких вариантов выбирает один, а отнюдь не инициирует сам какие-то новшества.

Многие иностранцы терпят в Японии неудачу потому, что ждут от переговоров немедленного результата, а от партнеров — немедленного действия. Японцы так не поступают. Можно сказать, излюбленное американцами, да и россиянами, правило сразу выложить карты на стол и играть в открытую не находит отклика у японцев. Прежде всего этому препятствует своеобразный механизм принятия решений, о котором шла речь выше. К тому же японцы не склонны сводить суть деловых вопросов к цифрам. Очень часто личные отношения, личные обязательства и другие вроде бы косвенные факторы имеют для них не менее важное значение, чем низкая цена и высокое качество.

Если для американского предпринимателя ключевую роль играет прибыль, то японец думает и о долге перед страной, и об

ответственности перед своим персоналом, и, наконец, о прибыли, чтобы выполнить первые два обязательства. Американец добивается немедленного эффекта, японец — неуклонного роста своей доли на рынке. А это не одно и то же.

В отличие от Запада с его культом индивидуализма и свободы личности японский образ жизни ставит общее благо выше личных интересов. Японское общество основано на идее групповой преданности, на принципе Оя — Ко, то есть отец — сын, в более же широком смысле: учитель — ученик, покровитель — подопечный. Всегда и при всех обстоятельствах японец привержен идеалу верности семье, фирме, родине. Именно поэтому японцы называют свою страну «кадзоку-кокка» — государство-семья, а американцы уподобляют ее гигантскому концерну «Япония инкорпорейтед».

Век Интернета поставил под удар групповую мораль японцев, присущую им клановую верность как основу моральных ценностей. Система пожизненного найма, ставка на неизменных поставщиков потеряли смысл в эпоху информатики. Социальный консерватизм японцев утверждал дисциплину и гармонию, поощрял усердие и обеспечивал стабильность, но блокировал личную инициативу. За успех японской модели пришлось заплатить дорогой ценой.

Самурай с белым воротничком

Свой путеводитель по японской душе я не случайно назвал «Ветка сакуры». Национальный цветок Японии воплощает собой презрение к смерти как высшее проявление торжества жизни. Цветение сакуры столь же неистово, сколь и кратковременно. Ее цветы предпочитают опадать, а не вянуть, расставаясь со своей красотой.

Этот эстетический образ служит как бы лейтмотивом самурайского кодекса «бусидо». Лепестки сакуры, падающие на доспехи средневекового воина или на комбинезон летчика-камикадзе, означают: самурай уходит из жизни, не поступаясь своей честью, как сакура — своей свежестью.

После Второй мировой войны «бусидо» (буквально «путь воина») трансформировался в «сиониндо» («путь предпринимателя»). Стержень же кодекса чести остался прежним — незыблемая, даже слепая верность покровителю. Ее конкретным воплощением стала уникальная для развитых капиталистических стран система пожизненного найма, позволяющая увольнять штатного сотрудника лишь в случае

ликвидации фирмы.

Именно пожизненная верность тружеников своему нанимателю, а поставщиков — своему заказчику стала ключевым слагаемым успеха японского экономического чуда 60-80-х годов, позволила Стране восходящего солнца стать второй экономической сверхдержавой.

Однако 90-е годы показали, что на рубеже веков коллективизм японской модели превратился из источника силы в фактор слабости, что в условиях глобализации экономической жизни Страна восходящего солнца должна из «царства групп» превратиться в «царство личностей».

Болезненным проявлением этого процесса стала эрозия системы пожизненного найма. Японцы впервые сталкиваются с такими новыми, неприятными для них явлениями, как сокращение штатов или досрочное увольнение пожилых сотрудников. Или с тем, что зарплата и продвижение по службе зависят не только от выслуги лет, но и от эффективности работы. Ведущие фирмы переводят производственные мощности в соседние азиатские страны — разоряются их традиционные поставщики. Все это ломает людские судьбы, служит причиной множества трагедий.

Древний кодекс «бусидо» наложил свою печать на грамматику жизни японцев. Заповедь «лучше смерть, чем позор» глубоко укоренилась в их душе. Готовность уйти из жизни считается проявлением силы, а не слабости. Каждый школьник с детства знает притчу о 47 самураях, которые коллективно сделали себе харакири, после того как их повелитель был казнен (причем вроде бы за дело).

Самоубийства были в чести у японцев и во времена экономического чуда. В 60-х годах, в период моей работы в Японии, совершил харакири начальник пожарной охраны порта Иокогама. Этим актом он взял на себя ответственность за гибель двух подчиненных при взрыве одного из горевших пакгаузов. Когда на правительственном приеме левый экстремист ударил ножом американского посла, начальник столичной полиции покончил самоубийством, выразив этим признание своей вины.

Однако нынче из жизни добровольно уходят не только руководители, облеченные властью и ответственностью. Чаще это просто «самурай с белым воротничком», лишившийся работы, а значит, возможности содержать семью. По статистике, японская нация отличается завидным здоровьем: средняя продолжительность жизни у мужчин 77 лет, у женщин 84 года. В 60-х годах в Японии было 153 человека старше 100 лет, сейчас таковых ровно в сто раз больше. Но если говорить не о

физическом, а о психическом здоровье, то картина иная. Стрессы из-за потери работы привели к тому, что первые годы нового века побили все рекорды по числу самоубийств. В Японии ежегодно кончают с собой тридцать шесть с половиной тысяч человек — по сотне в день. Стало быть, человеческие жертвы, которые несет Страна восходящего солнца, — это каждый день «Курск» или «Норд-Ост», каждый месяц — американская трагедия 11 сентября, каждый год — два наших Афгана или четыре Чечни.

Ни японская, ни мировая общественность будто не замечает истинного масштаба этих пятизначных цифр на родине харакири.

Гейша с кувалдой?

В зарубежных странах, где мне доводилось жить и работать, популярен каламбур о наилучшем выборе в жизни: «иметь американскую зарплату, английский дом, китайского повара и японскую жену».

Экзотический образ «Чио-Чио-сан, или мадам Баттерфляй», созданный французским писателем Лоти и итальянским композитором Пуччини, надолго утвердил стереотип представлений о японках, как о существах удивительно женственных, безраздельно преданных и неизменно покорных.

Мнение о современных «Чио-Чио-сан» всегда было идеализированным — даже у иностранцев, годами живущих в Японии, не говоря уже о мимолетных туристах. Насмотревшись, как жена хозяина соседнего дома по утрам с поклоном провожает мужа до порога, какие знаки почтения оказывает главе семьи за домашним столом, можно подумать, что японские женщины — само воплощение покорности мужчине.

В действительности это не совсем так. С феодальных времен отношения в семье строятся по такому же принципу, что и в государстве. За императоров веками фактически управляли их военачальники — сёгуны. Реальной властью в доме, семейным кошельком неизменно обладает женщина. Хотя все положенные почести воздаются при этом номинальному главе семьи — мужчине.

Как шутят современные японцы, муж думает о важных вопросах: кто выиграет чемпионат мира по футболу, кого выберут президентом США. А на долю жены остаются мелкие, второстепенные дела: какой купить холодильник, куда поехать отдыхать, в какой институт лучше готовить к экзаменам старшего сына.

Японский муж не без основания называет жену «министром

финансов». Он полностью отдает ей зарплату и получает мелочь на карманные расходы. Правда, делать «зачачку» ему нет необходимости: попойки с сослуживцами или деловыми партнерами оплачиваются за счет фирмы.

«Самурайский капитализм», когда мужчина целиком посвящает нанимателю не только рабочее время, но также вечера и праздники, а жена полностью берет на себя домашние заботы, до недавних пор служил основой трудовой и семейной этики. Однако в последнее время социальные приоритеты стали противоречить экономическим нуждам.

Традиционный образ жизни оказался не в состоянии примирить работу и семью. С 90-х годов все отчетливее сказываются последствия снижения рождаемости при росте продолжительности жизни. Растущий спрос на рабочую силу перечеркнул традицию, когда женщин было принято нанимать лишь до замужества. Он побуждает домохозяйек идти работать, а нанимателей — улучшать условия оплаты труда женщин.

В 60-80-х годах Средняя зарплата японок составляла 40 процентов мужской. Подобную дискриминацию объясняли разрывом в уровне образования. Но он все заметнее сокращается. Если прежде в вузы шла лишь восьмая часть школьников, то теперь уже четверть. Нехватка людей вынуждает нанимателей отказаться от деления рабочих мест на мужские и женские.

Однако сочетать служебную карьеру с домашними делами в Японии как нигде трудно: по местным традициям, с работы принято разъезжаться по домам «с последней электричкой». А детских учреждений, где малыша можно оставлять после шести вечера, практически нет.

В результате доля женщин на управленческих постах в бизнесе составляет в Японии всего 8 процентов против 33 в Англии и 44 в США. Еще хуже положение в мире политическом. По числу женщин в парламенте, местных органах власти и на руководящих постах в госаппарате Япония занимает 38-е место среди членов ООН.

За тридцать лет после выхода «Ветки сакуры» выросло совершенно новое поколение японок. Они образованы не меньше, чем мужчины, хорошо зарабатывают, так что экономически независимы и от родителей, и от мужа. И когда приходится делать выбор между детьми и карьерой, они стали чаще жертвовать первым ради второго.

Тридцать лет назад большинство браков в Японии совершалось по сватовству, ибо выбор спутника жизни считался делом не столько личным, сколько родовым, семейным. Как жених, так и невеста были вправе отвергнуть кандидатуру,

предложенную родителями, но обычно прислушивались к их советам. Теперь же брак по сватовству скорее исключение, чем правило.

Япония еще не перестала быть «царством групп», где семья остается главной ячейкой общества. Однако состав ее существенно изменился. Молодожены все чаще предпочитают жить отдельно от родителей, вопреки конфуцианскому идеалу «три поколения под одной крышей». В стране нынче сорок пять миллионов семей. Из них одиннадцать миллионов — это одиночки и пары, в двадцати пяти миллионах по 3–4 человека и только в девяти миллионах семей по 5 и более человек. Словом, типичная японская семья: муж и жена, оба ходят на работу и растят одного ребенка.

Лишь недавно в Стране восходящего солнца заговорили о таком понятии, как неоплачиваемый домашний труд. Оказалось, на долю японской жены его приходится в семь раз больше, чем на долю мужа (три с половиной часа против тридцати минут). В других развитых странах женщины тратят на домашние дела вдвое больше времени, чем мужчины.

Итак, Чио-Чио-сан XXI века существенно продвинулась по пути к равноправию. Но это не означает, что она превратилась в «гейшу с кувалдой», то есть в грубую рабочую силу. Японка не разучилась быть церемонно женственной в кимоно. Зато умеет не хуже мужчины управляться с таким капризным существом, как компьютер.

Унаследует ли женщина Хризантемовый трон?

В отличие от англичан японцы в повседневной жизни редко вспоминают о монархии. Императорская семья существует как бы в параллельном мире. О ней, в противоположность обитателям Букингемского дворца, даже не сплетничают. Но однажды я стал свидетелем огромного интереса к династии.

В истории случаются эпизоды, когда государственная политика обретает человеческое измерение. В подобные моменты по-новому раскрывается национальный характер, проще говоря — душа народа. Возбужденные толпы возле императорского дворца в Токио, сотни людей перед уличными телеэкранами во всех уголках страны. Так реагировали японцы на долгожданное прибавление семейства у наследника престола.

Сын нынешнего императора — принц Нарухито женился довольно поздно. В 1993 году ему было 33, а его невесте Масако — 29 лет. Целых восемь лет у них не было детей. Первая

беременность принцессы закончилась выкидышем. Поэтому люди волновались: как пройдут роды на сей раз?

Впервые стать матерью в 37 лет не самый подходящий возраст. И весть о том, что Масако благополучно родила здоровую девочку, вызвала поистине всенародное ликование. Однако общая радость была омрачена сомнением: сможет ли дочь наследного принца взойти на Хризантемовый трон, продлить старейшую в мире наследственную династию?

Принятый после войны закон об императорском дворе предусматривает престолонаследие только по мужской линии и не допускает усыновления. У младшего сына нынешнего монарха — принца Акисино есть только две девочки, а мальчики не рождались в императорской семье уже больше тридцати лет.

Между тем послевоенная японская конституция провозглашает равенство мужчин и женщин, так что существующий принцип престолонаследия, строго говоря, ей противоречит. К тому же основательницей императорской династии считается богиня солнца Аматерасу — мифическое существо женского пола. Как свидетельствуют летописи, 8 из 125 монархов Страны восходящего солнца были женщинами. Причем весьма достойными историческими персонажами.

Обновление древнейшей монархии уже давно стало в Японии насущной проблемой. В том числе и в прямом, физиологическом смысле. Для царской России, к примеру, приток свежей «голубой крови» обеспечивали европейские соседи, прежде всего бесчисленные германские княжества. В такой островной, этнически замкнутой стране, как Япония, число аристократических родов ограничено, что ведет к нежелательным генетическим последствиям.

Когда я приехал работать в Токио в 60-х годах, страна жила под впечатлением «революционного брака» тогдашнего наследного принца, а ныне императора Акихито. Впервые за многие века он женился по любви, ввел в семью простолюдинку — дочь предпринимателя, с которой познакомился на теннисной площадке горного курорта Каруйдзава. Помнится, в год токийской Олимпиады я подарил своей дочери модную тогда у японцев куклу, изображавшую четырехлетнего мальчика. Ее прототипом был принц Нарухито.

Встреча с пионерами в Артеке, 1986 г. Блестящий рассказчик В. Овчинников всегда находит общий язык с молодежью.

Отец — Владимир Федорович Овчинников.
Архитектор по профессии и поэт по призванию.
В 20-х годах выпустил в Петрограде сборник стихов.

Елена Александровна Овчинникова с годовалым

сыном Всеволодом. Павловск, 1927 г.

Всеволод с младшим братом Кириллом, впоследствии преподавателем химии в Ленинградском университете. 1937 г.

Дом раскулаченных сибиряков, который предоставили Овчинниковым после эвакуации из

блокадного Ленинграда. 1942 г.

Гардемарин в мичманке — курсант Высшего военно-морского училища в Ленинграде. 1946 г.

Слушатель Военного института иностранных языков
(с третьего курса мы были офицерами). 1951 г.

Чтобы зубрить иероглифы по шесть часов в день, не обойтись без спорта. Лыжный кросс в Сокольниках, 1950 г.

Однокурсники — будущий «правдист» Всеволод Овчинников и будущий «известинец» Вадим Кассис пишут свою первую опубликованную статью «Горький в Китае». 1950 г.

Четверка ЦДКА — чемпионы Москвы по академической гребле 1950 года. Овчинников — самый легковесный из четырех китаистов (третий слева).

Знакомство с будущей женой Музой. Турбаза Аше,
1950 г.

Всеволод и Муза Овчинниковы поженились 7 июня
1952 г.

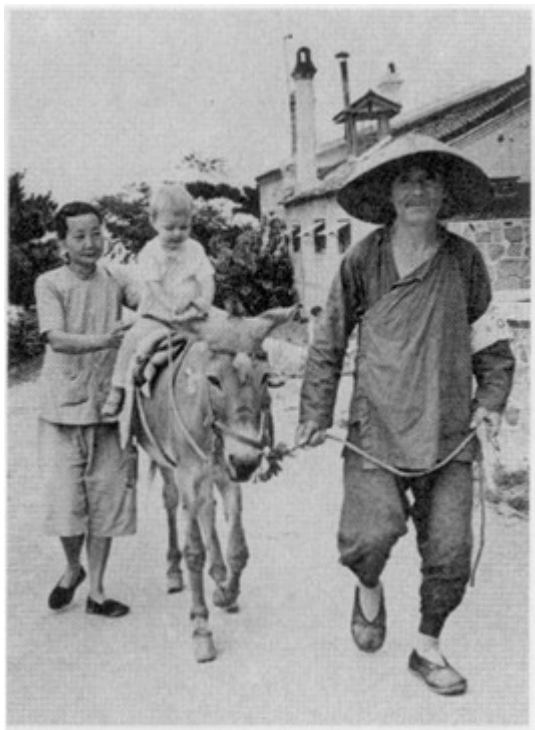
Приехав из Лондона на отдых в Пицунду, отметили «серебряную свадьбу». 1977 г.

Всеволод и Муза Овчинниковы празднуют вместе с дочерью Любовью «золотую свадьбу». 2002 г.

В семь месяцев Любу Овчинникову привезли в Пекин. 1956 г.

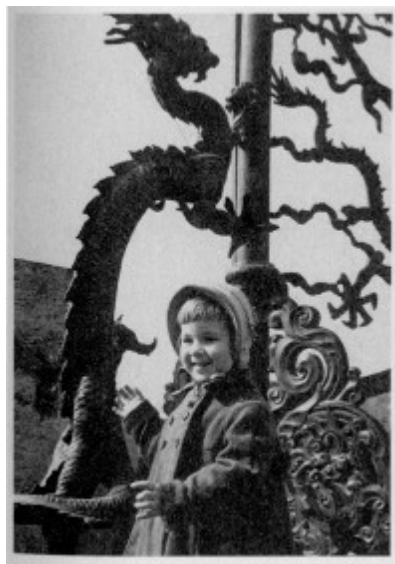
С китайской няней на Желтом море. 1957 г.

Летом в Китае хорошо сидеть на веранде. 1957 г.

Первые пять лет жизни Люба говорила по-китайски лучше, чем по-русски. 1957 г.

Дочь, выросшая под сенью Дракона. В Пекинской обсерватории. 1959 г.

Любовь Овчинникова стала профессиональной японисткой. 2000 г.

Автору довелось первым из советских журналистов побывать в Тибете, подняться в заоблачную Шамбалу по только что проложенной автомобильной дороге. Перед дворцом далай-ламы в Лхасе. 1955 г.

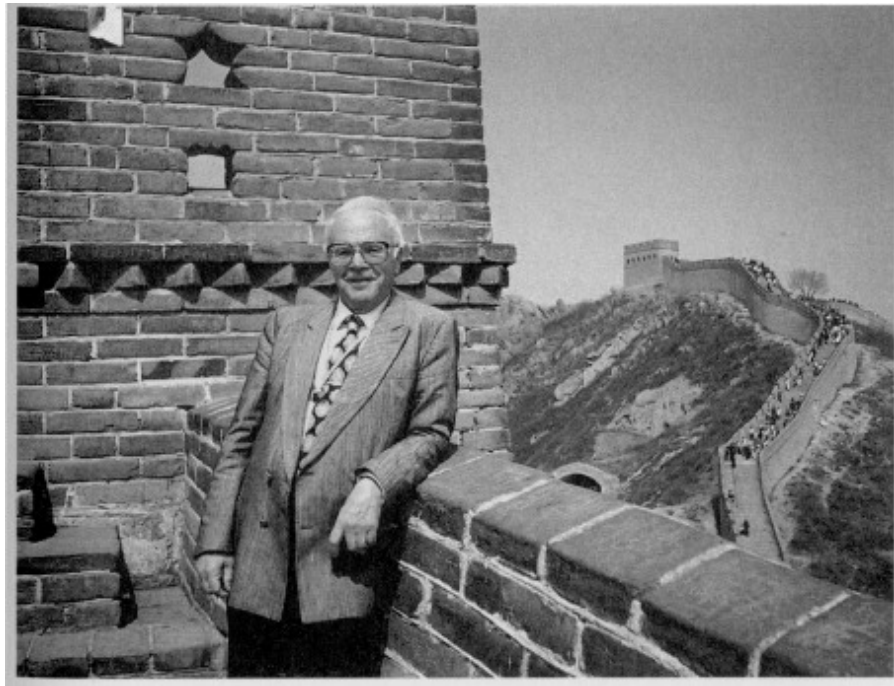
В селении племени Кава («охотников за человеческими головами»). 1958 г.

Профессиональную камеру («Роллейфлекс») приобрел в Тибете в 1955 году.

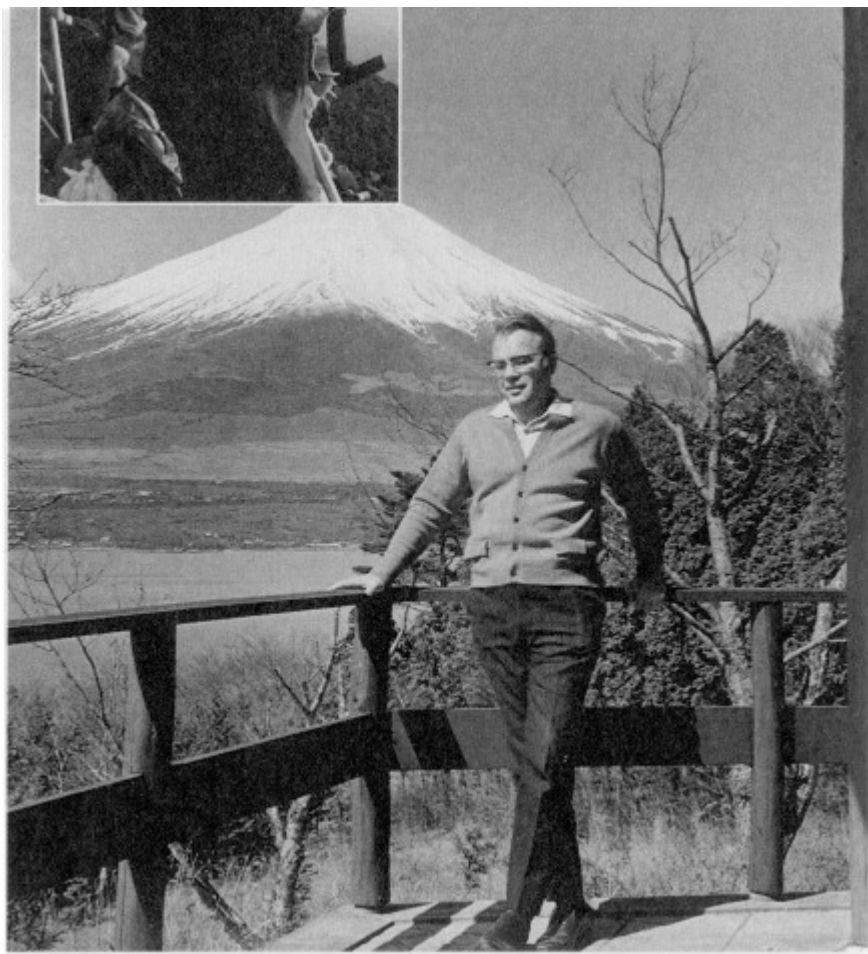
Брежнев, Лю Шаоци и Овчинников незадолго до размолвки между Москвой и Пекином (середина 60-х годов).

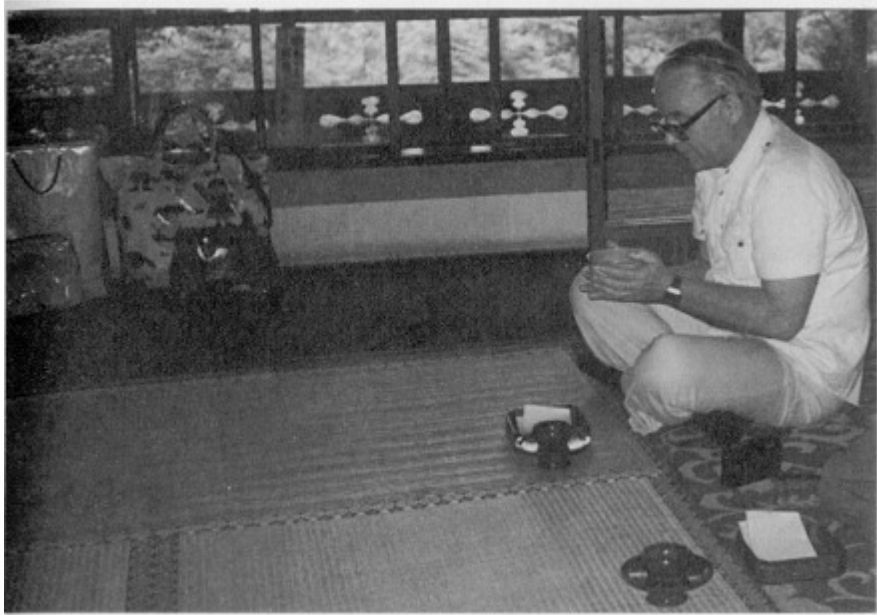
Снова в Китае. На Великой стене. 2002 г.

Встреча рассвета на высшей точке «Страны
восходящего солнца». 1966 г.

Вершину Фудзи (3776 м) Всеволод Овчинников
покорил в год своего сорокалетия. 1966 г.

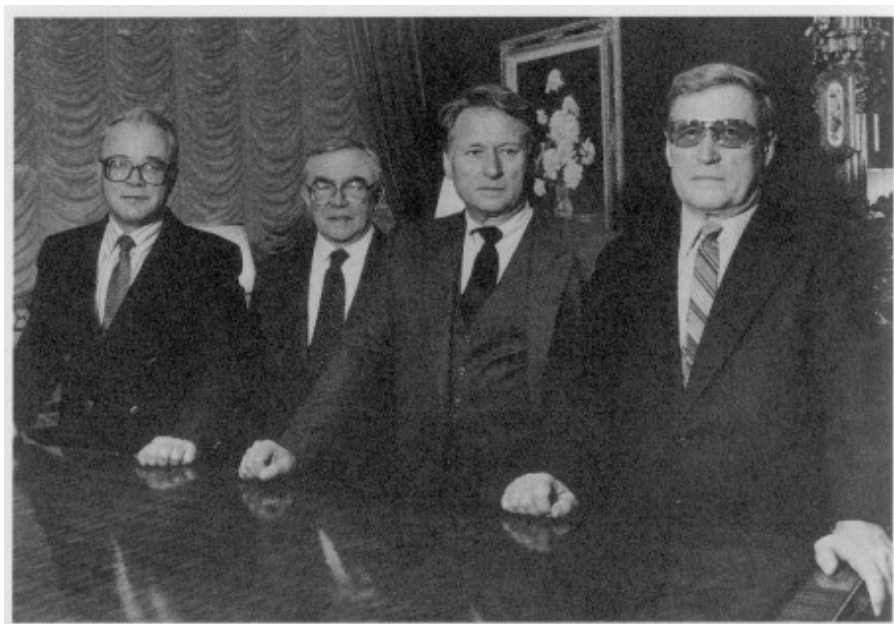

В Японии надо быть японцем: чайная церемония.

В 2000 году семья Овчинниковых воссоединилась в Японии, куда автор приехал, чтобы обновить «Ветку сакуры», впервые опубликованную в «Новом мире» в

1970 году.

Перед встречей с Рейганом в Овальном кабинете Белого Дома (В. Овчинников, С. Кондратов, Г. Боровик, Г. Шишкин). Вашингтон, 1985 г.

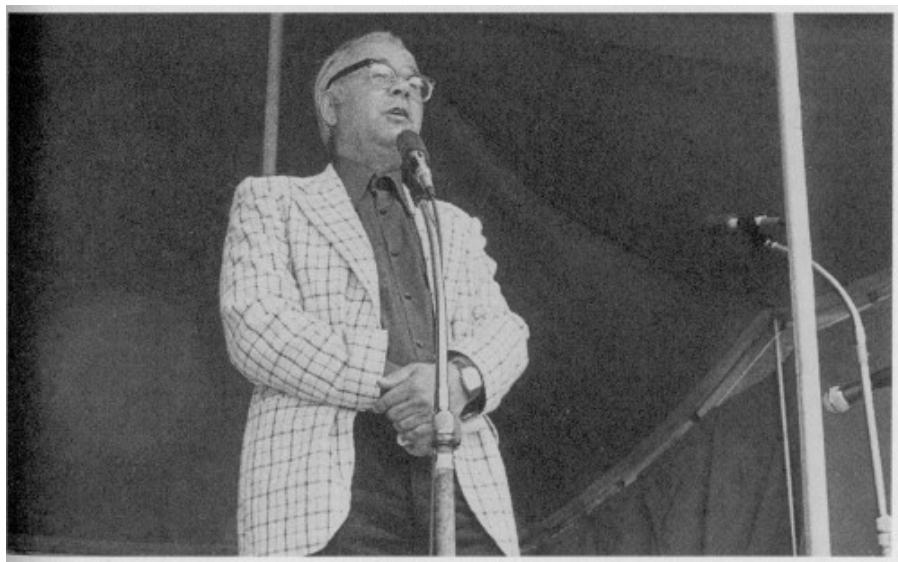
Свое пятидесятилетие Овчинников отметил в Англии. 1976 г.

На читательской конференции «Правды». 1988 г.

Поздравление от Президента России 17 ноября 2001 года.

На латиноамериканском митинге каждая фраза должна вызывать взрыв эмоций. Никарагуа, 1986 г.

Чтобы сохранить национальную самобытность в эпоху глобализации, нужно следовать принципу симфонизма. Пусть у каждого народа будет свой голос, подобно музыкальному инструменту в оркестре.

Нынешний наследник престола воспользовался прецедентом, который создал его отец. В 1986 году он познакомился с Масако, дочерью профессионального дипломата, представителя Японии в ООН Хисаси Овады. В детстве она жила с отцом в Москве, ходила в советский детский сад, бойко говорила по-русски. Потом переехала с родителями в США, окончила Гарвардский университет. Получив еще и диплом Токийского университета, Масако прошла конкурс в японский МИД, успешно сочетала дипломатическую карьеру с занятиями спортом.

Масако Овада олицетворяет собой образ современной японской женщины — образованной, самостоятельной, энергичной. Будущий наследник престола влюбился в нее при первой же встрече. Но ему пришлось целых семь лет настойчиво ухаживать за своей избранницей, прежде чем та согласилась выйти за него замуж.

История брака и отцовства наследного принца похожа на сюжет телесериала. Японцы, затаив дыхание, следят за развитием событий. Бурное кипение страстей в связи с прибавлением в императорском семействе имеет еще одну причину. Вспышка доброжелательных чувств по отношению к монархии воплощает общую мечту, можно сказать, национальную цель: преодолеть застой 90-х годов и вернуться во времена послевоенного экономического чуда.

Жители Страны восходящего солнца с горькой иронией сетуют нынче на то, что, утратив мировое первенство в массовом производстве автомашин и телевизоров, они к тому же разучились производить потомство.

Принцесса Масако Овада, пожертвовавшая успешной карьерой и в 37 лет впервые родившая ребенка, стала вдохновляющим примером для своих соотечественниц.

«Японки! Рожайте детей!»

С таким призывом обращается к женщинам от 20 до 35 лет опубликованная правительством «Белая книга о реформе образа жизни». Официальные круги Токио обеспокоены тем, что при самой высокой в мире средней продолжительности жизни Страна восходящего солнца имеет один из самых низких показателей рождаемости. На женщину детородного возраста в среднем приходится по 1,35 ребенка. Для нормального воспроизводства этот показатель не должен быть ниже 2,2. Стало быть, Японии грозит депопуляция. К 2100 году ее нынешнее население в 127 миллионов человек может сократиться до 67 миллионов, то есть

уменьшиться вдвое. Вот почему в документе правительства звучит призыв, словно позаимствованный из Ветхого завета: «Плодитесь и размножайтесь!»

Япония лидирует и по самому болезненному демографическому показателю: доля стариков превзошла долю детей. Лица старше 65 лет составляют 18 процентов жителей, а младше 15 лет — лишь 14 процентов. Растет социальное бремя трудоспособного населения. В 2050 году доля стариков может достичь 32 процентов. И тогда каждого пенсионера будут содержать уже не пятеро, а двое работающих японцев. Как говорится в «Белой книге», пришло время призвать японок раньше выходить замуж и больше рожать.

В 1950 году средний возраст невест составлял 22 года, женихов — 26 лет. Нынче же он повысился до 28 и 32 лет соответственно. Среди японок детородного возраста половина незамужних. В благополучной стране с наивысшей в мире номинальной зарплатой ежегодно появляется на свет один миллион младенцев — лишь половина прироста трудных послевоенных лет, когда численность населения была на треть меньше нынешней.

Обращенный к молодежи призыв рожать больше детей не случайно называется «Белая книга о реформе образа жизни». В 50-80-х годах одним из слагаемых экономического чуда было такое секретное оружие, как дешевые и ловкие девичьи руки.

Сотни тысяч сельских девушек шли к конвейеру, чтобы заработать себе на приданое. До замужества трудилось и большинство горожанок. А лет через десять после свадьбы, вырастив и отправив в среднюю школу детей, они могли вновь наниматься лишь на временную или почасовую работу, без перспектив служебного роста.

Уже говорилось, что в Японии женщинам, как нигде, трудно сочетать служебную карьеру с домашними делами, с воспитанием детей. На японских предприятиях и в учреждениях принято засиживаться допоздна. А детских учреждений, где малыша можно оставлять после 6 вечера, тем более на пятидневку, практически нет. К тому же экономическая независимость устраняет материальные стимулы для замужества. Весь свой заработок (до 3000 долларов в месяц) молодая женщина с высшим образованием обычно тратит на себя — на наряды и зарубежные поездки. Продолжая жить с родителями, она не платит ни за свою отдельную комнату, ни за завтраки и ужины, приготовленные материнскими руками. Да и молодые семьи, предпочитающие теперь жить отдельно, стараются как можно дольше не иметь детей, поскольку три четверти замужних

женщин нынче ходят на работу.

Поэтому «Белая книга» призывает реформировать образ жизни: не засиживаться по вечерам с сослуживцами, проводить больше времени в семье, кардинально улучшить систему детских учреждений — чтобы японки рожали больше детей и считали это своим патриотическим долгом. Ну а то, что стало в Японии национальной идеей, обычно претворяется в жизнь.

Поскольку демографические проблемы Японии во многом созвучны нашим российским, стоит внимательно присмотреться к тому, как берется за их решение наш дальневосточный сосед.

«Возьмемся за руки, друзья...»

Когда Японский фонд на три месяца пригласил меня в Токио, чтобы через тридцать лет после выхода «Ветки сакуры» дополнить книгу новыми главами, я с удивлением узнал, что вся Япония смотрит по вторникам документальный сериал «Проект Икс». Уже несколько лет эта передача на первом канале имеет феноменальный успех: в лучшие вечерние часы сохраняет рейтинг более 20 процентов и опережает по зрительской аудитории наиболее популярные развлекательные программы.

Японские служащие после работы обычно выпивают с деловыми партнерами или коллегами. Но теперь миллионы людей по вторникам спешат пораньше оказаться дома, дабы не пропустить очередной выпуск «Проекта Икс».

Более того. В адрес создателей беспрецедентного по популярности сериала поступают десятки тысяч откликов по Интернету. Раскуплено полмиллиона экземпляров библиотечки с текстами вышедших в эфир серий. Набор компакт-дисков с их видеозаписями успешно продается по цене 288 долларов.

В чем же секрет успеха «Проекта Икс»? Его стержневую мысль легче всего выразить строфой из песни Окуджавы:

Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть поодиночке...

Документальный сериал на телеканале «Эн-Эйч-Кей» воспеваает дух коллективизма и самоотверженности, который в 50-80-х годах сплотил народ во имя национальной идеи — опередить конкурентов на мировом рынке — и помог превратить разрушенную войной страну во вторую экономическую сверхдержаву.

— В трудные времена нам, японцам, всегда помогало чувство

коллективизма. В нем наша сила, наш путь к успеху, — говорит генеральный продюсер «Проекта Икс» Акира Имаи.

По мнению социолога Хикару Хаяси, жители Страны восходящего солнца устали от бесконечных потоков уныния и пессимизма, изо дня в день наводняющих средства массовой информации, от сообщений о банкротствах и увольнениях, от разговоров о «потерянном десятилетии», как называют 90-е годы, от сетований на неспособность Японии перестроить свою экономику и финансы по западным стандартам. Японцы не хотят отказаться от убеждения, что общие интересы важнее личной выгоды. Хотя это противоречит англо-саксонским либеральным ценностям, делающим упор на индивидуум, а не на коллектив. Каждый вторник документальные сюжеты «Проекта Икс» напоминают телезрителям: а ведь это благодаря нашим общим усилиям Страна восходящего солнца первой наводнила мир миниатюрными транзисторными приемниками, стала строить самые крупные танкеры, выпускать самые качественные телевизоры, опередила Соединенные Штаты по производству автомобилей...

Сплотившись в годы послевоенного экономического чуда, жители Страны восходящего солнца создали средний класс, к которому относили себя 90 процентов семей. Ныне же японцы утратили уверенность в завтрашнем дне. Разрушается система пожизненного найма, «эскалаторного» роста зарплаты и продвижения по службе; эта система прежде мешала вырваться вверх, зато страховала снизу.

«Проект Икс» ставит целью воодушевить нацию напоминанием о творцах послевоенного экономического чуда, о полководцах и рядовых битвы за мировое первенство, опять возвеличить ценности, которые средства массовой информации поторопились назвать «устаревшими» в эпоху застоя. Документальный сериал, неожиданно ставший властителем умов, воспекает коллективизм, целеустремленность и настойчивость. Он призывает японцев вновь взяться за руки и поверить в себя.

Поражаясь отклику, вызванному этим призывом, вижу поучительный пример для российских СМИ. Думаю, что коллеги поймут меня правильно. Я отнюдь не за возвращение к агитпропу северокорейского образца. Но не хватит ли гнать одну «чернуху»? Люди истосковались по тому, что способно воодушевлять, звать вперед, объединять ради общенациональной цели.

Кстати, чутко уловив настроение народа, создатели «Проекта Икс» не только творят добро для страны, но и делают при этом хорошие деньги.

Часть 4. Запад — дело тонкое

Третье погружение

После семи лет работы в Китае и семи — в Японии меня назначили членом редколлегии и поручили руководить отделом развивающихся стран. Это существенно расширило мой кругозор. Ведь, кроме Азии, в мои обязанности стало входить освещение Африки и Латинской Америки. Довелось поездить там, воочию увидеть жизнь далеких экзотических стран.

Но кратковременные командировки лишь разжигали желание вернуться к тому, что после «Ветки сакуры» стало моим журналистским кредо. Захотелось создать еще один психологический портрет зарубежного народа, чтобы показать отличительные черты уже не восточной, а западной цивилизации.

Сделать это было удобнее всего на примере американцев или англичан. Соединенные Штаты всегда считались самой важной страной. Освещать ее надлежало американисту-профессионалу. Мне удалось получить назначение в Англию. До приезда в Лондон я был убежден, что третье погружение в новую страну пойдет легче и быстрее, чем это было в Китае и Японии. Все-таки, думалось мне, Европа более близка и понятна русскому человеку, нежели Азия. Оказалось же, что к английской жизни подступиться даже труднее.

Хотя в моей третьей стране языковой барьер не служил столь серьезной помехой, там не был подспорьем и языковой мост. В Пекине или Токио порой было достаточно прочесть вслух иероглифическую надпись на картине, процитировать какого-нибудь древнего поэта или философа, чтобы разом расположить к себе собеседников, вызвать у них интерес к «необычному иностранцу», завести знакомства.

А разве может сулить подобные дивиденды английский язык, на котором, как полагают на Британских островах, говорят все образованные люди? Словом, у меня, востоковеда, оказавшегося в Лондоне, не выходил из головы перефразированный афоризм: «Запад — дело тонкое...»

Попадая в незнакомую страну, прежде всего стремишься слиться с уличной жизнью, завязать разговор с попутчиком в автобусе, с соседом на садовой скамейке. Но в Лондоне убеждаешься: английская улица не живет собственной жизнью. Она лишь русло, по которому должна беспрепятственно течь человеческая река. Поэтому диалог с незнакомым прохожим, на

взгляд британцев, столь же неуместен, как попытка флиртовать с водительницей соседней автомашины на перекрестке перед светофором.

Обзаведясь наконец первыми знакомствами, переступив заветный порог того, что местные жители называют «мой дом — моя крепость», убеждаешься: даже разговор за семейным столом дает для углубленного понимания страны гораздо меньше, чем ждешь. Часто остаешься в неведении, с кем ты оказался под одной крышей. Тут мало распространен обмен визитными карточками, непременный у японцев, стремящихся получить при встрече максимум сведений друг о друге.

Англичанин избегает говорить в гостях о главном деле своей жизни, особенно если он чего-то достиг в своей профессии. Он предпочитает искать общие интересы с собеседниками, ведя речь об увлечениях и забавах, о том, что на Британских островах именуют «хобби».

Автор нашумевшей пьесы будет рассказывать о новом методе подрезания роз. Директор банка в Сити предстанет страстным коллекционером старинных часов. Телевизионный комментатор по проблемам профсоюзного движения проявит любопытство к методам тренировки российских гимнастов.

Роковая для зарубежного журналиста местная особенность: даже при контакте после знакомства трудно рассчитывать на серьезную беседу о том, что тебя в данном человеке больше всего интересует. Англичанин придерживается правила «не быть личным», то есть не говорить за столом о своих делах и профессиональных проблемах.

Считается дурным тоном неумеренно проявлять собственную эрудицию. На гостя, который постоянно стремится завладеть общим вниманием, в лучшем случае посмотрят как на эксцентрика, в худшем — как на человека, плохо воспитанного. Так что расчеты блеснуть знаниями и юмором не сулят лавров.

Англичане не тянутся к чужеземцам, хотя и не чураются их. Однако при своей замкнутости обитатели Британских островов отнюдь не черствы, скорее отзывчивы. Особенно к незащитным существам вроде потерявшихся собак или заблудившихся иностранцев. Можно остановить на улице любого лондонца и быть уверенным: не считаясь с временем, он окажет посильную помощь.

Часто иностранных туристов вводит в заблуждение легкость, с которой им удастся заговорить с английской девушкой. Она отвечает на вопросы просто и дружелюбно, словно старому знакомому. Но не следует обольщаться. Она готова помочь иностранцу так же, как, скажем, перевести на другую сторону

улицы слепого старца. Охотно покажет приезжему дорогу, даже доведет до нужного театра или отеля. Но тщетно приглашать ее провести вечер вместе или договариваться о новой встрече.

Англичан нередко называют чопорными. Видимо, потому, что они не терпят вмешательства в их частную жизнь. Они и сами не суют нос в чужие дела. Ключевой чертой их характера я бы назвал не чопорность, а деликатность. Изучать их трудно: одно резкое движение — и англичанин, как черепаха, тут же прячет голову под панцирь.

Свобода как порядочность

За полвека работы в журналистике мне довелось прожить одиннадцать лет среди китайцев, семь лет среди японцев, пять лет среди англичан. Иногда меня спрашивают: повлияло ли столь долгое общение с ними на мой характер?

Я отвечаю на подобный вопрос утвердительно. Все три перечисленных народа наложили на меня свой отпечаток. Причем наибольшее воздействие оказала ключевая национальная черта каждого из них. У китайцев — это почтительность, у японцев — верность, у англичан — порядочность.

Для англичанина порядочность — это умение понимать свободу не как вседозволенность, а как сознательное самоограничение (лондонцы говорят: «Свобода чужого кулака должна кончаться там, где начинается свобода моего носа»). Мы ошибаемся, полагая, будто понятие «Свобода» выражается в английском языке словом «фридом» (что, скорее, означает вседозволенность). Свобода же, по-английски, — «либерти».

Что же касается порядочности или корректности, то именно эти качества англичане считают первоосновой гражданского общества. Проявлять их тем более необходимо, чем выше поднимается человек по общественной лестнице. Старый, преданный слуга или подчиненный может наедине с хозяином или начальником допустить некую фамильярность. Но обратного, не говоря уж о грубости, хамстве вышестоящего к нижестоящему, не бывает никогда.

В Англии абсолютно недопустимо бравировать своим высоким положением, считать его источником привилегий или поблажек. Помню, явившись в автоинспекцию лондонского округа Кенсингтон, чтобы оформить себе водительские права, я застал там разбор дела младшей сестры королевы — принцессы Маргарет. Накануне она была остановлена за превышение скорости на автостраде. Адвокат привез письменное извинение и

уплатил штраф. А я дивился британской порядочности.

Кстати, члены палаты лордов и палаты общин ездят в Вестминстер за рулем сами. Служебные машины «даймлер» с водителями положены лишь министрам. Да и премьер порой томится с горожанами в пробках, ибо мигалки есть только у «скорой помощи» и пожарных.

Вспоминается 25-летие вступления королевы на престол. Оно совпало в 1977 году с моей серебряной свадьбой. Отметить семейный праздник мне не удалось, требовалось освещать событие. Елизавета Вторая должна была в эти дни объехать все Соединенное Королевство: Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию.

С первыми тремя пунктами программы трудностей не было. А вот с мятежным Ольстером дело обстояло сложнее. Было решено, что королева нанесет блиц-визит в Белфаст. Прилетит туда с палубы крейсера на вертолете, посвятит в рыцари нескольких награжденных, послушает школьный хор, примет цветы от детей и сразу же улетит.

Нас, журналистов, с утра доставили в оцепленное за несколько дней до этого здание Стормонта, расположенное на уединенном холме. Вопреки пословице «Точность — вежливость королей», Елизавета задержалась на целый час. Лишь потом я узнал — перед самой посадкой ее на вертолет террористы из ИРА позвонили в полицию и предупредили: в Стормонте заложена бомба, при взрыве которой погибнут невинные люди, в том числе и дети.

Между главой государства и главой правительства (это была Маргарет Тэтчер) возник спор. Обе женщины считали, что церемонию отменять нельзя («Пусть террористы знают, что мы их не боимся!»). Но каждая доказывала: лететь должна именно она. В итоге мы увидели обеих. Все прошло гладко, звонок о бомбе оказался блефом. Чувствовал я себя в Стормонте весьма неуютно и, пожалуй, именно тогда до конца осознал смысл слов «положение обязывает».

Статистика неумолимо свидетельствует: в обеих мировых войнах погибло в три раза больше представителей высшего класса, чем других слоев британского общества. Отпрыски знатных семей не только не использовали свои связи и влияние, чтобы «косить» от военной службы, но считали честью для себя быть на переднем крае, в самых опасных точках.

Олицетворением высокого чувства гражданского долга, присущего британской аристократии, была скончавшаяся на 102-м году жизни королева-мать — вдова Георга Шестого. В дни войны, когда авиация Геринга обрушила свою мощь на Лондон,

вся королевская семья оставалась в Букингемском дворце и пережила учары «юнкерсов», а потом и самолетов-снарядов «фау».

Королева категорически отказалась эвакуироваться с дочерьми в Канаду. Обе девушки надели военную форму и вместе со сверстницами служили в отрядах гражданской обороны. Именно королева добилась того, чтобы монаршая семья питалась точно по такому же рациону, как и ее подданные. Пример способствовал тому, что Британия была тогда единственной европейской страной, не знавшей «черного» рынка. Как богатые, так и бедные жили только на карточки.

Про англичан можно сказать: законопослушные индивидуалисты. Рьяная защита частной жизни от какого-либо вторжения извне, проще говоря культ индивидуализма, сочетается у них с уважением к общепринятым правилам и законам.

Понимание свободы как «прав в рамках правил» — диалектика английского характера. Свобода, а взгляд англичан, неотделима от чувства ответственности перед другими людьми. Высокое положение, знатность предполагают сознание общественного долга и обостренное чувство чести. Думаю, пример «колыбели демократии», как часто называют Британию, во многом поучителен для тех россиян, которые ездят с «мигалками» и любят рассуждать о гражданском обществе.

Полицейский — друг водителя

В нашем моторизованном мире наиболее наглядным проявлением этики и морали стали отношения между водителями, между водителями и пешеходами, между водителями и полицейскими. Иными словами, об уровне общественного сознания можно судить по тому, как человек относится к закону и как представитель закона относится к человеку.

Водить машину я начал в Японии. Попад в Англию с семилетним водительским стажем, на себе ощутил: в разных странах люди ведут себя за рулем по-разному. В автомобильном потоке особенно заметно, что для Востока характерна «вежливость по вертикали», которая касается лишь людей, так или иначе знающих друг друга. На Западе доминирует «вежливость по горизонтали» — отношения с незнакомцами.

В 60-х годах, когда миллионы жителей Страны восходящего солнца впервые в жизни получали водительские права, пресса сравнивала японца за рулем с тигром, вырвавшимся из клетки. В

машине он анонимен, то есть избавлен от надоевших оков подобающего поведения, отчего дерзок и опасен, как камикадзе.

Волей-неволей пропитавшись японским духом (а он похож на русский), я попал в страну законопослушных индивидуалистов — англичан. Оказалось, международные водительские права действуют в Лондоне только три месяца. Если живешь дольше, надо оформлять местные.

Пришлось платить за экзамен по вождению, который я, к своему удивлению, не сдал. Утешало лишь то, что вместе со мной провалили профессионального водителя, офицера КГБ, командированного на должность шофера посла. Обоим записали одну и ту же формулировку отказа: «Недостаток предупредительности».

За что же нам начислили штрафные очки? К примеру, я еду по главной улице. А из переулка хочет вырулить фургон молочника. Поскольку преимущество у меня, я продолжаю движение. Но по мнению экзаменатора, если сзади нет машин, лучше притормозить и мигнуть фарами. Подобный сигнал, который у нас обычно означает «Куда прешь, козел?!», англичане трактуют иначе: «Я вас вижу и готов пропустить». За добровольную услугу выражают благодарность поднятием руки.

Получив с третьего захода лондонские права, я незаметно для себя вскоре сам стал наслаждаться собственной цивилизованностью, уступая дорогу другим. От этого в конечном счете выигрывают все. Хотя в Москве моя предупредительность обычно вызывает раздраженные гудки нетерпеливых водителей.

Другая примета гражданского общества — переход «зебра». Свой второй экзамен по вождению я провалил, не заметив, что на противоположной стороне улицы пешеход поставил ногу на проезжую часть. Англичанин ступает по «зебре» со степенным достоинством посла, вручающего верительные грамоты. Автомобильный поток замирает в неподвижности. В Москве же меня принимают за сумасшедшего, когда я пытаюсь осуществить на «зебре» свое преимущественное право пешехода.

Но больше всего поразило меня в Англии то, что на полицейского, точнее на инспектора дорожного движения, водители привыкли смотреть как на друга, который первым приходит на помощь при любом затруднении.

Англия — компактная страна. Там можно куда угодно доехать на машине, обходясь без поездов и тем более — самолетов. Чтобы помогать мне при поездках в другие города, английские водительские права получила и моя жена (причем со второго раза). На скоростных автострадах машину обычно вел я, а в населенных пунктах за руль садилась жена.

Однажды в каком-то приморском городке она случайно въехала «под кирпич» и блокировала движение на самом напряженном перекрестке. Полицейскому пришлось целых полчаса разруливать образовавшуюся пробку. Вечером мы двинулись в обратный путь. И жена умудрилась вновь совершить ту же ошибку. Перед ней предстал уже знакомый полицейский.

— Ну, мадам! Неужели это опять вы? У меня просто нет слов...

— Извините, я опять не заметила знак. У вас тут так красиво!

Этих слов представителю закона оказалось достаточно, чтобы отпустить нас с миром.

Однажды в центре Лондона мы до четырех утра отмечали юбилей коллеги из Би-би-си. Он жил на маленькой площади, буквально в ста метрах от главной торговой улицы британской столицы — Оксфорд-стрит. Однако из-за одностороннего движения выехать туда было весьма сложно.

Поскольку город давно спал, я решил проскочить один квартал не по правилам. Но едва вырулил на Оксфорд-стрит, как возникший словно из-под земли полицейский дал мне сигнал остановиться. Вопреки местной традиции, я вышел из машины и, подойдя к полицейскому, сам предъявил ему свои документы.

Он иронично поинтересовался, доводилось ли мне читать правила дорожного движения и почему я оказался за рулем в столь поздний час.

— Были в гостях? Стало быть, выпивали?

— Пару бокалов вина.

— Пару или несколько пар?

— Пожалуй, несколько. Но мы главным образом разговаривали. Спорили о том, стоит ли Англии вступать в Общий рынок.

Я понимал, что полицейский присматривается к моему поведению и прислушивается к моим словам, чтобы определить, насколько я трезв.

— А вы в состоянии вести машину? Далеко ли вам ехать?

Я назвал адрес — Эдисон-роуд. Шесть автобусных остановок по прямой.

— Хорошо. Я поеду впереди. Держите дистанцию и будьте осторожны!

Так в пятом часу утра я добрался домой с полицейским эскортом. А вот если бы я соврал, что не пил, скорее всего, пришлось бы дуть в пузырь и оформлять протокол. Оказывается, есть на земле места, где водители испытывают чувства симпатии и благодарности к инспекторам дорожного движения. И где не дают водительских прав тем, кто недостаточно предупредителен

Как англичане принимают гостей

Уезжая работать в Англию, я думал: все-таки это не Восток, а Запад, не Азия, а Европа. Стало быть, обычаи там меньше отличаются от наших. Однако местной специфики оказалось хоть отбавляй. Чтобы ощутить это, достаточно побывать у англичан в гостях.

Общаться домами с лондонцами мне довелось немало. Как говорится, нужда заставила. Любые журналистские контакты неизбежно ведут к приглашению на ланч. Пообедал с человеком в ресторане — нужно отвечать взаимностью. А на это у меня не хватало денег: смета выделяла на представительские цели всего 100 долларов в год. Поэтому вместо ланча в ресторане приходилось звать человека на ужин домой. Разумеется, с супругой, ибо получался уже не деловой, а личный уровень общения.

Гости, конечно, нагрузка для жены. Но английские традиции не требуют от хозяйки таких нечеловеческих усилий, как у нас, когда стол ломится от закусок, приглашенные вечером не могут уснуть от переедания, а утром у них болит голова с похмелья. Устраивать званый ужин в Лондоне легче. Там принято считать, что в гостях человек съедает не больше, чем дома, только лакомится.

Собираются обычно к семи вечера (если приглашают к восьми тридцати, надо поужинать дома) и около часа толпятся в гостиной. Хозяин помогает каждому выбрать напиток. Или виски — его здешние ценители, в отличие от американцев, пьют не со льдом и не с содовой, а с кипяченой водой комнатной температуры, или джин с тоником, или «кровавую Мэри» (водка с томатным соком). В любом случае доза алкоголя составит 28 граммов, так что даже если вам предложат повторить аперитив, пьяным после такой увертюры не станешь.

После восьми, когда уже начинаешь думать, что ничего, кроме орешков, не подадут, всех приглашают в столовую. Рассадка — по незыблемой традиции: на дальнем торце стола — хозяин, по правую руку от него — супруга главного гостя; на ближнем торце — хозяйка, справа от нее — главный гость (собственная жена всегда оказывается где-то наискосок).

Перед каждым из гостей уже стоит тарелка с закуской. Чаще всего — пара ломтиков лосося на листе салата. На столе — только цветы. Никакого тебе холодца, ни селедки «под шубой», ни

пирогов, ни, наконец, просто холодного нарезка. Хозяин берет из ведерка со льдом бутылку белого вина, разливает его по бокалам. На этом, вслед за увертюрой, кончается первое действие.

Добавлю, что у англичан не приняты застольные тосты. (Хотя у нас считают, что именно они отличают торжество от пьянки.) Если для встречи есть особый повод или на нее приглашен особый гость, застольная речь произносится не перед началом трапезы, а перед ее завершением, когда все уже выпили и поели.

Кульминация званого ужина — хозяйка ставит перед мужем жаркое: ростбиф или баранью ногу. Артистически действуя большим ножом, хозяин режет мясо, кладет по ломтику на нагретые тарелки и передает их гостям. Гарнир каждый выбирает себе сам. На стол ставят два вида вареных овощей — например, морковь и шпинат, цветную капусту и стручковую фасоль (картошку подавать не принято). Если жаркое понравилось, хозяин может предложить еще по кусочку. Тут лучше сразу соглашаться, ибо привычных нам настойчивых уговоров не последует.

К горячему блюду хозяин держит две заранее откупоренные бутылки тепловатого красного вина. Еще по паре бокалов. Причем нужно оставить немного к сыру, который непременно появляется перед десертом:

На вопрос хозяйки: «Что вы предпочитаете — фруктовый салат или яблочный пирог?» — я обычно отвечал: «И то и другое!» Это вызвало веселое оживление и расценивалось как неподражаемый славянский эксцентризм.

За десертом следует самая экзотическая часть английского застолья. Хозяйка первой встает со своего места и приглашает дам «попудриться», перед тем как выпить кофе в соседней комнате. За столом остаются одни мужчины. По кругу начинает циркулировать графин портвейна. Наступает «момент откровенности», когда джентльмены рассказывают самые легкомысленные анекдоты или обсуждают самые серьезные проблемы, ради которых они и собрались.

Минут через сорок хозяин приглашает «откачать воду из трюма и присоединиться к дамам», чтобы выпить в завершение вечера по рюмочке ликера или коньяка. Как правило, еще до десяти часов все расходится по домам, отнюдь не переев, а тем более — не перепив.

Принимая гостей в лондонской квартире, мы все же старались сохранить русский колорит. Местные жители с энтузиазмом поглощали московскую водочку под нашу обильную закуску. Вместе с тем мы охотно переняли у англичан то чувство меры, отсутствие которого усложняет жизнь, затрудняет

цивилизированное общение. Ведь гостей можно звать только на напитки или только на чай.

Помню, как нас однажды пригласили на рождественский обед с индейкой. Мы еще сидели за столом, когда начали приходить гости на послеобеденный чай с тортом. Им пришлось ждать в соседней комнате. И никому не пришло в голову сдвинуть потеснее стулья, чтобы вместе выпить по рюмочке. Еще чаще бывает, что среди гостей, приглашенных к пяти вечера на коктейль, одни в шесть тридцать откланиваются, а другие остаются ужинать.

Повторю: «Запад — дело тонкое». Традиции застолья служат одной из наиболее очевидных форм проявления национальной самобытности.

Зачем ходят в «публичный дом»

Английское слово «паблик» (публичный) вроде бы не нуждается в переводе. Но способы его употребления могут поставить иностранца в тупик. Так, например, «паблик скул» (если переводить по смыслу — «общественная школа») есть не что иное, как дорогой частный интернат, где юношей 12–18 лет готовят к поступлению на «фабрики джентльменов» — в Оксфорд и Кембридж.

Ну а «паблик хаус» (буквально — «публичный дом») — всего-навсего пивная, питейное заведение, которое англичане сокращенно именуют «паб».

Когда лондонский коллега впервые привел меня выпить pintу горького в публичный дом на Флит-стрит, вспомнился курьез из моей юности. Военный институт иностранных языков, где я учил китайский, устроил бал в Колонном зале ЦДКА. Не успели мы с однокурсниками выйти в фойе отдышаться, как перед нами появился комендантский патруль.

— Почему вы здесь курите? Вы что, никогда не бывали в публичных домах?

— Ей-богу, первый раз в жизни, товарищ майор, — ответил мой находчивый однокурсник.

Под публичными домами военный комендант, конечно, имел в виду общественные места. Так что слово «публика» и в русском языке может рождать двусмысленности.

Ну а на Британских островах пивная — это действительно публичный дом. Некий общественный институт, выполняющий важную социальную функцию — быть желанной отдушиной в царстве частной жизни, где люди сами себя обрекли на

отчужденность девизом «Мой дом — моя крепость».

Всякий любознательный человек, оказавшийся в Британии, хочет целиком слиться с местной действительностью, стать ее частью. Однако происходит как бы погружение без соприкосновения, словно у водолаза в скафандре. Для окружающих остаешься инородным телом.

В Англии трудно разговаривать с незнакомцем. Он — в царстве частной жизни, что заведомо ставит приезжего в невыгодное положение: чаще видишь перед собой ограду, чем сад, который она окружает. Впрочем, в изгороди, скрывающей от посторонних взоров быт загадочных островитян, есть отдушина. Она позволяет наблюдать их, словно на воле зверей в заповеднике. Эта отдушина — паб.

Описывать интерьер английского паба вряд ли необходимо. Его имитации появились теперь и в Москве. Важно понять различные функции «публичного дома», ритуал и философию этого своеобразного общественного института.

Английский паб представляется мне неким антиподом французского кафе. Идеал парижанина — сидеть за столиком на тротуаре перед потоком незнакомых лиц. Идеал лондонца — укрыться от забот, чувствуя себя в окружении знакомых спин. Паб, разумеется, служит и для общения. Но главное — он способен дать каждому посетителю радость уединения в той мере, какую человек желает. Англичанин ценит паб прежде всего как место встречи соседей. Далее по важности — как место отдыха коллег по работе. И наконец, как приют в чужом городе. Для иностранца эти три функции обычно раскрываются в обратном порядке.

Иностранному туристу паб — оазис в каменной пустыне Лондона. В пабе можно передохнуть во время утомительного осмотра столичных достопримечательностей, переждать дождь или время до поезда, посетить туалет. Следует только иметь в виду, что после трех часов дня и до шести вечера все пабы в Англии закрыты.

Интересно познакомиться с категорией пабов, где посетителей объединяет место работы, например, в крупнейшем в мире финансовом центре, и убедиться, что биржевые брокеры, как и во времена Голсуорси, носят котелки. На вечерней Шафтсбери-авеню после спектакля «Иисус Христос — суперзвезда» в пабе разгримированная Мария Магдалина пьет джин с тоником, а Иуда Искариот заказывает себе вторую пинту темнейшего ирландского «Гиннеса». Оказавшись среди актеров, думаешь: вот счастливый шанс войти в курс театральной жизни. Они же весь вечер толкуют о чем угодно, только не о недавно нашумевшей

премьере. Лишний раз убеждаешься: люди за столиками умышленно не касаются того, что имеет отношение к главному делу их жизни, предпочитают затрагивать не карьеру, а хобби. Даже о политике в пабах спорят меньше, чем в любом питейном заведении на континенте.

Вступить в контакт с замкнутыми аборигенами, пожалуй, легче всего в пабе, где собираются соседи по месту жительства. Самые интересные из них расположены за городом, в предместьях, населенных средним классом. Загородные пабы с их пылающими каминами, дубовыми стропилами под потолком и старинной медной утварью в наибольшей степени хранят уют старой английской таверны. По достоинству оценить их очарование туристу удастся редко. Для этого нужно знакомство с кем-то из местных жителей, который ввел бы своего гостя в круг завсегдатаев.

Только тогда понимаешь роль паба как незаменимого центра общинных связей. Именно тут можно получить дельный совет насчет ремонта крыши или прививки яблонь, найти покупателя для своей подержанной автомашины.

Состоятельные англичане, предпочитающие жить не в многоквартирных корпусах, а в загородных коттеджах, любят знакомить с соседями своего гостя, приглашенного на субботний ланч. Пока женщины осматривают сад, хозяин ведет приезжего в свою излюбленную пивную.

Имея поводыря, приятно исподволь изучать традиционный ритуал паба. Новичку лучше всего сначала сесть у стойки. Расположиться за любым столиком не тактично, ибо у постоянных посетителей могут быть собственные места. Будет ошибкой сказать: «Одно пиво, пожалуйста». Надо назвать емкость и сорт, например: «Пинту горького!»

В Шотландии самый распространенный заказ — «Пинту экспортного!», а в Ирландии: «Пинту Гиннеса!».

Американцам, привыкшим открывать пивные банки из холодильника, пиво в английском пабе кажется тепловатым. Англичане же подают его при температуре погреба.

Приходя в паб один, англичанин садится у стойки, оглядывает зал и приветствует знакомых. Если его пригласили к какому-то столику, он, по традиции, обязан заказать следующий раунд напитков для всех, там сидящих. Зато потом каждый из них отвечает тем же.

Что пьют в пабе? Зимой — биттер, то есть горькое английское пиво, летом — лагер, светлое пиво типа пильзенского. Эксцентрики пьют портер. Женщины часто заказывают себе шанди — пиво с лимонадом.

Итак, паб для англичан — неотъемлемая часть их образа жизни, а для иностранцев — возможность заглянуть в душу замкнутых островитян.

В королевской ложе на регате

Живя среди англичан, мне приходилось особенно часто заботиться о том, чтобы быть одетым к месту, как полагается. Вроде бы столичный житель, да и за границей второй десяток лет. И все-таки порой попадал впросак.

К примеру, приглашает коллега из «Тайме» на воскресенье в свой загородный дом. Будут, мол, лондонские собраты по перу. Одеваюсь, как на званый обед, и выгляжу белой вороной. Все мужчины без галстуков, кто в спортивной куртке, кто в пуловере. Во-первых, потому что уик-энд. Во-вторых, собрались не в городе.

Однажды меня с женой пригласили на знаменитую Хэнлейскую регату. Там на Темзе каждое лето состязаются гребцы Оксфорда и Кембриджа. Гонки считаются почти таким же великосветским событием, как скачки в Эскоте.

Пригласительный билет мне прислал знакомый шахтовладелец из Северной Англии, симпатизировавший советским людям. (В годы войны наши моряки спасли его отца, водившего конвои в Мурманск.) Узнав, что в студенческие годы я увлекался академической греблей и даже был чемпионом Москвы в составе восьмерки ЦДКА, предприниматель заявил: «Ваша книга об Англии будет неполной, если не побываете на регате». И достал нам места в королевскую ложу.

В отличие от приглашения на чай в Букингемский дворец, в правом нижнем углу этой карточки не было никаких указаний о том, как надлежит быть одетым. Посоветовавшись с женой, мы решили, что она пойдет в шляпе (по аналогии с приемом в саду), а я надену синий блэйзер с серыми брюками и рубашку с отложным воротничком. Поскольку, мол, регата будет в выходной день и на природе.

Однако церемониймейстер остановил меня, сказав, что в королевской ложе джентльмену надлежит быть в галстук. Выручила жена, которая повязала мне на шею свою газовую косынку. С этим бантом я стал похож на поэта-декадента Серебряного века. Но путь был открыт, ибо в каком именно галстук быть джентльмену, вправе решать лишь он сам.

Часто говорят: у англичан — как у птиц: в ярком оперении красуется самец, тогда как самка выглядит невзрачно-серой. Метафора во многом верна. Англичанки действительно избегают

всего броского, вычурного. Дама из высшего общества, считают в Лондоне, следует моде настолько, насколько это ей к лицу, но никогда не идет в авангарде моды. (Это дело звезд шоу-бизнеса.)

Наблюдая за англичанками в универмаге «Харродз» и других престижных магазинах Лондона, мы не раз убеждались: ни одна москвичка не подошла бы к блеклым расцветкам, которые привлекали местных покупательниц. Англичанки любят вещи скорее консервативные, нежели экстравагантные, скорее сдержанные, чем яркие, и притом сделанные на Британских островах.

Обобщение можно отнести и к мужчинам. По умению одеваться английскому джентльмену нет равных ни в Европе, ни в Новом Свете. Но и тут дело не в броскости, а в изысканности. Модного, «заграничного» настоящий джентльмен старается избегать. И вот поистине загадка туманного Альбиона: как из невыразительных компонентов складывается образ безупречно одетого мужчины?

Но вернемся на Хэнлейскую регату. Большинство людей на трибунах составляли студенты Оксфорда и Кембриджа в соломенных шляпах-канотье и клубных пиджаках-блэйзерах. (Тут я попал в точку.) Причем не только юноши, но также их отцы и деды были в форме своих колледжей, что позволяло по расцветке галстуков безошибочно определять болельщиков за ту или иную команду.

Места в королевской ложе включали приглашение на прием, который состоялся после гонок в большом шатре у реки. Шампанское в ведерках со льдом, отварные лососи на серебряных подносах, малина со взбитыми сливками — все в соответствии с вековыми традициями. Скачки в Эскоте бывают в июне — там угощают клубникой. Ну а месяцем позже, как раз к Хэнлейской регате, поспевают малина.

Ее величество с наследным принцем обошли шатер, кланяясь направо и налево. Все блюли дворцовый ритуал: разговаривать с членами королевской семьи вправе лишь те, к кому они непосредственно обратились. Так что обогатить свою журналистскую биографию вопросом к монарху мне не удалось.

Побывав на Хэнлейской регате, я понял, почему ее называют «ярмаркой женихов». Именно так! Хотя для нашего уха более привычно словосочетание «ярмарка невест». Что больше всего поразило меня на этой великосветской тусовке, так это девушки из знатных семей. Они были на удивление активны, если не сказать настырны. Оказывается, «в высоком лондонском кругу» дела нынче делаются иначе, чем в романах Ричардсона, которыми некогда зачитывалась пушкинская Татьяна.

Потенциальные невесты не ждали, пока кто-то обратит на них внимание. Они сами подходили к юношам, вели их к подносам с шампанским, порой буквально вырывали кавалеров друг у друга. А юные джентльмены покорно уступали им право выбора. Не исключая, такая мужская пассивность — результат раздельного обучения в частных школах. Парни попросту не привыкли быть в обществе девушек.

Благодарю судьбу, что довелось побывать в королевской ложе на Хэнлейской регате. Это столь же красочная познавательная пьеса, как воспетые Бернардом Шоу скачки в Эскоте.

Скардность или рациональность?

Моя книга «Корни дуба. Впечатления и размышления об Англии и англичанах» была впервые опубликована в журнале «Новый мир» в 1980 году. Не прошло и двух лет, как крупнейший британский медиа-магнат Роберт Максвелл заявил, что намерен напечатать ее перевод в своем издательстве «Пергамон пресс».

Владелец множества газет, радиостанций, телекомпаний и книгоиздательств, миллиардер Максвелл стремился углублять взаимопонимание с народами за «железным занавесом». Кроме книг писателей из соц-стран, он издавал сборники речей Брежнева и Хонеккера, Гусака и Кадара. Поэтому в беседе со мной в шутку назвал себя «красной акулой», в отличие от своего конкурента Руперта Мердока, которому, по его словам, больше подходит кличка «белая акула».

Максвелл пригласил меня с женой на презентацию английского издания «Корней дуба», позаботился о том, чтобы мою книгу прорецензировали такие солидные газеты, как «Санди тайме» и «Обсервер». Из Лондона к нему в Оксфорд нас доставил «роллс-ройс» с шофером в ливрее, что у англичан считается сверхроскошью. Мы побывали в издательстве «Пергамон пресс», которое специализируется на серьезной научно-популярной литературе, познакомились с переводчиком и редактором «Корней дуба». Затем проследовали на ланч в особняк миллиардера: здание, вполне соответствующее стилю старейшего университетского центра — Оксфорда. Во время экскурсии по издательству Максвелл пригласил на ланч переводчика моей книги. То есть привел с собой не двух, а трех гостей. Это вызвало в хозяйке некоторое замешательство. Пока мы пили в гостинной джин с тоником, к обеденному столу приставили пятый стул и принесли еще одну тарелку с куском копченой скумбрии. Но когда подали горячее, на блюде было лишь четыре порции

жареного цыпленка. Выразительно взглянув на жену, миллиардер объявил, что находится на диете и попросил налить ему сока. Мороженого с фруктами и сливками тоже оказалось лишь четыре вазочки. На сей раз хозяйка объявила, что бережет талию и не ест десертов. Слава богу, хоть кофе налили всем пятерым.

Так один неожиданный гость оставил хозяев без обеда в доме миллиардера. Впрочем, это не должно было меня удивлять. Я достаточно насмотрелся на лондонцев, которые берут в супермаркете четыре яйца или просят отрезать им семь ломтиков бекона. И с ситуациями вроде ланча у Максвелла сталкивался не раз.

Помню, как мы впервые остались ночевать в весьма состоятельной английской семье, где нам отвели роскошную спальню с готическими сводами и мраморной ванной. После ужина хозяйка поинтересовалась: «Сколько чашек кофе вы с супругой пьете по утрам и сколько ломтиков хлеба для вас поджарить?»

Когда ко мне в корпункт приходили лондонские гости, их удивляло, что возле телефона на моем письменном столе нет коробки от леденцов, куда желающие позвонить из чужого дома обычно кладут монеты. Оказалось, поскольку абонентская плата в Англии определяется по числу разговоров, принято платить хозяевам квартиры как за телефон-автомат.

Человека с русской душой подобные факты коробят — непостижимая, мол, скарденность. Однако на взгляд англичан, это цивилизованный рационализм, разумная бережливость. Больше того — проявление собственной независимости, составная часть неприкосновенности частной жизни.

Богатый промышленник из Северной Англии поразил меня отношением к своим детям. Он рассказал, что его взрослая дочь, изучающая в Лондоне русскую классическую литературу, мечтает со мной познакомиться. Но она с мужем, тоже филологом, никак не может накопить денег на ковровые покрытия. Живет пока с бетонными полами, так что приглашать в гости иностранца неудобно. «Мы были бы рады им помочь. Но ведь предлагать молодым деньги или оплачивать отделку жилья выглядело бы для них оскорбительно...»

Такая непонятная нам щепетильность в отношениях с детьми у англичан дело обычное. Мы часто бывали в гостях у Джеймса Олдриджа, который на Британских островах известен куда меньше, чем у нас. Из-за своих левых убеждений писатель скорее бедствует, нежели процветает. У него маленькая квартирка в рабочем районе на южном берегу Темзы.

В 70-х годах обоим его сыновьям было около тридцати, но ни

тот ни другой не женились, ибо не имели средств содержать семью. Они снимали комнату на двоих по соседству. Оба вечерами работали и заочно кончали аспирантуру в «краснокирпичном», то есть не престижном, Лондонском университете.

Вообще у англичан любого социального положения бытует взгляд, что «птенцов надо пораньше выталкивать из гнезда, чтобы они лучше научились летать». Еще до того, как взрослая дочь выйдет замуж или сын женится, после завершения образования они обычно поселяются отдельно и стремятся сами зарабатывать себе на жизнь.

Этот культ самостоятельности, на мой взгляд, обрекает как старшее, так и младшее поколение на одиночество, когда, кроме взаимных визитов, а порой лишь открыток на Рождество и на Пасху, детей и родителей ничто не связывает. Английские бабушки очень редко становятся бесплатными няньками для своих внуков. Лишь в многодетных ирландских семьях да у шотландцев с их кланами еще сохранились семьи, отвечающие конфуцианскому идеалу «три поколения под одной крышей». Огородив свою частную жизнь неприступной стеной, англичане обрели себя на заточение в собственной крепости.

Двухэтажная Англия

Однажды в российском выпуске теленовостей прошел сюжет: в Восточном Лондоне саперы взорвали две шестнадцатизэтажные башни — часть жилого микрорайона застройки 60-х годов, который, мол, оказался нерентабельным.

Никакого комментария к этому факту не последовало. Между тем он проливает свет и на социальные проблемы страны, и на особенности национальной психологии англичан. Восточный Лондон (печально известный Ист-Энд) издавна считался воплощением тяжелой цены, которую заплатила Англия за право называться родиной промышленной революции, «мастерской мира».

«В Восточном Лондоне страшно не то, что можно видеть и обонять, а то, что всего этого так неизмеримо, непоправимо много, — писал 80 лет назад Карел Чапек. — Миля за милей тянутся ряды прокопченных лачуг. В таком потрясающем количестве они теряют характер человеческого жилья и обретают вид геологического напластования. Это как бы черный шлак, извергнутый фабриками».

После общей победы во Второй мировой войне, когда

авторитет Советского Союза в британском обществе небывало возрос, пришедшие к власти лейбористы вознамерились сделать Англию «самой социалистической из капиталистических стран». Они ввели бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, что консерваторам не удалось отменить даже во времена Тэтчер, убежденной, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке».

Во время хрущевской оттепели 60-х годов лейбористы объявили войну трущобам. В лондонском Ист-Энде выросли муниципальные микрорайоны. Эти дешевые многоэтажные дома имеют палубную систему (вдоль наружной стены каждого этажа тянется коридор) и предназначены для покомнатного заселения. Обитателей трущоб переместили в гигантские коммуналки.

Однако тяготы малоимущих горожан не исчезли, а возродились в новой форме и с новой остротой. В муниципальных микрорайонах неудержимо растет концентрация «семей с проблемами». Это безработные, матери-одиночки, алкоголики, наркоманы, уголовники. Нанимаясь на работу, жители Восточного Лондона по-прежнему избегают называть свой адрес и при первой же возможности стремятся уехать оттуда. Остаются лишь те, у кого нет другого выхода. Содержать же многоэтажные дома дорого, из-за чего их, судя по всему, и начали сносить.

Впрочем, корни данной проблемы отнюдь не сводятся к социальному неравенству. Немалую роль здесь играет и национальная психология. Англичанам свойственно предубежденно-отрицательное отношение к многоэтажным домам. Расспрашивая меня о моем московском жилье, лондонские друзья всякий раз ахали: «Восьмой этаж! Ведь на такой высоте и к окну не подойдешь, голова закружится...»

Метафоре Ильфа и Петрова «одноэтажная Америка» на противоположной стороне Атлантического океана соответствует понятие «двухэтажная Англия». Девиз англичан «Мой дом — моя крепость» на бытовом уровне можно перефразировать так: «Мой дом — это двухэтажное жилище с палисадником». Именно таков на Британских островах идеал домашнего очага.

Улица Эдисон-роуд в престижном лондонском Вест-Энде, где я прожил пять лет, застроена двухэтажными особняками викторианской эпохи. Улица кончается восьмиэтажным корпусом с десятками хорошо отделанных подъездов и современных лифтов. Но это подобие московского или питерского элитного дома населяют преимущественно иностранцы — сотрудники транснациональных корпораций.

Англичане же предпочитают двухэтажное жилище (чаще это как бы секция) с отдельным выходом на улицу, кухней, столовой, гостиной внизу и спальнями наверху. Поскольку каждый хозяин

красит свой фасад как ему вздумается, уличная застройка подчас напоминает глухой забор из вертикально сбитых разноцветных досок.

Ведя речь о характере англичан, хочется, прежде всего, сказать: они домолюбивы. Семейный очаг и досуг, который с ним связан, явно доминируют в их жизни. Англичане очень непритязательны к повседневной пище. Деньги на питание кажутся им потраченными впустую. Тут они согласны на самую жесткую экономию. Не делают они культа и из одежды. Собственный кров — вот цель, ради которой английская семья готова идти на любые жертвы.

Приоритет домашнего очага в жизненном укладе — одна из английских традиций. Еще перед началом Второй мировой войны Британия располагала лучшим жилым фондом в Западной Европе. Две трети английских семей являются собственниками жилищ. Пятая часть живет в муниципальных домах (в первые послевоенные годы лейбористы подняли эту долю до тридцати процентов, но нынче она упала до двадцати). И лишь каждая седьмая семья (пятнадцать процентов англичан) арендует квартиру у домовладельцев. Число их, судя по всему, будет и дальше сокращаться.

А традиционный уклад «двухэтажной Англии» делает малоперспективной идею строить на месте трущоб «лондонские Черемушки».

Чайник и шесть чашек

Во время «холодной войны» большинство наших журналистов, а тем более дипломатов, работавших за рубежом, всячески уклонялись от публичных дискуссий. Куда спокойнее наблюдать, как на экране оппоненты атакуют твоего соотечественника, и назидательно рассуждать, что в данном случае можно было бы ответить удачнее.

Но мой журналистский кураж побуждал меня идти на риск и принимать вызов. Хотя я знал: если зовут выступать по телевидению или перед ответственной аудиторией, значит, для меня припрятана какая-нибудь «дохлая кошка» вроде арестованного диссидента или чекиста, переметнувшегося на сторону Запада.

После нескольких удачных выступлений меня стали довольно часто приглашать в престижные публичные школы, а также в колледжи Оксфорда и Кембриджа. Секретарь парткома посольства был в восторге, рапортуя в Москву «об успехе нашей

внешнеполитической пропаганды». В действительности же я был нужен «фабрикам джентльменов» просто как живой большевик, в полемике с которым будущие консерваторы могут отточить свои молодые зубы.

Однажды меня даже пригласили выступить в палате общин, перед членами комитета по международным делам. Когда я увидел под сводами Вестминстерского дворца три дюжины депутатов, первая мысль была о том, как разбить лед отчужденности и придать разговору человеческую тональность.

Попросил разрешения начать с китайской притчи. Однажды единственная женщина, оказавшаяся среди собеседников Конфуция, спросила его: «Почему мир так несправедлив? Когда мужчина совершает супружескую неверность, его престиж в обществе растет. А если это же сделает женщина, ее все порицают».

Конфуций взял чайник и стал молча разливать чай. «Почему же ты молчишь, учитель?» — «А я уже дал тебе ответ, причем наглядный. Из носика чайника я наполнил шесть чашек. Это нормально. Но можно ли из шести чайников лить чай в одну чашку? Было бы противоестественно».

Депутаты засмеялись, а я продолжал аналогию: «Когда одного парламентария терзают вопросами три дюжины журналистов — это обычное дело. Но если три дюжины таких профессиональных полемистов, как вы, возьмут под перекрестный огонь одного-единственного газетчика, получится негуманно...»

Атмосфера разрядилась, я начал отвечать на вопросы. Потом сказал: «Наш поединок проходит в неравных условиях: вы — верхом, я — пеший, то есть вы говорите на родном языке, а я скован своими лингвистическими возможностями, вынужден рассуждать примитивнее, чем мог бы. Справедливее будет полемизировать на китайском или хотя бы на немецком.

Я, конечно, блефовал. Но правильно сделал ставку, во-первых, на стойкое неприятие англичанами каких-либо языков, кроме своего, а во-вторых, на их приверженность спортивной этике. Хлынула волна комплиментов по поводу моего лондонского произношения, и разговор завершился на дружеской ноте. Помогли Конфуций и английское чувство юмора.

Маршрутом д'Артаньяна

Чтобы понять и объяснить душу другого народа, полезно сравнивать его с соседями. Желая нарисовать психологический портрет японцев, я противопоставлял им китайцев. А ведя речь об

англичанах, сравнивал их с французами.

Примечательно, что именно отличия двух островных народов от континентальных соседей как бы роднят их между собой. С одной стороны, изощренность китайских и французских поваров, с другой — простота и натуральность японской и английской кухни. С одной стороны, прямолинейная помпезность китайских и французских регулярных парков, с другой — стремление японских и английских садовников облагораживать природу так, чтобы вмешательство человека не было заметным. С одной стороны, расчерченные по линейке Пекин и Париж, с другой — хаотичность Токио и Лондона, ибо, по местным представлениям, город должен расти, как растет лес.

Еще одна общая черта японцев и англичан: считать, что они у себя на островах — это одно, а континент — уже нечто другое. Классический заголовок в «Тайме»: «Туман над Ла-Маншем. Европа изолирована».

Прожив пару лет среди англичан, незаметно для себя начал думать как они: «Туземцы начинаются с Кале». Мол, там, на континенте, хуже, чем дома: ездят по неправильной стороне дороги, едят «континентальный завтрак» (ни тебе яичницы с беконом, ни овсяной каши, только кофе с рогаликом).

В 1978 году, перед завершением пятилетней работы в Лондоне, у меня появился шанс съездить с женой на пару недель в Париж. Мои давние знакомые в Северной Ирландии — активисты Ассоциации борьбы за гражданские права — сообщили мне, что Международный суд в Страсбурге принял к рассмотрению иск Ирландской республики против Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии.

Дублин инициировал судебный процесс против Лондона, обвинил британские власти Ольстера в нарушении статей 2-й и 9-й Европейской конвенции о правах человека, запрещающих превентивные аресты, пытки и жестокое обращение с заключенными.

Поскольку Лондон вечно упрекает всех, и прежде всего Москву, в нарушениях прав человека, процесс в Страсбурге являлся поистине кладом для советской пропаганды. Так что мое предложение съездить туда из Англии было охотно принято руководством «Правды».

Мне предстояло проехать за рулем из Лондона в Париж по маршруту д'Артаньяна, только в обратном направлении: сначала до Дувра, там погрузиться на паром до Кале, а оттуда, по автострате, до Парижа.

Съехав с парома, надо было продолжать путь уже по правой стороне. В потоке это нетрудно. Но сворачивая с главной

магистрала в переулок, я всякий раз инстинктивно выезжал на левую сторону. А водители-французы относились к иностранцу иначе, нежели в Лондоне, где все останавливались, чтобы новичку было легче найти верный путь. Тут же каждый раздраженно сигналил, крутил приставленным к виску пальцем, нахально «подрезал», напоминая московские нравы. Добравшись до Триумфальной арки, я вынужден был пять раз объехать вокруг нее, ибо никто не уступал дорогу перед нужным мне поворотом.

Если за Ла-Маншем гражданская сознательность, законопослушность англичан порой раздражали, то во Франции я по ним скучал. В Англии научился терпеливо дожидаться своей очереди, пока продавец, официант или торговец газетами обратится ко мне с вопросом:

— Да, сэр. Что я могу для вас сделать?

Тут же можно сколько угодно стоять у окошка телеграфа или сидеть за столиком кафе, и никто не обратит внимания. Надо самому крикнуть:

— Гарсон! Два пива!

Но вот чем Париж может похвастать перед Лондоном, так это своим метро — одним из лучших в мире наряду с московским и токийским. К своему удивлению, я не увидел во французской столице элегантных женщин. (Они, наверное, просто не ходят по улицам и не ездят в метро.)

Оставив жену и машину в Париже, я ночным поездом добрался до Страсбурга. Поскольку ирландская проблема и реалии Ольстера, этой английской Чечни, растянувшейся на века, были мне хорошо знакомы, я начал регулярно передавать в Москву репортажи с судебного процесса «Ирландия против Великобритании».

Не прошло и трех дней, как ко мне из Парижа примчалась толпа советских журналистов — телекомментатор Георгий Зубков, представители ТАСС, АПН, собкоры центральных газет. Оказывается, московское начальство дало им взбучку: что же вы хлопаете ушами и не рассказываете о том, как Англию судят за нарушение прав человека?

А парижские коллеги были не виноваты. Ведь французские, да и мировые средства массовой информации ни единым словом не обмолвились о процессе в Страсбурге. Нужен ли более убедительный пример двойных стандартов? Если бы дело касалось СССР или КНР, подняли бы шумиху о «репрессивных режимах». Ну а неприятные факты об Англии лучше замолчать. У западных медиа доныне есть свои кураторы наподобие агитпропа ЦК КПСС.

Я вернулся в Париж и отправился с женой в обратный путь.

Но пропустил нужный поворот и вместо Кале оказался в Дюнкерке. Понял, что на английский паром опоздал, да и на французский надо поторапливаться. Вдруг рядом остановилась машина с лондонским номером. «Вижу, вы заблудились. Езжайте за мной, земляки!»

Мы радостно пристроились за новым знакомым и вслед за ним въехали на паром. «Ну наконец-то мы дома! — воскликнул он. — Пойдемте в паб, выпьем по кружке «Гиннеса!»» Отметив сорт пива и рыжую шевелюру, я спросил: «Вы, наверное, ирландец? Что вы думаете о процессе «Ирландия против Великобритании?»» Спутник действительно оказался из Белфаста. Но о Международном суде в Страсбурге впервые услышал от меня. Вот, оказывается, каков он, наш мир, с его «свободой распространения информации»!

В завершение еще один житейский эпизод. Пока мы плыли во Францию от Дувра до Кале, моя жена знакомилась с беспешинным киоском на пароме. Французская парфюмерия продавалась тут в полтора раза дешевле, чем в Лондоне. И она то и дело выходила ко мне на палубу, просила понюхать то один, то другой свой палец, чтобы оценить аромат.

В конце концов жена выбрала себе четыре флакона духов, но перед тем как заплатить, засомневалась: ведь едем-то мы в Париж! Вдруг там наткнемся на какую-нибудь распродажу? Или в советском Торгпредстве есть кооператив с особо низкими ценами? Тогда она стала допытываться: будет ли такой же паромный киоск на обратном пути? Не закроют ли его на учет? Не изменится ли ассортимент? Услышав отрицательные ответы, жена решила взять духи при возвращении.

Паром был точно таким же. Киоск тоже. Но цены на парфюмерию в полтора раза выше. Оказалось, из Дувра мы плыли на английском пароме, а обратно на французском. Поэтому на нем продавали со скидкой не французские, а английские товары — виски, фарфор Веджвуд, твидовые пиджаки. Это огорчило мою жену еще больше, чем меня двойные стандарты западных средств массовой информации.

Как Скотланд-ярд проверял, с кем я ночью

Мои младшие коллеги постсоветского поколения часто жалуются на попытки властей как-то регламентировать их журналистскую деятельность, расценивая подобное внимание к себе как посягательство на свободу слова. В связи с этим хочу поделиться личным опытом, рассказать, какие правила и

ограничения существовали для иностранных журналистов в Китае 50-х, в Японии 60-х и Англии 70-х годов.

Жаловаться на то, что в моей первой зарубежной стране такие нормы поведения отличались особой жесткостью, было бы несправедливо: ведь социалистический Китай в точности скопировал их у Советского Союза. Все встречи, интервью и поездки по стране полагалось осуществлять только через отдел печати МИД КНР. Без его ведома и согласия китайские граждане были не вправе вступать в контакт с иностранными корреспондентами.

Наряду с минусами такой порядок имел и плюсы, ибо позволял переключать на китайцев всю организационную работу. Например, пишу письмо: хотел бы поехать в Шанхай, чтобы на примере текстильного короля Жун Ижэня и других крупных капиталистов рассказать о мирном преобразовании частной промышленности и торговли. Через пару недель отвечают: можно ехать. На вокзале меня встречает местный чиновник с расписанной по дням и часам программой.

Но ведь не о всякой теме можно дать заявку заранее. Газете нужны отклики и на злободневные события. Помню, среди первых лауреатов Международной ленинской премии мира был назван президент Академии наук КНР Го Можо. Мне позвонил редактор отдела и сообщил: по указанию «с самого верха» я должен передать в номер интервью с Го Можо. Дело было в пятницу, а отдел печати МИД обещал организовать такую встречу лишь в понедельник.

В отчаянии я решил нарушить правила и без предупреждения приехал к лауреату домой (благо, не раз бывал на приемах в его особняке). Интервью получил. Благодаря пятичасовой разнице во времени оно успело в очередной номер «Правды». Назавтра его перепечатала китайская и мировая пресса. Но мидовцы все же сделали по этому поводу замечание не только мне, но и Го Можо, несмотря на его высокий пост.

А однажды все произошло наоборот. Премьер Чжоу Эньлай как-то посетовал, что у него постоянно просят интервью представители зарубежной прессы, но среди газетчиков ни разу не было советских журналистов. Воскресным утром он неожиданно пригласил к себе меня, одного известнца, корреспондента «Комсомолки» и поинтересовался: не хотим ли мы задать вопросы главе китайского правительства?

Зная, что я китаист, Чжоу Эньлай не раз обменивался со мной репликами на правительственных банкетах, дал мне китайское имя О Фучин, выбрав для этого три иероглифа, означающие «министр европейского счастья». На аудиенции он прежде всего

обратился именно ко мне.

Я решил спросить, каковы у Пекина шансы занять свое место в Организации Объединенных Наций. Но от волнения с трудом подбирал китайские слова и упростил фразу весьма неудачно:

— Когда же КНР вступит в ООН?

Чжоу Эньлай изменился в лице.

— Странно, что представитель такой уважаемой газеты, как «Правда», задает столь некорректный вопрос. Китай — один из учредителей ООН. И мы ведем речь не о том, чтобы вступать, а о том, чтобы восстановить наши законные права, которые узурпировал свергнутый режим Чан Кайши.

Мне стало стыдно за свою оговорку. Но тут вошла запыхавшаяся Гун Пэн — заведующая отделом печати МИД КНР, которой все мы адресовали просьбы о встречах и поездках.

— Ничего себе, кураторша прессы — приходит к премьеру последней, — шутливо пожурил ее Чжоу Эньлай.

— Ничего себе премьер — не извещает МИД, что хочет встретиться с советскими журналистами, — парировала Гун Пэн.

Такой приятельский, даже фамильярный тон общения с главой правительства, видимо, объяснялся тем, что Гун Пэн работала с Чжоу Эньлаем в Чунцине, когда он был представителем компартии при гоминьдановском руководстве (по слухам, у него тогда был роман с этой очаровательной женщиной).

Попав после Китая в Японию, я поначалу наслаждался вседозволенностью контактов и свободой передвижения. Однако иной раз возникала и ностальгия по временам, когда можно было перекладывать на МИД практическую подготовку моих поездок. А решать организационные вопросы с японцами для иностранца дело непростое.

Был убежден, что в Англии, которая слывет колыбелью западной демократии, никто не будет регламентировать мое перемещение по стране. Но, как выяснилось, ошибался. При любом выезде из Лондона дальше, чем на 35 миль, я должен был за трое суток представлять в отдел печати МИД нотификацию с подробным указанием маршрута и мест ночлега. Причем сотрудники Особого отдела Скотланд-ярда имели обыкновение незадолго до полуночи являться по указанному адресу для проверки.

Однажды летом мы с женой поехали в знаменитый Шервудский лес, где по преданию разбойничал Робин Гуд. По туристскому справочнику заказали номер в семейной гостинице. Уже легли спать, когда в дверь постучала перепуганная хозяйка и сказала, что за мной пришли из полиции. (Страну тогда

терроризировали взрывами ирландские боевики.) Я спустился и предъявил документы.

— А где женщина, с которой вы приехали?

— Моя жена уже легла в постель. Вот ее паспорт.

— Попросите ее одеться и спуститься вниз. Мы должны удостоверить ее личность.

— Получается, что в вашей стране Скотланд-ярд стал полицией нравов — проверяет, со своей ли женой иностранный журналист путешествует, — усмехнулся я.

Ночные посетители сделали вид, что не поняли юмора.

Знакомые англичане не только не знали о нотификациях и полуночных визитах, но и отказывались верить, что такое возможно на родине Великой хартии вольностей. Один богатый шахтовладелец однажды пригласил меня с женой погостить у него в Ноттингеме. Он устроил по этому случаю большой прием, на который собрались все известные люди города.

В разгар вечера явились агенты Особого отдела и вызвали нас «на ковер». Хозяин был настолько возмущен, что едва не спустил на них собак. Мэр города, окружной прокурор и начальник полиции еле успокоили его: люди, мол, выполняют свой долг. Но в самом появлении агентов Скотланд-ярда на столь представительном собрании есть английский колорит. Наши спецслужбы вряд ли рискнули бы проверять документы у гостя в доме губернатора. А на Британских островах автоинспектор останавливает за превышение скорости на автострате сестру королевы и преспокойно составляет положенный протокол о штрафе.

Интервью в Белом доме

Как раз в те дни, когда наша страна переживала пик антиалкогольной кампании, я оказался в Овальном кабинете Белого дома. Рональд Рейган готовился к знакомству с Михаилом Горбачевым и первым похоронам «холодной войны». В преддверии их саммита в Женеве четыре советских журналиста — Генрих Боровик, Станислав Кондратов, Геннадий Шишкин и я — должны были получить интервью президента США. Подобной встречи не было четверть века, с тех пор как Кеннеди беседовал с зятем Хрущева — Аджубеем.

Всю ночь мы репетировали содержание и очередность наших реплик, ломали головы над тем, как за тридцать минут успеть каждому задать свой вопрос. Чтобы сэкономить время, решили отказаться от перевода, хотя напряжение наших сил от этого еще

больше возросло.

Рейган выглядел гораздо моложе, чем мы ожидали, четко отвечал на каверзные вопросы. Мне показалось, что у него, как у наших телеведущих, за ухом скрыт наушник, через который ему по радио подают нужный текст.

После встречи было не до обеда — сразу отправились писать и передавать. Закончили только к шести вечера. И тут советник-посланник пригласил нас, совершенно вымотанных, не евших с утра, поужинать у него. Уютный посольский дом в Джорджтауне, в квартире — запах жареной баранины и пирогов, на столе — русская закусочка. Пожалуй, еще никогда в жизни так не хотелось выпить, чтобы снять накопившийся за день стресс.

Из кухни вышел хозяин с двумя кувшинами в руках и, улыбаясь, спросил: «Вам томатный или апельсиновый?» Мы оторопели. Потом подумали: шутка, розыгрыш. Но дело оказалось серьезнее. Окинули взором комнату и не увидели ни одной бутылки спиртного. Осень 1985 года была апогеем антиалкогольной кампании. И эта трезвая встреча с гостеприимным соотечественником запала мне в память даже больше, чем интервью в Овальном кабинете Белого дома.

Уныло вернулись в гостиницу и решили извлечь для себя урок на будущее. Возвращаться в Москву нам предстояло через Нью-Йорк. Я позвонил старому знакомому Олегу Александровичу Трояновскому, нашему представителю в ООН, а прежде — послу в Японии и Китае. Он был, как всегда, приветлив и радушен.

— Буду рад встретиться со всеми вами! Приходите вечером в представительство, посидим, побеседуем у меня дома, а потом приглашаю вас в китайский ресторан.

Чтобы не проколоться вторично, мы купили в аптеке бутылку виски, разлили в гостинице на четыре стакана, выпили и, застрахованные от неожиданностей, отправились в гости. Но Олег Александрович все-таки нас удивил, уже в положительном смысле. Он распахнул дверцы домашнего бара с целой батареей бутылок, чем мы с энтузиазмом воспользовались. Потом еще изрядно приняли за столом в китайском ресторане.

На обратном пути вспоминали: правильно сказано про русскую душу — «аршином общим не измерить». И не только при сравнении с иностранцами, но и меж нас самих...

А месяц спустя мне была присуждена Государственная премия СССР за книги «Ветка сакуры» и «Корни дуба», которые были впервые опубликованы в «Новом мире» за пятнадцать и за пять лет до этого. После торжественного вручения медалей и дипломов в Кремле лауреатов пригласили на банкет.

И тут пришлось вновь пережить такой же шок, как в Нью-

Йорке. Хотя столы ломились от первоклассной русской закуски, наливали только фанту и пепси. Не удостоенные даже бокала шампанского, лауреаты в считанные минуты разошлись по домам и гостиницам, чтобы отметить знаменательное событие более подобающим образом.

У Гринвича и на экваторе

Когда я работал в Пекине, Токио, Лондоне, а мое имя мелькало в газете, со мной то и дело искали встречи полужнакомые соотечественники. Дескать, прилетел на неделю в командировку. Привез вам с родины бутылку водки и буханку черного хлеба. Не могли бы вы помочь купить тут кое-что по домашнему списку?

Эту функцию брала на себя жена, которой одинаково нравилось тратить с пользой как свои, так и чужие деньги. Вторым пунктом повестки дня обычно был осмотр достопримечательностей, где роль гида доставалась мне. А на прощание устраивали гостю загородный пикник в каком-нибудь экзотическом месте.

В Англии я обычно возил москвичей в Гринвич. Колоритный городок за Темзой, знаменитая обсерватория, за ней лесопарк, где можно разложить выпивку и закуску прямо на нулевом меридиане. Кстати, по местным легендам, древние бритты метили рубежи своих владений мочой. Стало быть, тому, кто окропит Гринвичский меридиан или экватор, суждено повидать весь мир. Я со многими повторял опыт, и лично для меня поверье сбылось.

Возле нулевого меридиана я прожил пять лет, а вот на экваторе побывал лишь пару раз и второпях. Впервые это произошло в Сингапуре. Там есть отель «Раффлз», хранящий колониальную атмосферу викторианской эпохи. Ежедневно в половине шестого вечера на выходящей к морю террасе собираются джентльмены в белых смокингах, дамы в длинных платьях и белых перчатках до локтя. Они пьют из узких бокалов знаменитый «Слинг». Час коктейлей всегда совпадает в Сингапуре с тропическим закатом, ибо солнце на экваторе круглый год садится и встает в одно и то же время.

Именно в отеле «Раффлз» Вертинский впервые пропел о «бананово-лимонном Сингапуре». Однако цитрусовые, как и яблоки, там не вызревают: поскольку длина дня не меняется, во время весеннего цветения им не хватает солнечного света. В песне слово «лимонный», видимо, относится к феерическим

краскам местного заката.

Во второй раз на экватор я попал в Сомали, когда там был с визитом Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный. Тогдашнего главу государства мне уже доводилось сопровождать в Египет, Сирию, Турцию, Иран и Афганистан. Николай Викторович держал себя с журналистами дружелюбно, а когда выпадала свободная минута, любил потолковать по душам, послушать наши байки.

Во время такого мимолетного диалога я посетовал, что в нашей программе нет поездки на экватор, до которого от Могадишо всего час езды. Рассказал про поверье древних бриттов. Мол, интересно отметить на экваторе, стоя одной ногой в Северном, а другой — в Южном полушарии. Микола Викторович рассмеялся и попросил такую поездку организовать («Только без телевизионщиков!»).

Выехали на рассвете, причем я впервые в жизни сидел не в двенадцатой, а в третьей машине эскорта. В месте пересечения нового шоссе с границей полушарий сомалийцы второпях насадили пальмы, которые за ночь успели завянуть. «В узком составе» прошли вдоль линии экватора, обозначенной на песке крупной галькой. И встав лицом к Южному полюсу, выполнили задуманный ритуал.

На обратном пути состоялся памятный диалог с министром информации Сомали, ехавшим в нашей машине.

— Скажите, а у вас в России есть экватор? — поинтересовался он.

— У нас, к сожалению, только Полярный круг.

— Зато у нас в Сомали целых два экватора. Старый, где стоял бюст Муссолини, который мы взорвали, и новый — на шоссе, которое помогли проложить советские специалисты. Теперь будем возить туда важных гостей...

Не знаю, удастся ли мне для полноты картины побывать и на полюсе. Это уже сделала моя дочь, унаследовавшая профессию востоковеда. Она уже повторила то, что я считал двумя экзаменами на звание япониста: во-первых, поднялась на гору Фуцзи, чтобы встретить там рассвет, а во-вторых, шесть часов высаживала рисовую рассаду по колено в холодной весенней грязи. Хотел бы отправиться с ней на Северный полюс, куца наш ледакол стал возить японских туристов. Вот только выполнить в Арктике ритуал древних бриттов будет сложно.

В июне 1986 года меня пригласили в Вену в качестве гостя-докладчика на Генеральную ассамблею Международного института прессы. Данная организация объединяет не журналистов, а владельцев средств массовой информации — газет, телекомпаний, радиостанций. Эти состоятельные люди ежегодно собираются в какой-нибудь из мировых столиц и проводят такие встречи на широкую ногу. Достаточно сказать, что венскую ассамблею открыл президент Австрии, а закрыл — федеральный канцлер.

Вторым гостем-докладчиком был нобелевский лауреат, архиепископ Туту из Южной Африки. Тема встречи — «Восток глазами Запада и Запад глазами Востока» — мне весьма импонировала. А обстановку, в которой проходила дискуссия, можно было назвать моим звездным часом.

Мы сидели в Редутном зале дворца Хофбург, где в 1815 году проходил Венский конгресс. Именно там Бетховен впервые исполнил для коронованных особ Европы свою кантату «Момент славы». Передо мной красовался Государственный флаг СССР, а сидевшие позади эксперты должны были при необходимости снабжать меня аргументами и фактами.

Но все смазал происшедший месяцем раньше Чернобыль. Мой доклад «Восток глазами Запада» вызвал бурю эмоций. Направленность их была отнюдь не в мою пользу. Целых два дня я находился под градом упреков: почему советские средства массовой информации упорно замалчивали истинные масштабы катастрофы, хотя ее последствия стали угрозой для других стран? Почему власти медлили с эвакуацией населения из пострадавших районов и даже не отменили Первомайскую демонстрацию в Киеве?

Словом, досталось, как никогда в жизни. Конец дискуссии вызвал у меня вздох облегчения. Порадовало и то, что бургомистр Вены устроил для участников ассамблеи прощальный банкет с балом в городской ратуше. В величественном зале с готическими сводами, с которых свисали знамена ремесленных гильдий, играл симфонический оркестр.

Бал в венской ратуше начался, разумеется, с вальсов Штрауса. И тут я взял реванш у моих самых яростных оппонентов — американцев. Никто из них не умел танцевать вальс по-настоящему под дирижера, не мог сделать по залу полный круг, вальсировать влево, выполнять фигуры (а в питерском военноморском училище нас всему этому учили).

Молодая австрийка из секретариата ассамблеи оказалась прекрасной партнершей. Когда мы после вальса станцевали еще и польку, нам аплодировал весь зал. А один известный советолог

произнес по-русски: «Бесспорно, в области балета вы впереди планеты всей».

Нужно пояснить, что балет действительно оказался одной из страниц моей биографии. Когда я был гардемарин, к нам в Адмиралтейство приглашали на вечера девушек из Вагановского училища. Так у нас завязалась дружба с кордебалетом Мариинки.

Незадолго до Дня победы эпидемия гриппа вывела из строя вспомогательную часть труппы, встал вопрос об отмене «Спящей красавицы». Мы, четверо гардемарин, пришли к Дудинской (тогдашнему художественному руководителю) и сказали, что вполне сможем сыграть «друзей принца», ибо наизусть знаем все их мизансцены (речь, разумеется, шла не о классическом танце, а о мимансе). После нескольких репетиций нас одели в трико и выпустили на сцену, где мы вставали в картинные позы. -

Где-то посредине между личным участием в трех спектаклях Мариинки и балом в венской ратуше в моей биографии есть еще один эпизод, связанный с балетом, точнее — с балеринами. В 60-х годах, когда я работал в Токио, на гастроли в Японию прибыла балетная труппа Мариинки. В ее составе были две народные артистки — когда-то девушки из кордебалета, с которыми мы, юные курсанты, вместе участвовали в «Спящей красавице» весной 1945 года.

Встретиться с собственной юностью всегда волнительно. Я повез своих гостей в первое высотное здание Токио — гостиницу «Нью Отани». Вращающаяся терраса на ее крыше позволяет любоваться ночными огнями столицы. Но главная достопримечательность там — коктейль «Перл». На эту смесь рома, лимонного сока и льда кладется лепесток свежей розы и настоящая жемчужина, выращенная на плантациях Микимото. Выпив коктейль, можно взять ее себе.

Объясняя все это, я вдруг заметил на лицах своих спутниц тень тревоги. И понял ее причину. Обе гадали, которой из них я отдам свою жемчужину. В голову пришло решение, достойное царя Соломона. Я подозвал официанта и заказал еще три коктейля «Перл». В моем распоряжении оказалось уже шесть жемчужин. На следующий день каждой из балерин доставили в гостиничный номер пару сережек и подвеску. Оправлены они были в позолоченное серебро, хотя звезды Мариинки до сих пор убеждены, что это золото.

Чем поучительна «голландская наука»

Я попал в Голландию после семи лет жизни в Японии и

невольно взглянул на нее глазами жителя Страны восходящего солнца. Прежде всего отмечу: все то, что японцы заимствовали у Запада, они обобщенно именуют словом «рангаку» (буквально, «голландская наука»). Именно голландские мореплаватели первыми из европейцев добрались до японских берегов и получили монопольное право обосноваться в Нагасаки.

Для рассказа о Голландии мало четырех японских критериев красоты. Пожалуй, нужен еще и пятый: прелесть своеобразия. Голландия на редкость колоритная страна. Слово «колорит» означает цвет, оттенок. Своеобразие страны во многом зависит от того, как природа распределяет краски в ее облике. Например, колорит Кипра — это ярко-синее небо, еще более синее море и выцветшая от солнца земля. В Голландии природа распределяет краски иначе. На фоне бледно-голубого неба, серебристо-серой глади вод особенно яркими кажутся травы, деревья и постройки.

Голландия неправдоподобно ровна. Она похожа на бильярдный стол, обтянутый зеленым бархатом. Бархатистый ковер сочных лугов, на которых пасутся черно-белые коровы, расчерчен лентами каналов и кое-где умеренно украшен кирпичными постройками.

Кирпич в Голландии имеет коричневатый оттенок, напоминающий цвет шоколада на изломе. Дело тут, наверное, в качестве местной глины. Но когда видишь целый город, к примеру Амстердам, где из такого кирпича построены старинные дома, кирпичом же вымощены улицы, из кирпича сложены живописные мостики над каналами, начинаешь чувствовать себя в сказочном шоколадном городе.

На фасадах ярко выделяются белые наличники. Раз дома шоколадные, то окна, разумеется, сахарные. Именно они определяют лицо домов и улиц. Никогда не думал, что можно вложить в форму и расположение окон, в конфигурацию оконных переплетов столько фантазии.

Улицы Амстердама ведут свою родословную от торговых рядов. Сначала это были вереницы лавочек. Потом купеческие семьи принялись тут же строить себе жилища, возводя комнату над комнатой. Такой дом имеет по фасаду три окна, иногда два, подчас даже одно. Этот архитектурный ритм создает облик старых улиц Амстердама.

Самое верхнее из окон в мансарде, видимо, считается самым уютным. Там, как правило, восседает старушка в накрахмаленном чепце. Она внимательно наблюдает за происходящим на улице, не переставая шевелить спицами. Там же иногда можно увидеть девицу в купальном костюме, она тянет через соломинку кока-колу. Не исключено, впрочем, что комната в мансарде чаще всего

выглядит обитаемой потому, что человеку, который забрался на четвертый этаж по крутым лестницам, не очень-то хочется спускаться вниз.

Порой кажется: времена средневековья оставили на фронтоне каждого бюргерского дома нечто вроде виселицы. В том месте, где сходятся скаты крыши, непременно видишь торчащую из стены балку с крюком. Почему-то вспоминается картина «Утро стрелецкой казни». Однако балки имеют сугубо бытовое применение. Лестницы в старых голландских домах настолько круты и узки, что по ним нельзя втащить наверх мебель. Гроб с покойником тоже спускают на веревке из окна.

Голландцы живут настежь. Им свойственна привычка ничем не занавешивать свои тщательно промытые окна. Жизнь семьи открыта взорам с улицы. Никаких ставней, никаких портьер. Нет даже прозрачных занавесей. Зеркальное стекло, а за ним, словно в витрине, уютно освещенный семейный очаг. На каждом подоконнике начищенные медные сосуды, в которые голландцы ставят горшки с цветами. В глубине комнаты видишь кресла, диваны, буфеты с посудой, керамические тарелки на стенах. Жизнь есть жизнь, считают голландцы, и незачем скрывать ее от посторонних глаз.

Если бы я сел в Амстердаме за руль, то наверняка в первый же день свалился бы в канал. Поначалу мне казалось, что здешние водители слишком жмутся к домам, оставляя свободной проезжую часть. Лишь потом понял: ездить здесь приходится по узким неогражденным набережным, а серединой улиц служит вода, текущая почти вровень с берегами.

На узких амстердамских улицах с автомобилями успешно конкурируют велосипеды. Часто видишь: человек подъехал на машине, хлопнул дверцей, пересел на прислоненный к фонарному столбу велосипед и углубился в переулок. Куда ни глянь, всюду велосипеды, словно брошенные на произвол судьбы. Амстердамцы на несколько лет уезжают за границу, а по возвращении находят свои велосипеды там же, где их оставили.

Кроме шоколадного кирпича и сахарных наличников, голландский город состоит еще из зеркального блеска. Сверкают витрины и оконные стекла (может показаться, что у голландцев нет других забот, кроме как мыть их каждое утро). Из зеркального же блеска состоит и поверхность каналов. Ходишь по их неогражденным берегам и видишь сразу не один, а два города. Порой трудно бывает понять, какой из них настоящий, какой — иллюзорный.

Амстердам склонен к самолюбованию. Он любит смотреться в зеркало собственных вод. Хорошо пройти по городским

набережным в предвечерний час. Густеет синева неба. В каналах отражаются фронтоны бюргерских домов, которые соперничают друг с другом формой окон и конфигурацией черепичных крыш. Вспыхивают неоновые рекламы, удваиваясь в воде. Над притихшим городом разносятся удары колоколов. Этот звон словно бы тоже падает в воду тяжелыми каплями.

Утки деловито собирают корм среди лепестков цветущих вишен, заставляя трепетать отраженные дома, вереницы неподвижных автомашин. Пожалуй, лишь ряды этих дремлющих разноцветных автомобилей вносят что-то от нашего века в облик города, каким его когда-то увидел Петр I.

Своеобразие Амстердама глубже понимаешь, сравнивая его с другими голландскими городами, например с Гаагой. Слово «Гаага» буквально означает «графская изгородь». Тут было поселение графов, ставшее городом дворцов и посольских особняков. Дома в большинстве своем двухэтажные, окруженные садами. Они не теснятся, как в бюргерском Амстердаме. Порой эти утопающие в зелени улицы напоминают царскосельские парки.

В своеобразном разделении политических ролей двух городов сказала вековая вражда графской знати и ганзейских купцов. В Гааге находится резиденция королевы, заседает парламент. Тут же размещены иностранные посольства, штаб-квартиры политических партий. Но столицей Голландии по конституции является Амстердам. Именно там парламент проводит свое первое заседание, чтобы выслушать тронную речь королевы.

После Амстердама воздух в Гааге кажется удивительно свежим. Море здесь рядом. К тому же к городу подступает огромный лесопарк, который тянется до курорта Схевенинген. Вереница приморских отелей образует многокилометровый променад. Полоса дюн похожа на Рижское взморье.

Мерно накатывают волны. В вечерней тишине шарит по просторам Северного моря луч маяка. Мой спутник снисходительно объясняет, что вон там, слева, где восходит луна, находится Англия, прямо за горизонтом — Норвегия, а чуть правее — Дания.

В Схевенингене, как, впрочем, и в других прибрежных городах, славятся селедочные. Это киоски, где рыбаки-виртуозы священнодействуют над свежайшей голландской сельдью. Искусство разделки состоит в том, чтобы раздвоенная и очищенная от костей рыбина оставалась целой. Посетитель берет селедку за хвост, макает в рубленый лук и разом, не выпуская из пальцев, съедает. Кроме ее несравненных вкусовых качеств, поражает полное отсутствие рыбного запаха. Правда, лакомство

это коварно: возбуждает невероятный аппетит и желание выпить пива.

Парадокс Голландии: несмотря на краткость расстояний между городами, она остается просторной страной. Я удивился, узнав, что от Гааги до Роттердама всего восемнадцать километров — примерно столько же, как от Токио до Иокогамы. Но если эти два японских города на побережье Токийского залива давно срослись воедино, то между Гаагой и Роттердамом сохранилась широкая полоса сельской природы. К тому же на этих 18 километрах поместился еще и город Дельфт, известный своей керамикой.

Голландская живопись — тема для отдельного разговора. Лично для меня откровением стал Ван Гог. Совершенно по-иному воспринимаешь колорит его картин, находясь на родной земле художника. Кучевые облака, зелень пастбищ, серебристая гладь каналов, голубые силуэты колоколен на горизонте — краски в этой стране чисты и свежи, не будучи крикливыми. Благородством оттенков они напоминают старую эмаль.

Мне было интересно увидеть две картины Ван Гога, датированные 1888 годом: «Мост под дождем» и «Цветы сливы». Художник сам дал им общее название: «По мотивам Хиросиге». Так я смог воочию убедиться, что Ван Гог, подобно другим импрессионистам, увлекался японскими цветными гравюрами эпохи Токугавы.

Голландия и Япония. Между этими странами куда больше различий, чем сходства. Японская пословица гласит: для большинства людей солнце встает из-за моря и садится за горы, для меньшинства — наоборот. В Стране восходящего солнца действительно нельзя увидеть равнину, которая простиралась бы от горизонта до горизонта.

Голландия похожа на Японию, пожалуй, лишь в том, что в обеих этих странах почти не увидишь невозделанного клочка земли. Но если японским земледельцам приходилось веками вырубать террасы на горных склонах, то голландцы отвоевывают сушу у моря.

Если уж проводить параллели, то Голландия — это Япония, с территории которой убрали горы и холмы, а заодно все, что является надругательством над природой, над красотой. Едешь по безукоризненно чистой стране и думаешь: куда же девались эти вроде бы неизбежные побочные последствия индустриализации? Ведь не скажешь, что Голландия — это пастораль. Ошибочно считать, будто голландцы лишь доят коров, выращивают тюльпаны и ловят сельдь. Голландия — высокоразвитая индустриальная держава. Но ей удалось нарастить мускулы и в то

же время избежать засорения страны промышленными отходами.

Люди тут не без гордости говорят: Бог создал землю, а голландцы — Голландию. Больше половины территории страны лежит ниже уровня моря. С этим трудно свыкнуться. Всякий раз испытываешь чувство тревоги, когда едешь по скоростному шоссе и вдруг видишь, как рядом, за дамбой, гораздо выше твоей автомашины, проплывает морской сухогруз.

Большинство населения Голландии живет в общей дельте трех рек: Рейна, Мааса и Шельды. С незапамятных времен земледельцы отвоевывают у моря все новые и новые польдеры-участки плодородной земли. Даже ветряные мельницы, ставшие привычным символом Голландии, чаще не мелют зерно, а откачивают воду с полей.

Серые ленты каналов и серые ленты автострад — вот два поколения артерий, прорезавших ухоженные голландские равнины. Если каналы, словно кровеносные сосуды, органически входят в жизнь Голландии, то автострადы как бы рассекают ее ножом хирурга. Мчится машина. По краям дороги видишь зеленые луга, пасущихся черно-белых коров. Луга обрамлены лишь канавками, скрытыми в высокой траве. И со стороны кажется, что коровы совершенно свободно разгуливают по неоглядной равнине.

Плотность населения в Голландии — 347 человек на квадратный километр. Это больше, чем в Японии. Но тут поражаешься не многолюдью, а безлюдью. Вроде бы небольшая страна, а сколько простора! Ровная гладь полей. Лишь иногда в их зеленый бархат врываются неправдоподобно яркие полосы: кроваво-красные, канареечно-желтые, бело-зеленые. Плантации тюльпанов!

Голландцам совершенно не присущ комплекс малой нации. Они с гордостью говорят о своей стране, о ее вкладе в мировую историю. Во многих областях общественных и производственных отношений, науки и искусства голландцам действительно довелось быть первопроходцами.

На протяжении нескольких веков Голландия владела империей, была одной из ведущих морских держав. «Летучие голландцы» бороздили океаны, открывали новые земли, как уже отмечалось, первыми добрались до загадочной «страны Чипингу», то есть до Японии.

При посещении Голландии я то и дело вспоминал слово «рангаку». Может быть, для современного мира, который оказался на пороге экологического кризиса, поучительны некоторые аспекты «голландской науки»? Разве не стала в наши дни актуальной способность голландцев преобразовать природу, не

совершая надругательства над ней? Поучительно и умение голландцев всегда и во всем беречь пространство. Голландские города строят очень экономно, хотя их новые районы отнюдь не представляются тесными.

Не случайно знаменитые художники голландской школы предпочитали миниатюрные холсты, любили рассматривать предметы с близкого расстояния. Это умение беречь и ценить пространство многое добавляет к очарованию Голландии.

Часть 5. Вокруг света

На полпути к небу

Чтобы увидеть чудо природы, именуемое Метеора, нужно проехать от Афин 350 километров и пересечь почти всю Грецию с юго-востока на северо-запад. Путь лежит через равнину Тессели — житницу страны. Красно-бурым ковром расстилаются убранные и перепаханные на зиму поля. За очередным перевалом вдруг открывается заснеженный ландшафт. Но это, конечно, не снег. Это белеют корбочки хлопчатника.

Снова поля, оливковые рощи, равнины, чередующиеся с горами. И вдруг будто в сказке попадаешь в какой-то совершенно иной, волшебный мир. Метеора — уникальное геологическое образование. Около тысячи каменных столбов высотой 200–300 метров вздымаются своими кручами над окружающей равниной Тессели. Они напоминают развалины гигантского сказочного дворца.

К этому чуду природы добавлены не менее чудесные творения человеческих рук. На плоских вершинах многих каменных столбов уже шесть веков существуют православные монастыри. Они построены на крохотных труднодоступных площадках каким-то непостижимым способом. Ниже их в отвесных скалах темнеют ряды пещер — скиты отшельников.

Говорят, будто поблизости когда-то было горное озеро. После землетрясения его воды вырвались на соседнюю равнину и промыли на своем пути глубокие ущелья. Я видел нечто подобное, когда осматривал американский каньон Колорадо или лессовое плато в излучине китайской реки Хуанхэ. Но Метеору каньоном не назовешь, ибо ущелья здесь как бы слились воедино, а от бывшего плоскогорья остались лишь крохотные изолированные островки. Пожалуй, их можно сравнить с Красноярскими столбами на Енисее.

«Я был глубоко взволнован, увидев на фоне вечернего неба эту группу каменных столбов. Самый высокий из них, как перст указывал на мерцавшую в небе звезду. Ощущение отрешенности, вызванное этим зрелищем, было столь сильным, что рождало чувство необъяснимого душевного подъема. Контур холмов был поражающе необычен. Казалось, что их начертала на бумаге рука наполовину бессознательного человека, который позволял своему перу круто перемещаться вверх и вниз, в то время как его мысли находились где-то далеко».

Так полтора века назад описал Метеору англичанин Ричард Миллз, побывавший в Греции одновременно с Байроном.

Действительно, каждая святая обитель словно плавает в волнах голубоватого воздуха. Утопающие в зелени красные черепичные крыши и белые стены монастырей над серыми скалами находятся в божественной гармонии с окружающей природой. Здесь царит гулкая тишина, лишь изредка прерываемая перезвоном колоколов. Она усиливает ощущение отрешенности от мирской суеты, как бы устраняет барьеры, разделяющие природу и человеческую душу. Кажется, уже оторвался от грешной земли и находишься на полпути к небу. Кстати, слово «метеора» по-гречески означает «парить над землей».

Основателем Метеоры считается Святой Афанасий, поселившийся шесть веков назад на самом высоком из каменных столбов. Остается загадкой, как он туда взобрался. Ведь надо преодолеть вертикальный подъем на высоту 250 метров, равный восьмидесятиэтажному дому. Либо Афанасий был первоклассным скалолазом, либо, если верить преданию, вознесся на крыльях орла.

«Монах Афанасий с помощью Святого Духа поднялся на вершину скалы, которая по праву получила имя Большой Метеорон, ибо была выше всех других. Там он нашел святое место для успокоения души, подлинный рай на земле», — писал греческий патриарх Митрофан Третий.

Афанасий родился в 1302 году в знатной семье, получил хорошее образование. Много скитался, скрывался от турок, был монахом на горе Атос, затем пришел в долину Тессели, где увидел удивительные скалы. На макушке самой высокой из них, площадью всего полгектара, Афанасий основал монастырь Большой Метеорон. В 1382 году была освящена заложенная им церковь Преображения, сохранившаяся до наших дней.

До 1923 года подъем к святой обители был сложной и рискованной операцией. Добраться туда можно было лишь с помощью нескольких веревочных лестниц или в сетке, похожей на большую авоську. А уж скиты самого Афанасия и других отшельников были еще недоступнее.

Вслед за Большим Метеороном на соседних каменных столбах в конце XIV века возникло еще два десятка православных монастырей. Они получили общее название Литополис, то есть «город на скалах». Это было трудное для христиан время. С востока надвигалась турецкая угроза. Монастырям требовалась поддержка мирных властей. Они нашли ее в лице правителя сербского княжества Трикала. Его звали Симеон Урик. Он

породнился с древним византийским родом Палеологов. Впоследствии постригся в монахи и стал преемником основателя Метеоры.

В Литополисе — «городе на скалах» — жили тысячи православных монахов-аскетов. Большую часть времени они проводили в своих скитах и лишь по воскресеньям собирались на богослужения. Наедине с природой они учились быть мудрыми в мыслях и скромными в желаниях. Метеора была духовным оазисом, как магнит привлекая отовсюду христианских паломников.

Монастырь Варлаама был основан монахом, который поселился тут в 1350 году и оборудовал себе скит на высоте более трехсот метров над долиной. Первые аскеты взбирались на скалу с помощью веревочных лестниц и врезанных в камень бревен с блоками. Пока монахи крутили скрипучий ворот, посетитель в сетке полчаса раскачивался над пропастью.

Самое красивое здание монастыря Варлаама — его главная часовня. По преданию, ее построили в 1542 году всего за 22 дня, однако материалы для нее пришлось заготавливать 22 года. Такой срок весьма правдоподобен не только для Средневековья, но и для наших дней. Я видел, каких трудов стоит поднимать на макушки каменных столбов мешки с цементом, даже имея лебедку с электромотором и металлические тросы.

Основанные в XIV веке обители на скалах особенно процветали в XV и XVI веках. Именно тогда в Метеоре появились фрески. Стиль росписей сложился под влиянием известного иконописца Феофана с острова Крит. В 1527 году он расписал здесь церковь в монастыре святого Николая. Потомственный иконописец, Феофан воплощал силу религиозного чувства в соответствии с канонами своего времени. Как принято в византийском искусстве, он изображал природу в стилизованной манере, словно отстраняя свою композицию от земной жизни.

Даже беглое знакомство со старинными фресками в монастырях Большой Метеорон, Варлаама и святого Николая дает богатую пищу для размышлений. Во-первых, человеку, увидевшему каменный лес Метеоры, уже не кажутся гиперболическими очертания горных круч на старинных византийских иконах. Они столь же реалистичны, как пейзажи китайских художников в жанре «гохуа». (Я видел их праобразы — горы в провинции Гуанси.) Во-вторых, большой соблазн предположить, что Феофан с Крита, чьими фресками славится Метеора, был потомком Феофана Грека, расписывавшего вместе с Андреем Рублевым в конце XIV века соборы Московского Кремля. Ведь мастеров в старину было принято именовать по месту их

происхождения. И потомок живописца, которого на Руси звали Феофан Грек, на родине мог был бы зваться Феофан с Крита.

Меня также поразило, что персонажи византийских икон часто изображены в «позе созерцания» буддийских святых. И далее. Соединение большого и безымянного пальцев руки на Востоке считается жестом медитации. Случайна ли наша щепоть при осенении себя крестом?

Да и сам крест, который на Западе считают символом христианства, судя по всему, имеет азиатское происхождение. Я убедился в этом в Тибете. Равносторонний крест, то есть четыре луча, расходящиеся из одной точки, с давних пор служат в Шамбале (в Тибете) и в Беловодье (на Алтае) символом всепроникающего Высшего разума.

Именно равносторонний крест был изображен на знаменах Аттилы во время нашествия гуннов на Европу. У них христиане, по всей вероятности, его и заимствовали. Ведь к мученической смерти Иисуса крест не имеет отношения. Людей в то время распинали не на крестах, а на Т-образных балках, о чем свидетельствуют картины добросовестных художников.

Так что разговоры о бремени белого человека — нести крест в другие части света, дабы приобщить туземцев к благам цивилизации, были лишь прикрытием для оправдания колониальных захватов. У Европы нет основания кичиться некоей исключительной миссией — особенно перед Азией.

Таинственное предназначение пирамид

Египетские пирамиды — первое из семи чудес света, как называл их Геродот, — я увидел в пятницу 25 декабря. И думаю, мне повезло. Не потому, что это был день Рождества Христова, о чем напоминала искусственная елка в холле гостиницы «Шератон», а потому, что в арабских странах пятница — выходной день. Я увидел пирамиду Хеопса, когда она была окружена пестрой толпой каирцев, для которых выезд на плато Гиза служит излюбленной формой досуга в нерабочие дни.

Вокруг пирамид было шумно. Пахло очень древней пылью и очень свежим навозом. Ведь помимо людей всех возрастов, здесь были представлены все местные виды домашнего скота. Погонщики верблюдов, одетые бедуинами, гонялись за иностранными туристами, наперебой приглашая их сняться на фоне пирамид. Ковровые попоны между верблюжьими горбами служили единственными яркими пятнами для цветных снимков, так как и верблюды, и пирамиды, и вплотную подступавшая сюда

Сахара — все было окрашено в блеклые рыжеватые тона.

Кроме верблюдов, тут было много лошадей, запряженных в легкие повозки, а также философски настроенных ослов. Их водили под уздцы мальчишки, словно сошедшие с картины Александра Иванова «Явление Христа народу».

На скалистом плато к западу от Нила цепочкой выстроились три главные пирамиды. Первую из них построил Хеопс, вторую — его сын Хефрен, третью — внук Микерин. Если нанять верблюда или осла (я предпочел взгромоздиться на верблюда), можно объехать все три пирамиды и хорошо их рассмотреть. Меня то и дело обгоняли всадники. Навстречу шагали экскурсии школьников. Не выходя из огромных лимузинов, щелкали камерами богатые американцы.

Приближаясь к пирамиде, испытываешь странное чувство какого-то смещения или, вернее сказать, несовмещения пропорций и масштабов. Своеобразный оптический обман делает пирамиду более пологой. Лишь видя людей, расположившихся на ее нижних ярусах, с удивлением убеждаешься: каждый из каменных уступов, которые издали воспринимаются как ступени лестницы, в действительности имеет чуть ли не метровую высоту.

Пирамиды сооружались фараонами с XXVIII по XVI век до нашей эры. Простота формы в сочетании с гигантскими размерами создает поразительное ощущение вечности и величия. «Человек страшится времени, время же страшится пирамид», — гласит египетская поговорка. Первоначально высота пирамиды Хеопса составляла 146,6 метра. Сейчас она на девять метров ниже, ибо ее верхушка значительно разрушена. На строительство большой пирамиды пошло 2 миллиона 300 тысяч гранитных блоков весом две с половиной тонны каждый. При сооружении внутренних помещений использовались и более тяжелые плиты.

Почему же все-таки пирамиды? Может быть, потому, что фараон считался наместником бога Солнца. Когда солнечные лучи прорываются сквозь облака, они конусом падают на землю, расходясь подобно граням египетских пирамид...

В древности пирамиды на плато Гиза были облицованы полированным песчаником, а вершины их — золотыми пластинами. По утрам в пустыне, еще погруженной в темноту, первые лучи солнца создавали вокруг фараоновых гробниц сказочный золотой ореол.

Пирамиды и сейчас особенно красивы перед восходом и на закате. Правда, остатки облицовки сохранились лишь на вершине пирамиды Хефрена. Еще в XIV веке один французский путешественник видел пирамиду Хеопса, до половины покрытую облицовкой. Однако на ее нижних ярусах, по свидетельству

француза, как муравьи, копошились люди, отбивавшие облицовочные плиты.

Из этого светлого, чуть просвечивающего камня, похожего на мрамор, построены многие мечети и дворцы Каира. Гранитный же остов египетских пирамид пережил даже не века, а тысячелетия. На него не смогли посягнуть ни время, ни люди.

Размеры египетских пирамид поражали всех, кто их видел. По свидетельству очевидцев, Наполеон отказался взбираться на пирамиду Хеопса вместе со своими генералами. Но за время их восхождения успел подсчитать, что из ее камней можно было бы построить вдоль всех границ Франции стену трехметровой высоты.

По современным подсчетам, только для укладки каменных блоков пирамиды Хеопса было затрачено более миллиарда человеко-часов тяжелого труда. Геродот утверждает: на строительстве пирамид каждые три месяца сменялась сотысячная армия рабочих. Современные исследователи полагают, что строителей было еще больше, но работы, по всей вероятности, носили сезонный характер.

Пирамиды на плато Гиза были воздвигнуты в период наивысшего расцвета власти фараонов Древнего царства. Они превосходят все созданное человеком за тысячелетия как размерами, так и совершенством выполнения грандиозных строительных работ. Размеры каждого из миллионов гранитных блоков выдержаны до миллиметров. Грани пирамид на плато в Гизе обращены строго на север, восток, юг и запад. Они непостижимо ровные! Почему же эти грандиозные сооружения, воздвигнутые более четырех тысячелетий назад, отличаются такой математической точностью?

Среди западных египтологов давно получила хождение гипотеза о том, что пирамиды предназначены служить мощными генераторами силовых полей Земли. Древнеегипетским жрецам приписывают способность выявлять эту неведомую энергию и использовать ее для того, чтобы творить чудеса: исцелять тяжелобольных, доводить толпу до религиозного экстаза.

В конце XIX века основательница теософии Елена Блаватская высказала мысль: пирамида Хеопса воплощает в себе принципы геометрии, астрономии и астрологии. Еще историки древности, в частности Иосиф Флавий, писали, что в пирамидах — накопленные египтянами знания. По мнению современного английского ученого Тейлора, в размерах, пропорциях и других параметрах Большой пирамиды зашифрованы математические и астрономические формулы.

Немало написано и о таинственном воздействии Большой

пирамиды на человеческую психику. Многие, попав в погребальную камеру Хеопса, чувствуют себя плохо, порой даже теряют сознание. Такое, например, случилось с Наполеоном. Сравнительно недавно англичанин Брайтон добился разрешения провести ночь внутри пирамиды Хеопса. Наутро его извлекли оттуда в бессознательном состоянии. Причем он толком не мог объяснить причины охватившего его там безотчетного ужаса.

В 1967 году американский физик Альварес разместил в погребальной камере пирамиды Хеопса большое количество современного телеметрического оборудования. Все было готово для эксперимента, но как раз вспыхнула «шестидневная война» между Израилем и Египтом. (Не поразительно ли, что 22 июня 1941 года, когда советские археологи вскрыли гробницу Тамерлана, на нашей земле тоже разразилась война.)

Пирамидам посвящено столько былей и небылиц, что порой трудно отделить одну от другой. Но ученым пришлось признать, что при строгом соблюдении определенных пропорций, а также ориентации граней по сторонам света, гробницы фараонов имеют пока еще не объясненные наукой свойства.

В 1959 году чехословацкий инженер Карел Дрбал случайно обнаружил: оставленное им внутри пирамиды старое бритвенное лезвие вновь стало острым. То же самое повторилось при последующих экспериментах. Дрбал сделал уменьшенную копию пирамиды Хеопса (основание относилось к сторонам, как 15,7:14,94). Если в модель, отвечающую этой пропорции, поместить тупое лезвие, оно как бы затачивается само собой. Дрбал получил официальный патент на «хеопсовый затачиватель лезвий».

К востоку от пирамиды обычно находится храм для заупокойного культа, от него ведет мощеная дорога к Нилу. Когда-то пирамида Хефрена составляла единый комплекс с таким гранитным храмом, руины которого остались около Большого Сфинкса.

Колоссальная фигура Сфинкса (по высоте ее можно сравнить с шестизэтажным домом) вырублена из цельного камня. Мифическое существо с туловищем льва и головой человека смотрит на восток. Хотя лицо Сфинкса было изуродовано в Средние века, кажется, что оно и доныне сохранило свою загадочную улыбку, которую видели еще Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон Бонапарт.

Вечером здесь же, перед Сфинксом, у полуразрушенных пилонов заупокойного храма Хефрена, я, как и множество других людей, попавших в Каир, смотрел представление «Звук и свет». Погасли фонари, плато погрузилось во мрак. И словно чья-то

невидимая рука зажгла над ним бесчисленные звезды. Чем ярче становились они, тем отчетливее проступали на черном бархате неба три островерхих силуэта.

И вот скрытые прожекторы вдруг осветили золотистым сиянием обращенное на восток лицо Сфинкса. Мощные динамики разнесли его воображаемый голос:

— Тысячи и тысячи раз солнце нового дня коснется моего лица. А древнейшее из человеческих свершений останется непревзойденным в своем величии...

Лучи прожекторов гасли и вспыхивали вновь, по очереди освещая то одну, то другую, то третью пирамиду, сопровождая рассказ Сфинкса о том, как строились эти гробницы фараонов, как жили люди в Древнем Египте.

Иногда свет возникал позади пирамид, высвечивая их безукоризненные силуэты. Эти тени минувших тысячелетий как бы принимали вызов, который бросали им звезды. Потому что звезды над пустыней тоже говорили о вечности.

Не поразительно ли, что форму четырехгранных пирамид (правда, усеченных) придавали своим храмам и древние обитатели Америки — инки, ацтеки и майя. Причем их монументальные сооружения тоже использовались там жрецами как генераторы некоей неведомой энергии, способной воздействовать на состояние атмосферы, то есть, проще говоря, для молений о дожде.

Чудо на Замбези: водопад Виктория

В семь часов утра я сел в самолет, который ежедневно возит туристов из Хараре на водопад Виктория. Меньше часа полета — и мы в самой западной точке страны, где сходятся границы Зимбабве, Замбии и Ботсваны.

Замбези — четвертая по длине африканская река после Нила, Конго, Нигера; единственная из них, которая течет на восток и впадает в Индийский океан. Водопад Виктория расположен примерно на середине ее.

Раскрашенный под зебру автобус доставляет нас к воротам национального парка Виктория-фолс. До водопада предстоит пройти пешком. Уже за несколько километров явственно слышен тяжелый, неумолкающий гул. А над горизонтом курится белое облако. «Гремящий дым» называют водопад местные жители. Таково их поэтическое восприятие этого чуда природы.

— Имейте в виду, что август — конец сухого сезона. Дождей в этих местах не было с апреля. Так что Замбези сбрасывает сейчас

каждую минуту лишь 450 миллионов литров воды, а не 600 миллионов литров, как в период паводка...

Экскурсовод говорил это с почти виноватым видом, как бы извиняясь. Но грохот водопада, заглушавший его слова, напоминал, что и 450 миллионов литров в минуту отнюдь не мало.

Общая ширина базальтового уступа, с которого низвергается Замбези, составляет примерно 1700 метров. Даже во время половодья занавес водопада не бывает сплошным. Торчащие из пены утесы делят поток на пять частей. К правому берегу примыкает самый узкий и самый неистовый из них — Чертов водопад. Между его краями всего 27 метров. Поэтому стометровый обрыв, с которого падает вода, кажется особенно высоким.

Здесь же, на правом берегу, находится памятник неугоминому шотландцу, открывшему чудо на Замбези для мировой науки. Дэвид Ливингстон в походной одежде стоит, подбоченясь, на невысоком гранитном монументе.

Спускаюсь от памятника по мокрым крутым ступеням, чтобы взглянуть на Чертов водопад снизу. Поистине «гремящий дым»! Что-то завораживающее есть в неумолчном гуле, в сказочной круговерти. На фоне спадающих вниз потоков воды в противоположном направлении непрерывно поднимается белый пар. Мириады просвеченных солнцем водяных капель клубятся над обрывом.

Каждому человеку присущ свой мир ассоциаций. Мне, например, Чертов водопад напомнил произведение классической китайской живописи. Это был типичный образец жанра «горы и воды» со всей присущей ему стилизацией. Та же черно-белая гамма, та же вертикальная композиция, та же фантастическая крутизна скал, с которых низвергаются водяные струи. Дальше, за базальтовым утесом, начинается Главный водопад. В половодье ширина его занавеса составляет 830 метров. Теперь этот занавес как бы порван торчащими из пены каменными выступами. Туристская тропа, проложенная по обрывистой кромке правого берега, позволяет любоваться водопадом на всем его протяжении. Она ведет через «лес дождей», похожий на оранжерею. Вокруг мокрая листва, мокрые лианы. Зонт не спасает, так как приходится идти сквозь сплошную пелену мельчайших дождевых капель, парящих в воздухе.

Почти двухкилометровая прогулка вдоль водопада. Какое раздолье для тех, кто снимает! С прогулочной тропы все время видишь могучую реку, текущую прямо на тебя. Она плавно и неторопливо движется по широкой равнине, оставляя в своем

русле песчаные отмели и поросшие пальмами острова. Но вдруг убыстряет бег и проваливается в каменную щель стометровой ширины и такой же глубины.

Упав с головокружительного уступа, Замбези вынуждена круто изменить свое течение. Путь вперед ей преграждает отвесная каменная стена. И река под прямым углом поворачивает влево. Водопад в сочетании с водоворотом — вот что представляет собой чудо на Замбези.

Главный водопад обрамлен двумя островами. Первый, базальтовый утес, называется «Катаракт». Второй носит имя Ливингстона. Именно на него высадился исследователь Африки, приблизившись к водопаду на каноэ 16 ноября 1855 года.

После провозглашения независимости Родезии, когда она стала называться Зимбабве, а ее столица Солсбери была переименована в Хараре, когда повсюду сносили монументы, напоминавшие о британском колониальном господстве, было решено сохранить памятник Ливингстону на прежнем месте и не переименовывать остров, названный в его честь. Борцы за свободу Африки с уважением отнеслись к выдающемуся исследователю Черного континента.

Напротив острова Ливингстона туристская тропа выходит на степной участок. Здесь шелестит пожелтевшая трава, а падающая вода шумит уже метрах в ста левее. У водопада Лошадиная подкова, как и у соседнего, Радужного, можно наконец рассмотреть дно ущелья, по которому змеится зеленоватая лента Замбези. И вот передо мной пятый по счету, Восточный водопад. В сухой сезон его занавес напоминает отдельные пряди седых волос, свисающие с замшелого обрыва коричневатого-угольного цвета.

Снова окидываю взором чудо на Замбези. Пожалуй, самое поразительное здесь — контраст между спокойным, неторопливым течением реки, ее ленивой, маслянистой гладью и как бы рождающейся из нее «обителью разгневанных богов», гремющей и клокочущей смесью падающих струй и поднимающихся водяных капель.

Ощущение чуда усиливается еще и тем, что водопад Виктория доньше предстает перед нами таким же, каким его увидел Ливингстон. За это следует воздать должное англичанам. Ни одной современной постройки, ни одного рекламного щита, которые так раздражают на Ниагаре! Люди приложили немало усилий, чтобы национальный парк Виктория-фолс стал более удобным для посетителей. Но сделано это деликатно и незаметно.

Ступени бетонных лестниц облицованы каменными плитами

неправильной формы. Пешеходные тропы не заасфальтированы, а присыпаны гравием. Упавшие вековые деревья превращены в скамейки для отдыха. Даже проволочная ограда над кручами скрыта от глаз колючим кустарником. А хижина с крышей из пальмовых листьев оказалась туалетом, оборудованным не хуже аналогичных заведений в Виндзорском парке. Чистота, умывальник с полотенцем — вот тебе и Африка между реками Замбези и Лимпопо, где, как мы знаем с детства, лечил зверей добрый доктор Айболит.

Купола Исфахана и розы Шираз

Впервые я попал в Иран еще при шахе — сопровождал нашего тогдашнего главу государства Николая Подгорного во время его официального визита. На дворцовом приеме меня познакомили с младшим сыном шаха. По поручению отца он занимался возвращением на родину шедевров национальной культуры, скупал по всему миру персидские ковры, персидские миниатюры, старинные издания персидских поэтов.

Принц поинтересовался, не родственник ли я Овчинникова. А поскольку ответить на подобный вопрос я мог только утвердительно, он предложил посмотреть собранную им «крупнейшую в мире коллекцию Овчинникова».

Так я узнал то, о чем в советское время родители предпочли мне не рассказывать. Оказалось, надпись «Павел Овчинников» на серебряной сахарнице и витых чайных ложечках, унаследованных моим отцом от родителей, — это фирменное клеймо двоюродного брата моего деда, известного в XIX веке ювелира. Основоположник русской перегородчатой эмали на серебре, он прославился на нижегородских ярмарках и поныне высоко ценится на мировых аукционах.

Будучи в Англии, я спросил «что-нибудь от Овчинникова» в антикварной галерее аукциона «Сотби». Мне предложили старинную шкатулку с дюжиной чайных ложечек. Но такой семейный сувенир стоил пятнадцать моих месячных лондонских зарплат. Пришлось от него отказаться.

Как специалист по национальной культуре, сын шаха настоятельно рекомендовал мне побывать в Исфахане, архитектуру которого можно назвать мостом между Средней Азией и Ближним Востоком, а также в Ширазе — городе роз и соловьев, столице персидской поэзии и персидской художественной миниатюры.

Исфахан — это полмира. Так издавна говорили о городе

иранцы. Он особенно прославился с тех пор, как в конце XVI века шах Аббас I сделал его своей столицей. Все в Исфахане — от бирюзовых куполов мечетей до белокаменных бассейнов — носит на себе печать искусства, предназначенного не только вызывать восхищение, но и напоминать о всемогуществе повелителя. Пожалуй, именно здесь можно понять своеобразную смесь жестокости и утонченности, варварства и просвещения, характерную для эпохи шаха Аббаса.

Он любил устраивать состязания по игре в поло. С дворцовой террасы шах увлеченно следил за двумя командами всадников, которые клюшками гоняли по полю мяч, стремясь забить его в ворота соперников. Поло увековечено на старинных персидских миниатюрах. Впоследствии эта придворная игра — нечто вроде хоккея верхом — через Индию пришла в Европу. Большим любителем ее в наши дни является наследник британской короны принц Уэльский.

Исфахан был знаменит со средних веков. Захватив город в конце XIV века, Тимур именно здесь набирал мастеров, чьи творения прославили потом его столицу Самарканд. Но наивысший расцвет исламской архитектуры, искусства отделки куполов и фасадов изразцовой мозаикой наступает в XVI–XVII веках, в годы правления шаха Аббаса. Построенные при нем мечети, медресе и мавзолеи объединяют в себе лучшие художественные традиции народов Средней Азии и Среднего Востока, которые издавна были взаимосвязаны и обогащали друг друга.

Здесьние зодчие проявили большую смелость, придав оттенки синевы исфаханским куполам. Голубой купол на фоне почти всегда безоблачного неба — казалось бы, абсурдный замысел! Но именно он придает исфаханским мечетям изысканную легкость. В изразцовых мозаиках варьируются различные оттенки синего цвета, от бирюзы на куполе до ляпис-лазури на фронте, где на этом темно-синем фоне белеет вязь изречений из Корана. Во дворе шелестят сгорбленные от старости чинары. Усевшись под их ветвями, семинаристы решают задачи по геометрии. И это имеет особый смысл среди геометрических орнаментов, украшающих стены.

Да, исламское искусство — искусство символов, выражающееся как бы языком математических формул. Лишь кое-где на куполе робко напоминают о себе растительные орнаменты, которые позднее прославятся на персидских коврах. Что и говорить, мусульманское зодчество прежде всего орнаменталистика. Но это, я думаю, лучшее, на что способна орнаменталистика.

Шах Аббас переселил в окрестности Исфахана армян из Джульфы, предоставил им религиозную автономию, возможность заниматься ремеслами. Здесь же, неподалеку от базара, жили голландцы и англичане. Ведь Исфахан был одним из центров торговли с Ост-Индской компанией. В городе с полумиллионным населением ошивалось немало европейских авантюристов.

Главная архитектурная достопримечательность Исфахана — Шахская мечеть. Ее бирюзовый купол с золотистым узором тоже окантован темно-синей полосой с белыми письменами из Корана. Со строительством Шахской мечети связана притча о нетерпеливом заказчике и упрямом зодчем. Шах Аббас действительно торопил своего архитектора с завершением работ. (И не случайно, ибо мечеть была освящена буквально за год до его смерти.) Доказать могущественному правителю, что новое здание должно устояться по крайней мере пять лет, прежде чем его можно отделять изразцовыми мозаиками, судя по всему, было нелегко. И зодчий попросту сбежал из страны, объявившись в Исфахане лишь пять лет спустя, когда его можно было либо казнить, либо дать завершить работу.

Рядом с Шахской мечетью тянутся ковровые мастерские. Овечья шерсть, шелк для основы и, наконец, орнаменты, перенесенные с изразцовой мозаики, — вот составные элементы прославленных персидских ковров. На каждый квадратный сантиметр хорошего ковра приходится 165 узлов. Невероятно трудоемкое искусство!

Кроме Исфахана, иранцы боготворят Шираз — город роз и поэтов. Признаюсь, попав туда, я был прежде всего поражен скудной растительностью прославленных мест. Вокруг совершенно голые, безжизненные горы. Единственное яркое пятно — гладь соленого озера с белыми, будто заснеженными, берегами. Иранцы считают, что в Ширазе мягкий климат — не слишком знойное лето, не слишком холодная зима, всегда ясное небо и звездные ночи, настраивающие на поэтический лад.

Облаков над Ширазом действительно нет. Но чахлые розарии в знаменитом «Райском саду» меня, честно говоря, разочаровали. Если там и было чем любоваться, так это стройными пирамидальными кипарисами. Видимо, прав был мой спутник: чтобы оценить Шираз глазами иранца, нужно увидеть столицу поэтов после двухнедельного путешествия по мертвой пустыне. Ширазские сады для иранцев — это некие микромиры, оазисы с журчащей водой, вьющимся виноградом и пением соловьев.

Могила Саади, персидского поэта XIII века, находится в мавзолее, напоминающем аналогичные постройки Самарканда. Над гробницей возвышается голубой купол. На нем начертано

изречение поэта: «Не считай себя великим. Пусть великим назовут тебя люди». Я посетил могилу Саади в пятницу, в самые знойные послеполуденные часы, когда температура приближалась к 40 градусам. Но возле мавзолея толпился народ. Причем иностранных туристов среди них было мало. Современной одетая иранская молодежь нараспев читала высеченные на стенах строфы. Детвора тянулась ручонками к полированному алебастровому надгробию. Были здесь и пожилые крестьянки в черных шалях, как видно, приехавшие издалека. Много ли на свете стран, где поэзия XIII века остается частью духовной жизни наших современников?

Потом я побывал на могиле другого ширазского поэта — Хафиза, который жил и творил на столетие позднее, в XIV веке. У него еще более скромный мавзолей, похожий на беседку. На плите гладкого алебастра высечены слова Хафиза: «Не приходите ко мне без вина и музыки». Современные иранцы часто устраивают там пикники.

Но на могилу Хафиза приходят и за напутствием. Там всегда сидит бородатый старец с томиком стихов поэта. Нужно положить книгу на надгробную плиту и раскрыть ее наугад. Все это я проделал. И вот что прочел мне ширазский прорицатель: «Воспевать красоту звездного неба вправе лишь поэт, хорошо изучивший законы астрономии».

Откровенно говоря, до меня не сразу дошел глубокий смысл напутствия. Выходит, одного таланта, способности к образному мышлению недостаточно. Чтобы писать о чем-либо, надо знать о данном предмете на порядок больше, чем потенциальные читатели.

Когда я осознал это, именно моя компетентность стала тем коконом, который защищал меня от цензуры в советские времена. Как газетные, так и телевизионные начальники чувствовали, что я знаю о Китае и Японии гораздо больше их. И не решались делать мне замечания или давать указания, дабы не попасть впросак.

Помню, самым ответственным выступлением считался двухминутный комментарий в программе «Время», которую смотрела вся страна. Полагалось лично приходиться с текстом к председателю Гостелерадио. Сергей Лапин обычно откладывал мои бумаги в сторону и говорил: «Тут мне учить тебя нечему. Расскажи-ка лучше, какую тесемку надо развязать у гейши, чтобы снять с нее кимоно?» Я охотно инструктировал его, и этим общение с начальством исчерпывалось. Напутствие Хафиза пошло мне на пользу.

Большинство иностранных туристов считают главной достопримечательностью Индии, ее самым известным историческим памятником Тадж-Махал. Но об особенностях индийского национального искусства нельзя судить лишь по мусульманской архитектуре Великих Моголов. Это искусство многолико. И самый верный ключ к пониманию его первоисточков дают, на мой взгляд, фрески пещер Аджанты и скальные храмы Эллары.

Сравнительно малая известность, вернее сказать, посещаемость Аджанты и Эллары имеет свое объяснение. Купол и четыре минарета Тадж-Махала красуются на туристических плакатах во всем мире еще и потому, что туда можно за три-четыре часа добраться на автомашине из Дели или прямо из столичного аэропорта «Палам». Естественно, каждый иностранец, у которого оказался хотя бы один свободный день, едет прежде всего именно туда.

Аджанта и Эллора расположены в глубине Индии, более чем в тысяче километров от Дели и в четырехстах километрах от Бомбея. От столицы нужно лететь на «боинге» до Бомбея, а оттуда на маленьком двухмоторном самолете до Аурандабада — пыльного городка, когда-то служившего столицей мусульманских правителей Индии. Но это еще не все. От Аурандабада до Аджанты более ста километров езды на автомашине по грунтовым проселочным дорогам.

Аджанта — селение, расположенное в пяти километрах от пещерных храмов. Дорога поднимается по еле заметному склону среди безжизненных холмов. Лишь зеленые попугаи да обезьяны, которые перебегают дорогу, напоминают о том, что находишься в Индии. И вот наконец взору открывается водопад, низвергающийся с двадцатиметрового обрыва. Изогнувшаяся дугой каменная стена образует тенистую долину. По дну ее извивается река, пересыхающая в сухой сезон. Видимо, буддийские отшельники облюбовали это место как из-за его безлюдья, так и из-за его живописности. Несомненно, оба фактора стимулировали их творческое вдохновение.

С июля по сентябрь в здешних местах, не переставая, льют муссонные дожди. Тем, кто нашел тут уединение, надо было искать убежище от ливней. В каменном обрыве стали высекать пещерные храмы. Тридцать пещер, расположенных на разных уровнях, тянутся примерно на полкилометра. Пещерные храмы Аджанты создавались на протяжении девятисот лет. Со II века до нашей эры по II век нашей эры их строили последователи раннего буддизма. Эти молельни отличаются отсутствием статуй, каких-либо изображений божества. Затем, после четырехсотлетнего

перерыва, в VI–VII веках начался второй период. Именно поздние храмы принесли Аджанте наибольшую славу своими фресками.

История Аджанты во многом напоминает судьбу других памятников древних цивилизаций, таких, как Дуньхуан в Китае, Ангкор-ват в Камбодже или Бوروبудур в Индонезии, — природой или людьми они были почти на тысячу лет обречены на забвение, скрыты от посторонних взоров. Последние отшельники, судя по всему, покинули Аджанту в IX веке. И целых десять столетий долина оставалась безлюдной. Грязевые потоки во время муссонных ливней постепенно скрыли от глаз входы в большинство пещер. В 1819 году одну из них случайно обнаружили британские офицеры, охотившиеся на тигра.

Тридцать пещер Аджанты ныне соединены туристской тропой. По своему назначению они разделяются на два типа: чатия (молельня) и вихара (обитель). Самые ранние пещеры Аджанты — это именно молельни. Сооружались они по несложному, повторяющемуся образцу: два ряда колонн или восьмигранных каменных опор, а у задней стены — чатия, то есть ступа, символизирующая предмет поклонения.

Высекая из каменного монолита свои молельни, ранние последователи буддизма инстинктивно следовали традициям деревянного зодчества. И в центральном, и в боковых сводах они имитировали очертания балок, которых на самом деле не существовало. Да и колоннады в такой небольшой пещере не несут нагрузки. Им положено делить пространство и улучшать акустику. Характерная черта ранних пещер — полукруглое окно над входом. Снаружи оно оформляется, как арка, похожая на подкову или натянутый лук.

Вихары, или обители, отличаются тем, что в задней и в боковых стенах молельного зала вырублены ниши для жилья. Каждая такая ниша своими размерами напоминает купе железнодорожного вагона. Каменные постели с двух сторон, прямоугольный дверной проем, строго горизонтальный потолок, вертикальные стены. Кажется, крохотные комнатки не вырублены в скале, а сложены из железобетонных плит, сошедших с конвейера современного домостроительного комбината.

Пещера номер пять, которую в свое время так и не достроили, дает представление о том, как велись тут работы. Осознаешь, какой это был нечеловеческий труд. Вырубить каждую пещеру начинали сверху, отделявая ее с потолка и постепенно спускаясь вниз. В недостроенном храме видны наметки колонн в монолите.

Прославленные фрески Аджанты незаслуженно отодвигают скульптуры на второй план. А ведь здесь немало примечательных образцов пластического искусства. В задней стене пещеры номер

один высечена из скалы статуя Будды-проповедника. Он сидит скрестив ноги и как бы считает на пальцах — перечисляет аргументы, подтверждающие правоту его учения. Когда свет падает на статую прямо, лицо Будды выражает отрешенность. Если переместить источник света вправо, на лице божества появляется сдержанная улыбка. Если же осветить его с левой стороны, лицо обретает грусть.

Фресками сплошь расписаны стены, потолки и даже колонны поздних храмов. Палитра красок, которыми пользовались создатели фресок Аджанты, весьма ограничена. Среди них преобладают так называемые темперные тона — красная и желтая охра. Единственной привозной краской была ляпис-лазурь. Удивительно чиста и ярка здесь белая краска. Изображая жемчужное ожерелье, художник многократным нанесением точки делал ее выпуклой, почти осязаемой.

На потолках — орнаменты: цветы, растения, животные. В одной из пещер цветочный орнамент окаймлен изображениями двадцати трех гусей. Поза каждого из них ни разу не повторяется. Поражаешься наблюдательности художника, его умению передать в каждом изгибе гусяной шеи трепетное ощущение жизни.

По фрескам Аджанты можно изучать архитектуру древних городов, старинные костюмы, ювелирные изделия, образцы оружия. Это декоративное богатство — настоящая энциклопедия индийского национального искусства.

Художники часто изображали танцы. Средствами живописи им удавалось воссоздать ритм. Одна из известных фресок Аджанты — темнокожая красавица в тюрбане. Она оживленно беседует с кем-то, жестикулируя изящно согнутой рукой, и от движения плеч ожерелье на ее груди сместилось в сторону... На другом рисунке перед разгневанным царем пала ниц придворная танцовщица. Несколькими линиями обозначив складки ее одежды, художник передает трепет ее гибкого тела. Создатели пещерных фресок умели придать изображению объемность, владели искусством светотени.

Они выразили то, что волновало их современников. Вот Бодисатва с цветком — наиболее популярная фреска, украшающая обложки художественных изданий. Вот красавица, которая смотрится в зеркало. А вот расшалившиеся школьники. Учитель укоризненно смотрит на них, ибо лишь три ученика на передних скамьях прислушиваются к его словам. Вся человеческая жизнь от рождения до смерти, веселой общества от царя до раба, от святого до грешника, все чувства — любовь и ненависть, радость и горе, — все нашло отражение в пещерных храмах Аджанты. Они поистине стали зеркалом жизни далеких

веков.

Этим художникам веришь. Единственное сомнение — действительно ли фрески Аджанты создавали отшельники, отрицавшие мирские желания? Конечно, тут много религиозных тем — и житие Будды, и дидактические истории из священных книг. Но хотя Будда и призывал подавлять радость бытия, произведения древних художников все-таки прославляют жизнь и доказывают, что она прекрасна.

После осмотра Аджанты я на следующий день отправился в Эллору. В Аджанте строители пещер врубались в камень. Храмы Эллоры, наоборот, вырублены из скального монолита. Поначалу это трудно осознать. Легко ли представить себе, чтобы храм Василия Блаженного на Красной площади не складывали из отдельных камней, а вырезали из целого холма, начиная от куполов и кончая цоколем, а затем взялись за внутренние помещения. Именно поэтому храм Кайласа в Эллоре хочется назвать одним из чудес света. Дело не в размерах. Подобных построек в Индии немало: 80 метров длины, 50 — ширины, 40 — высоты. Но ведь архитектурные объемы — от высокого цоколя, украшенного фигурами слонов и львов в натуральную величину, до пирамидальных башен — все это высечено из одного цельного камня, представляет собой не строение, а скульптуру!

К храму Кайласа с трех сторон подступает каменный обрыв. Строить его начали в 756 году, а закончили полтора века спустя. Как не поражаться упорству и целеустремленности древних строителей! Автор грандиозного замысла и те, кто взялся за его осуществление, сознавали, что ни им, ни их детям и внукам не доведется увидеть завершение намеченных работ.

И все-таки люди, нашедшие в 756 году этот скальный обрыв, корчевали девственный лес на его вершине, сбрасывали почву, пока не дошли до гранита. Им предстояло траншеями отрезать от скалы гигантский монолит, чтобы затем высечь из него сооружение сложной и гармоничной конфигурации. Требовалась безупречная точность. На протяжении полутора с лишним веков день за днем, час за часом ни один каменотес не имел права ошибиться. В интерьерах приходилось работать лежа на спине.

Храм Кайласа посвящен богу Шиве. В главной башне находится объект поклонения — детородный орган бога. Это каменный столб полутораметровой высоты, на который крестьянки из окрестных селений каждое утро одевают венок из свежих цветов.

Произведения Аджанты и Эллоры говорят о взаимосвязи древних цивилизаций. Когда всматриваешься в композиции стенных росписей, видишь несомненное сходство с китайскими

пещерными храмами Дуньхуана. Это отмечают индийские исследователи. Интересно, что храмы Аджанты описал в начале VII века китайский путешественник Сюань Цзан.

Какой примечательной полосой в человеческой истории были IV–VII века нашей эры! Ведь тогда почти одновременно существовали Индия Гуптов и Китай династии Тан. Где-то здесь, в Индии, соприкасались и взаимно обогащали друг друга могучие потоки национального искусства. В Эллоре на одной из башен храма Кайласа высечены сцены из «Махабхараты» и «Рамаяны». Бросается в глаза их сходство с древнеегипетским искусством: не только типично египетское построение — барельеф в восемь рядов с образами человеческих фигур и боевых колесниц, не только композиция в виде лент, лежащих одна под другой, как строчки книги, сами изобразительные приемы позволяют говорить о египетском влиянии. Но среди мифических животных есть и лев, стилизованный в манере, характерной для древней Месопотамии, для культуры Двуречья.

Сокровища Аджанты и Эллары подтверждают мысль, высказанную в свое время Ильей Эренбургом: «Когда искусство народа находится в расцвете, оно не нуждается в таможенных барьерах и не замыкается в себе, а, напротив, впитывает в себя все ценное, что создается другими народами. Это верно также, если говорить о границах времени: большое искусство не страшится ни самых древних форм, ни самых дерзких исканий».

Эротическая скульптура Каджурахо

Встаем в половине пятого утра. В Дели еще темно. Пронзительно кричат какие-то неведомые птицы. Бесшумно носятся летучие мыши. Звезды светятся на небе, но на востоке уже рдеет заря. Потом половина неба сразу становится лиловато-желтой. На этом фоне четко прорисовываются силуэты новых многоэтажных зданий. По дороге лишь дважды останавливаемся, чтобы выпить чаю из термоса. И к четырем часам дня добираемся до Каджурахо.

Конечно, на европейских или американских магистралях 650 километров не такое уж большое расстояние. Но ведь в Индии дорога не перестала быть улицей. На ней полным-полно людей. Каждый что-нибудь несет — или на голове, или на коромысле. Кроме пешеходов, много животных. Медленно вышагивают быки, запряженные попарно в старинные арбы. Семят ослики, навьюченные хворостом, сахарным тростником или необожженным кирпичом. Встретился караван верблюдов с

грузом мраморных плит. Никакая автомашина не способна здесь двигаться быстрее, чем эти неторопливые быки, величественные верблюды и упрямые ослики.

Храмы Каджурахо, возможно, сохранились до наших дней именно потому, что расположены в недоступной глуши, на северной оконечности пустынного Деканского плато. С IX по XIII век Каджурахо был религиозной и политической столицей династии Чандела. Двадцать два сохранившихся здесь храма строились на протяжении ста лет: с 950 по 1050 год. Они, стало быть, современники ранних готических соборов Западной Европы. В 1200 году царство Чандела попало под власть мусульманских правителей Дели.

Храмы — не столько архитектура, сколько скульптура. Они чем-то напоминают крепости или дворцы, которые дети лепят из мокрого песка на приморском пляже. Каждое здание поднято на высокую каменную платформу. Над этим тщательно разработанным цоколем возведены три яруса скульптурных барельефов. Венчает все сикара — то ли купол, похожий на шлем древнего воина, то ли сложное соединение многих куполов. Сикара выражает собой культ плодородия, культ бога Шивы, олицетворяющего мужское начало в природе. Ему поклоняются женщины, жаждущие материнства.

Строения воплощают тантрическую доктрину в индуизме, которая обрела популярность со времени династии Чандела. Тантризм является как бы противоположностью аскетизма. По мнению его последователей, женщина заключает в себе божественную силу творения. Стало быть, чувственная любовь способна возвышать человека, поднимать его на небеса.

Храмы Каджурахо называют иллюстрациями к Камасутре. Здесь одно из немногих мест, где сохранилась религиозная эротическая скульптура. Здешние барельефы имеют некий лейтмотив. На них тысячекратно повторяется фигура льва, очень похожего на стилизованное изображение этого зверя в искусстве Китая эпохи Чжоу, а также древней Месопотамии. Поднявшись на дыбы и повернув голову назад, лев словно готовится поглотить женщину, сидящую у него на спине.

Тем временем другая женщина стоит перед львом на коленях и, страстно изогнув спину, старается поймать руками конец львиного хвоста. Подобные же барельефы варьируются вдоль всего фриза. Словно кадры киноленты, они фиксируют движения женских рук. Концом львиного хвоста женщина касается то своей шеи, то груди, то живота. Этот художественный образ означает проявление страсти.

Скульптуры называют еще энциклопедией индийского секса.

Наиболее изощренным формам сладострастия придается прямо-таки ритуальное значение. Центр композиции — мужчина, который утоляет страсть двух, трех, четырех женщин сразу.

Мне довелось увидеть храмы Каджурахо и при вечернем, и при утреннем освещении, когда косые лучи солнца прорисовывают каждый выступ. На фоне синего, еще не выцветшего от зноя неба эти возносящиеся ввысь золотистые храмы напоминают сказочные ларцы для сокровищ.

После утомительного пути из Дели хотелось отдохнуть. Но задолго до рассвета нас разбудили барабанная дробь, перезвон колокольцев и шум человеческой толпы. В нем выделялись женские причитания, а мужчины хором выкрикивали что-то похожее на лозунги. Оказалось, наш приезд в Каджурахо совпал с одним из праздников в честь бога Шивы. Большинство местных храмов демонстрируется туристам в качестве исторических памятников. Они ограждены металлической решеткой, пространство между ними превращено в тщательно возделанный парк. Там цветут лиловые бугенвиллы, среди аккуратно подстриженных газонов зеленеют деревья манго. Но одна из древних построек до сих пор является действующим индуистским храмом.

С утра по ведущим туда тропинкам тянулись паломники. Тела мужчин, прикрытые лишь набедренной повязкой, казались пепельно-шоколадными, потому что паломники через каждые несколько шагов ложились прямо в пыль, припадая к земле. Женщины шли в ярких сари, неся с собой до блеска начищенные медные кувшины.

Возле храма паломники окропляли себя водой, поднимались по ступеням и припадали лбом к камню. Затем звонили в медные колокольчики, висевшие во внутреннем алтаре, поливали водой статую Шивы и украшали ее гирляндами цветов.

После этого мужчины спускались к пруду для повторного омовения, а женщины продолжали нараспев молиться, двигаясь вереницей вокруг каменного столба и двух священных смоковниц, разросшихся возле храма. В экстазе они молили грозного бога послать очередной плод в их чрево. В обряде было что-то мистическое, загадочное, жуткое...

Вспомнился правительственный плакат, призывающий к ограничению рождаемости. Сможет ли власть преодолеть силу религиозного фанатизма? В национальном характере глубоко укоренился тантрический культ: сладострастие — высшее проявление жизни, акт творения, и чем изощреннее в этом человек, тем ближе он к богу.

Вечером в Каджурахо был концерт народных танцев. Зрители

разместились на раскладных стульях перед искусно подсвеченными храмами. Ведущий программы напомнил, что храмы в древней Индии служили не только местом религиозных обрядов, но и средоточием культурной жизни. Впоследствии эта связь ослабла. И вот теперь решено возродить фестивали народного искусства возле храмовых ансамблей.

Мы любовались движениями танцовщицы, у которой на щиколотках были серебряные браслеты с бубенчиками. Она удивительно тонко передавала движениями своего тела сложнейшие оттенки непривычных нам ритмов индийской народной музыки. За сценой поднимались в звездное небо контуры храмов Каджурахо. В разгар концерта я вдруг заметил, что одна из звезд быстро движется. Это был искусственный спутник Земли. Он вновь напомнил о сосуществовании прошлого и настоящего, об органическом сплаве несовместимых эпох.

Как добывают цейлонские сапфиры

Цейлонские самоцветы, цейлонский чай... Оба словосочетания привычны, хотя первое обрело известность гораздо раньше второго. Еще в VI веке до нашей эры царь Соломон посылал на далекий остров корабли за драгоценными камнями для царицы Савской. Самый большой сапфир британской короны, превышающий 400 каратов, был найден на Цейлоне среди рисовых полей Ратнапуры.

По равнине Ратнапуры когда-то протекала река Калуганга. Впоследствии она изменила свое русло. Горные потоки принесли с центрального плато вместе с обломками скальных пород и драгоценные камни. Большинство месторождений самоцветов в Шри-Ланке, как теперь называется Цейлон, представляют собой отложения гравия в руслах бывших рек. Самоцветы сохраняются в наносах именно благодаря своей твердости. Менее стойкие породы превращаются в песок, более твердые отлагаются в виде пластов гравия. Вот в них-то и следует искать самоцветы.

Мы ехали по равнине Ратнапуры, которая с виду ничем не отличалась от других сельскохозяйственных районов Шри-Ланки. Вокруг желтели рисовые поля, среди кокосовых рощ прятались селения. Но вот там и сям стали попадаться шалаши, крытые пальмовыми листьями. На первый взгляд они показались навесами для сушки снопов. Однако отвалы породы серо-зеленого цвета и сбегавшие ручейки воды говорили о том, что это и есть сапфировые копи.

Примитивная шахта выглядит, как сельский колодец с

деревянным воротом. Внутренние стенки ее закреплены бамбуковыми жердями, поперек настланы листья кокосовых пальм. У каждого такого колодца тарахтит насос с механическим движком. Каждые четверть часа люди крутят ворот, чтобы поднять снизу бадью с гравием. Старатели обычно спускаются в шахту на полдня с изрядным запасом свечей. Вниз они скользят по бамбуковой жерди, как циркачи, а выбираются по распоркам, составляющим остов колодца.

Шахта, в которую я спускался, имела двенадцатиметровую глубину. От главного ствола в стороны радиально расходились шесть штреков. Их роют на разной высоте, пока не наткнутся на слой гравия. Найдя его, начинают добычу, подпирая забой столбиками гевеи с соседних каучуковых плантаций. В забое сыро, отовсюду сочится вода. Работать приходится по колено в грязи. Люди накладывали гравий в плетеные корзины и волокли их к бадье-подъемнику.

В каждой артели существует давний, незыблемый порядок распределения долей. Две десятины получает владелец земли. (Большинство шахт расположены на месте рисовых полей.) Одна десятинка идет владельцу насоса. Еще одна — тому, кто покупал лицензию (на рытье шахты нужно получить разрешение, внося в казну денежный залог). Остальные шесть десятин делятся пополам между главой артели и рядовыми старателями, которых он нанимает. Выходит, те, кто непосредственно трудится в шахте, получают лишь 30 процентов дохода.

Старатели Ратнапуры очень боятся змей. Если гадюка или кобра заползает в шахту, работы прекращают. По древнему суевию, в добыче самоцветов никогда не участвуют женщины. К моменту промывки гравия, накопленного за месяц, с нетерпением готовится вся артель. Промывка идет в присутствии владельцев земли, насоса, лицензии и руководителя артели. Гравий в плоских плетеных корзинах промывают под струей воды круговыми движениями. На доньшке остается несколько невзрачных камешков, в которых трудно узнать самоцветы.

Их скупкой, а также ювелирной отделкой на острове со Средних веков занимаются «мавры» — цейлонцы арабского происхождения. Добытые камни продаются на аукционах. Они периодически проводятся в Ратнапуре и требуют от покупателя опыта, чутья и просто везения. Ведь камешек, сохранившийся среди гравия, — это осколок твердой породы, но совсем не обязательно самоцвет.

После того как партия камней продана, она идет на огранку. Почти вся добыча копей Ратнапуры обрабатывается на месте, Инструмент для огранки предельно прост. У ювелира нет даже

мотора, который приводил бы в движение диски с нанесенными на них абразивами. Огранщик держит в руке бамбуковый прут и двигает им взад и вперед, словно виолончелист смычком. К пруту привязана веревка, она вращает диск на вертикальном стержне. Он и стачивает грань за гранью.

Время от времени полиция Шри-Ланки раскрывает подпольные организации, занимающиеся контрабандой самоцветов, их тайным вывозом за рубеж. С глубокой древности торговля драгоценными камнями считалась монополией казны. Самоцветы всегда были важной статьёй государственных доходов. Они давали средства на строительство водохранилищ, которыми Цейлон славился еще до нашей эры.

Неподалеку от копей то и дело видишь небольшие базарчики, где местные жители торгуют сапфировыми перстнями и серьгами собственной работы. Автобусы подвозят американских, германских и японских туристов. Те, как саранча, сметают все подряд. Но коллеги из Коломбо предупредили меня: сюда специально завозят из Западной Европы синтетические сапфиры. Их кустарным способом оправляют на месте и выдают за цейлонские. А кто усомнится в них в здешней экзотической глуши? Купил, мол, прямо у старателей в Ратнапуре.

Автором этой оригинальной коммерческой идеи оказался израильский гражданин одесского происхождения по фамилии Бендер. Даже если это псевдоним, он свидетельствует, что бессмертное дело Остапа живет и побеждает.

Золото Шведагона

Для иностранцев Бирма (официальное название — Мьянма) начинается с Рангуна. А попав туда, просто невозможно не увидеть главную достопримечательность столицы — золотой колокол Шведагона. Он значит для Рангуна больше, чем Эйфелева башня для Парижа. Это не просто главный ориентир, заметный отовсюду. Сверкая золотом на фоне густо-синего неба, Шведагон буквально подавляет бирманскую столицу своим величием. Он вызывает восхищение и священный трепет.

Сравнение его с Эйфелевой башней в чем-то правомерно. Самая большая в мире пагода напоминает гигантский колокол с длинной рукояткой сверху. Если бы Эйфелева башня пошире расставила свои стальные ноги, если бы ее четыре грани окольцевали снаружи концентрическими окружностями и на эти кольца положили золоченые листья, получилось бы нечто похожее на Шведагон.

Трудно передать словами то впечатление величия и торжества жизни, которое вызывает Шведагон. Его золотой контур неотделим от темно-синего неба, ярко-белых кучевых облаков, богатства красок и звуков. Ими даже зимой щедро бирманская земля. Это обилие, даже переизбыток колоритности, буквально ошеломляет. Становится понятно, почему бирманцы носят яркие одежды. Иначе и не может быть в стране, где солнце неистово, растительность пышна, цветы красочны, птицы пестры.

Шведагон — это целый мир. К подножию пагоды ведут четыре лестницы, защищенные от солнечных лучей навесами. Каждая такая галерея превращена в торжище, длинный ряд лавочек. Те, что ближе к подножию пагоды, торгуют преимущественно цветами, ароматными свечами, лампадами. Те, что подальше, торгуют и всякого рода сувенирами. Рядом трудятся резчики по дереву, создавая из кусочков тика статуэтки Будды. Тут же готовят пищу, нянчат детей. Кажется, что вся многокрасочная, многозвучная картина жизни специально предназначена для того, чтобы подчеркнуть праздничность приобщения к восьмому чуду света. Пройдя крытую галерею и поднявшись на сто с лишним ступеней, попадаешь на священную дорогу, которая кольцом опоясывает Шведагон. Белый камень, отполированный тысячами босых ног и политый водой, отражает выстроившиеся вокруг Шведагона пагоды и храмы. По внутренней стороне кольца их 64, по наружной — 72. Все они напоминают молодую поросль вокруг гигантского дуба. Приятно идти босиком по мраморным плитам, ощущать прохладную гладкость камня. (Даже в носках ступать на священную дорогу не разрешается.)

Всюду много молящихся, но не чувствуется ни подавленности, ни фанатической одержимости. Здесь, скорее, царит атмосфера веселой ярмарки, народного праздника. Словно какие-то экзотические песни, звучат крики продавцов воды. Они ходят по священной дороге с коромыслами, пока кто-нибудь из паломников не купит воду, чтобы облить ею статую Будды. Это распространенный способ выражать свое религиозное чувство. К терпкому запаху цветов добавляется аромат ритуальных свечей.

Некоторые храмы, окружающие Шведагон, как бы копируют его колоколообразную форму. Другие более отвечают нашему представлению о пагоде, то есть являют собой многоярусные башенки. Многие из них украшены резьбой по дереву. Резчики по тикку создали здесь свои знаменитые пламенные порталы, характерные для бирманской национальной архитектуры.

Я увидел золотую башню Шведагона, словно одевшуюся в кокон. Ее окружали строительные леса из бамбуковых жердей. По ним вверх и вниз сновали фигурки людей. Раз в тридцать лет, при

жизни каждого поколения, происходит то, что мне довелось лицезреть. Шведагон, будто кружевами, оплетают бамбуковым каркасом. Желаящий может забраться на вершину гигантской стометровой пагоды и собственноручно добавить золота к ее сверкающей поверхности.

Внизу у четырех лестниц толпились люди. Служители принимали от верующих пачки денег, выдавая им взамен стопки листов с сусальным золотом. Честно говоря, я не сразу понял, как это делается. Как может золотая пластинка приклеиться к гигантской башне? Потом, путешествуя по Бирме, я не раз видел статуи, из-за золотых наклеек потерявшие свои первоначальные очертания. Формами они напоминали ледяные скульптуры, которые многократно поливали водой.

Ослепительный блеск золота выделяется в портрете Бирмы. Оно сверкает на крышах храмов и пагод, на статуях буддийских божеств. Мне удалось познакомиться с людьми, занятыми сугубо бирманским ремеслом — превращать золото в столь тонкие пленки, что они трепещут и разлетаются даже от человеческого дыхания. Технология их производства сохраняется со времен Средневековья.

Из золота сначала тянут тонкую проволоку. Потом ее расплющивают молотками, превращая в золотую ленту шириной с палец и толщиной, как у оберточной фольги. Ленту режут на квадратики и помещают между листами специальной бумаги из бамбука. Их складывают один на другой по 96 штук и стягивают стопку ремнями из оленьей кожи. После этого по ней шесть часов колотят молотком из твердой породы дерева. Бумага, между которой находятся золотые пластины, отличается исключительной прочностью. Ведь золотой квадратик шириной с палец превращается в окружность размером с ладонь, до такой степени он расплющивается.

Его снова режут на шесть частей и прокладывают лепестки той же бумагой. Операция повторяется трижды. Трудно представить себе, как может существовать подобное производство в условиях влажной бирманской жары. Ведь в помещении, где делается сусальное золото, не только нельзя иметь вентилятор, нельзя даже обмахиваться веером.

Когда золотые пластинки становятся наконец достаточно тонкими, их перекладывают на листки уже другой бумаги, похожей на промокательную. Вот эти-то листки, сложенные в пачки по 96 штук, продают верующим как жертвенное золото. Листок прикладывают к золоченой статуе или крыше храма, и тончайшая пластинка драгоценного металла прилипает, словно переводная картинка. Каждый верующий может почувствовать

себя причастным к созданию пагоды. Даже бедняку под силу купить несколько таких золотых листков и сознавать, что в огромной сверкающей пагоде есть толика его золота.

Сразу же за Рангуном начинается бескрайняя равнина Нижней Бирмы. Куда ни глянь — до самого горизонта простираются рисовые поля. Но нигде не видишь ни оросительных каналов, ни водохранилищ. Весь золотой ковер, которым покрыта земля, все тучные нивы орошаются муссонами. Дожди проходят регулярно и как раз в ту пору, когда они больше всего нужны земледельцам. На расстеленных у дороги рогожах темным золотом отливает обмолоченное зерно.

Нижнюю Бирму в древности называли «Золотым царством». И не только из-за сверкающих золотом пагод, а прежде всего потому, что здесь повсюду золотятся рисовые поля, надежно орошаемые муссонами. И поскольку окрестные крестьяне зажиточны, у храмов нет недостатка в щедрых приношениях.

Религия сумела приспособиться к условиям, благодатным для земледельцев. Буддизму в Бирме отнюдь не присущ аскетический фанатизм, характерный для Тибета. Шестилетние мальчики уходят на несколько лет в храм как в приходскую школу. Они становятся монахами, чтобы обучиться грамоте и вновь вернуться к мирской жизни. От верующего требуются лишь пожертвования. Тончайшие пластинки, благодаря которым каждый становится причастным к блистательному облику любого храма, — это удобный способ превращать золото рисовых полей в золото пагод.

Быть ловким, как слон

«Как слон в посудной лавке», — принято говорить о ком-то неловком и неуклюжем. До чего же люди несправедливы к этим животным!

Я думал об этом в бирманском городе Моулмейн. Именно оттуда начали когда-то продвижение в глубь страны британские колонизаторы. Моулмейн привлек их как удобный порт для вывоза ценных пород древесины, прежде всего тика. Вверх по берегам рек Салуин и Иравади тянутся тиковые леса. Поэтому в Моулмейне много лесопилок и лесных складов.

— Хотите увидеть слонов за работой? — спросил мэр, — Ведь подобное зрелище скоро может уйти в прошлое...

Я, разумеется, согласился, и мы отправились на местный лесопильный завод. Он был похож на аналогичные предприятия в России. Так же визжала дисковая пила, благоухала древесина. Но к ней добавлялись иные запахи. Отчетливо пахло цирком, вернее

сказать, слонами. Им тут отведена роль мостовых кранов.

Мне предложили сесть на старого слона, который имел такой же стаж работы на лесопилке, как я в газете, и не нуждался в погонщике. Хозяин только попросил меня держать ноги подальше от его ушей, чтобы умное животное не приняло мои случайные движения за какие-то сигналы. Предостережение было кстати, ибо поначалу я испытывал неодолимое желание за что-нибудь ухватиться. Ехать новичку на слоне куда страшнее, чем на верблюде. Тело постоянно совершает вращательные движения в горизонтальной плоскости, отчего начинает рябить в глазах.

Пообвыкнув, я поразился тому, сколько сноровки и инициативы проявляет слон при переноске к пиле очередного бревна. Прежде всего он обхватывает ствол хоботом, вытягивает его из штабеля, словно курильщик извлекает сигарету из пачки. Лишь когда за бревно можно как следует ухватиться, слон поддевает его бивнями и окончательно вытаскивает наружу.

Если край бревна перевешивает, слон осторожно опускает его и передвигает бивни. Меня особенно восхищало, что, неся бревно по цеху, слон при каждом повороте внимательно следил за тем, чтобы не задеть людей, работающих у пилы.

Слон, на котором я сидел, умилил меня, когда ему нужно было перенести два толстых тиковых горбыля. Он верно рассудил: их можно доставить за раз. Но стоило их поднять, как они разваливались в разные стороны. Тогда слон опустил ношу на землю, перевернул горбыли и сомкнул плоскими сторонами. Теперь они не распадались.

Как только прозвучала сирена — сигнал обеденного перерыва для пильщиков, — слоны, включая моего, дружно прекратили работу и пошли пастись.

Через несколько дней, направляясь в мертвый город Паган с его знаменитыми пагодами, я еще раз увидел слонов за работой. В верховьях реки Иравади, где сплавщикам нужно доставить к реке гигантские тиковые стволы, эти животные незаменимы. Ни один трактор не смог бы пройти по столь крутому склону, да еще волоча такую тяжесть. Прежде чем спилить тиковое дерево, его умышленно губят. Ствол окольцовывают, снимая с него кору и наружный слой древесины. Дерево засыхает на корню. Иначе оно тяжелее воды, и его нельзя сплавлять.

У рабочих слонов, занятых в Бирме на заготовке и переработке древесины, есть две специальности. Во-первых, это буксировщики. Им положено волочить зачаленные цепью бревна от места порубки до речного берега, откуда их сплавляют вниз по течению.

Более опытные слоны работают как переносчики бревен

непосредственно на лесопильных заводах. Такой слон заменяет в цехе не только мостовой кран, но и крановщика. Думаю, в посудной лавке этот грациозный гигант вел бы себя совсем иначе, нежели в известной пословице.

Боробудур — храм без интерьера

Москвичу, оказавшемуся на экваторе, трудно свыкнуться с мыслью, что вместо весны, лета, осени и зимы там сменяются только дождливый и сухой сезоны. Мне довелось увидеть Индонезию как раз на их стыке. По утрам было ясно, но потом горизонт затягивали тучи, и день, как правило, заканчивался тропическим ливнем.

Я пересек из конца в конец житницу страны — Яву, дивясь возможности одновременно встретить все времена года и весь традиционный сельскохозяйственный календарь.

Куда ни глянь — склоны холмов превращены в террасы рисовых полей. Некоторые из них залиты водой и сверкают, как слои слюды на изломе. На других видны согнувшиеся фигуры крестьян. Они высаживают рассаду. Ряды нежных стебельков штрихуют серебристую гладь, словно узор на шелке.

А на соседних участках рис стоит стеной, напоминая бархат с высоким ворсом. Тут же рядом колосятся прямоугольники полей, где уже налились колосья. Крестьяне серпами жнут, вымолачивают о камень снопы. У дорог желтеют рогожи, на них сохнет проветренное зерно.

Чуть дальше темнеет свежая пашня. Мальчуган, стоя на бороне, погоняет буйволов, чтобы взрыхлить почву перед поливом. Женщины уже носят на коромыслах пучки рассады для нового урожая. Воочию видишь бесконечно повторяющийся круговорот крестьянских забот.

И вот среди плодородной, преображенной человеческими руками центральной Явы вдруг возникает темно-серая громада, ошетилившаяся зубцами. Нечто похожее на динозавра, который уснул среди зелени в душной и влажной жаре. Вблизи он оказывается зданием.

Храм Боробудур считают одним из чудес света. У каждого человека, наверное, найдется свое сравнение для этого легендарного исторического памятника Индонезии. Мне Боробудур напомнил гигантский сказочный торт.

Представьте себе уступчатую пирамиду из пяти квадратных и трех круглых ярусов. Будто пузатой бутылкой, она увенчана каменной ступой. Вдоль нижних квадратных террас тянутся 1460

резных барельефов. Если обойти их ярус за ярусом, трехкилометровая полоса каменных картин шаг за шагом откроет взору житие Будды.

Боробудур, название которого можно перевести как «святилище на холме», воплощает собой буддийскую идею о восьми ступенях на пути к просветлению. Его цоколь символизирует мир плотских вожделений. Следующие четыре яруса — борьбу человека за подавление желаний. А три круглые террасы без барельефов — последние этапы приобщения к нирване.

Боробудур своеобразен тем, что не имеет интерьера. Это обложенный камнем холм. Верующие поклоняются божеству не внутри храма, а на внешней стороне его.

Серые камни пышат жаром, словно неостывшая лава. Взбираешься вверх по крутым ступеням, шагаешь вдоль бесконечных барельефов и думаешь: путь к просветлению воистину нелегок. Но вот наконец вершина. Вокруг буйствует зелень. На востоке дымится вулкан Мерапи, напоминая о силах природы, которые на тысячу лет скрыли это чудо света от человеческих глаз.

Храм был построен в VIII–IX веках. Он стал прототипом знаменитого камбоджийского Ангкорвата. Полтора столетия он считался духовным центром Явы, но потом из-за упадка буддизма был оставлен людьми. Вулканический пепел засыпал террасы. Джунгли обступили Боробудур и поглотили его.

Он был вновь открыт лишь в 1814 году. Но после первой реставрации, проведенной в начале XX века, оказался снова под угрозой: почва холма стала постепенно размываться во время тропических ливней, и уступчатая пирамида как бы повисла над пустотой.

Почти десять лет Индонезия при содействии ЮНЕСКО занималась спасением Боробудура. Храм пришлось разобрать и укрепить холм бетоном. Параметры полутора миллионов каменных плит были занесены в память компьютера, чтобы вернуть каждую из них на прежнее место.

Девяносто процентов индонезийцев исповедуют ислам суннитского толка. Индонезия является крупнейшей в мире мусульманской страной. Однако ислам не монополизировал духовную жизнь народа. Под поверхностным слоем сохранились пласты предшествовавших культур. Чувствуется влияние буддизма, индуизма, а также древнего культа природы, который жители Индонезии исповедовали в течение целого тысячелетия.

На индонезийскую культуру оказали большое влияние два произведения индийского эпоса — «Махабхарата» и «Рамаяна».

Они внесли такой же вклад в формирование этических и эстетических представлений индонезийцев, как Ветхий завет воздействовал на средневековую Европу.

Рабиндранат Тагор, приехав в Индонезию, сказал: «Я всюду вижу Индию, но я не узнаю ее». Фраза может быть ключом к пониманию страны-архипелага. На протяжении своей истории она многое воспринимала извне. Но многое из этого преображала на свой лад.

Чем дольше вглядываешься в восьмیارусный контур Боробудура, тем больше убеждаешься, что он как бы поэтический образ уступчатых террас по склонам холмов, где на плантациях трудятся крестьяне Явы.

Таиландские гвардейцы в русских мундирах

В дальних странах нас поражает или что-то совершенно неведомое, или что-то неожиданно знакомое. Именно так было со мной в Таиланде.

В этой буддийской стране все отличается изысканной утонченностью — от нарядов и движений танцовщиц до архитектуры пагод. И вот, когда я осматривал палату нефритового Будды и королевский дворец, мое внимание привлекли мундиры гвардейцев и мелодия государственного гимна. В том и другом чувствовалось нечто близкое, родное.

Оказалось, королевская гвардия в Таиланде по сей день носит мундиры российских лейб-гусар, а автором таиландского гимна является русский военный капельмейстер Шуровский. Это отражает примечательную страницу в истории наших отношений. Именно поддержка России в конце XIX века позволила Таиланду избежать колониального ига.

Но расскажу по порядку.

Таиланд — страна, где буддизм объявлен государственной религией. Хочется повторить, что характерная черта таиландской национальной архитектуры — изысканная утонченность, на мой взгляд, противоположная монументальности.

Часто говорят, что таиландская танцовщица напоминает ожившую пагоду. Такое сравнение очень точно: от головного убора в виде башенки до невероятно длинных ногтей, для которых на пальцы надеваются серебряные, изгибающиеся наружу чехольчики. Можно использовать ту же метафору зеркально и сравнить архитектуру с танцовщицей.

Шатровая крыша со вздернутыми вверх концами присуща зодчеству многих азиатских народов. Но в таиландской

архитектуре крыши особенно круты, пагоды особенно островерхи, а гребни крыш увенчаны коньками, которые изогнуты, словно ногти на руках танцовщиц. Все это придает зданиям некую устремленность ввысь, я назвал бы ее «буддийской готикой».

Круто сходящиеся сверху линии острого конуса господствуют и во многих постройках королевского дворца. Они, в частности, характерны для палаты нефритового Будды. В архитектурном отношении — это буддийский монастырь, только без жилищ для монахов, поскольку его назначение — быть личной молельной короля. Нефритовый Будда восседает как бы на небесной колеснице, которая увенчивает собой золотую башенку.

Лично сам король облачает нефритового Будду в одежды, соответствующие временам года. Эта высоко ценимая тайландскими буддистами статуя была когда-то спрятана от завоевателей и обнаружена лишь много лет спустя.

Одна из построек королевского дворца в Бангкоке резко выделяется среди других. Под типично тайландской крышей с островерхими башенками с удивлением видишь помпезный фасад, щедро декорированный всеми элементами европейской архитектуры конца XIX века. Несомненное влияние внешнего мира. Но все же каким образом здесь прижились российские мундиры и русский военный марш, ставший тайландским государственным гимном?

Таиланд (до 1939 года он назывался Сиам) был единственным государством в Южной и Юго-Восточной Азии, которому удалось избежать колониального порабощения. Он отстоял свою независимость вопреки натиску сначала Испании, Португалии, Голландии, а затем Англии и Франции. В 1880 годах английские и французские войска вышли к сиамским границам на всем их протяжении. На севере и западе лежала захваченная англичанами Бирма, на востоке — захваченный французами Индокитай. Лондон и Париж уже договорились разделить Сиам надвое по реке Чао-Прая.

В конце XIX века сиамский король Рама Пятый попытался заручиться поддержкой России. Он видел в ней единственную великую державу, не имеющую своекорыстных интересов в Юго-Восточной Азии и способную стать противовесом англо-французскому давлению. В 1897 году Рама Пятый побывал с официальным визитом в Петербурге, затем подписал с Россией договор о дружбе и торговле, послал туда своего младшего сына учиться военному делу.

В 1911 году, после его кончины, для участия в коронации Рамы Шестого в Бангкок на крейсере «Аврора» (том самом, что удостоен вечной стоянки на Неве) в качестве представителя

российского императорского дома прибыл великий князь Борис. Его встречал брат наследника принц Чакрабон, безукоризненно владевший русским языком. А его супруга, приветствовавшая гостей из Петербурга в сиа́мском национальном костюме, тем более не нуждалась в переводчике. Это была Екатерина Ивановна Десницкая, та самая гимназистка, которую (под фамилией Весницкая) описал Константин Паустовский в повести «Повести о жизни». С ней будущий писатель познакомился в Киеве на катке.

Екатерине Десницкой выпала удивительная судьба. Рано потеряв родителей, она перебралась в Петербург и поступила на курсы сестер милосердия. Там ее и повстречал сиа́мский принц Чакрабон. После обучения в паже́ском корпусе он служил в гвардейском гусарском полку. Принц полюбил девушку. Но тут началась русско-японская война.

Может быть, чтобы проверить чувства друг друга, восемнадцатилетняя Катя добровольно уехала в Маньчжурию, перевязывала раненых в полевом лазарете. Лишь после окончания войны, вернувшись в Петербург с Георгиевским крестом, Екатерина Десницкая приняла предложение принца Чакрабона. Окончив академию Генерального штаба, он в чине полковника русской армии уехал с женой в Бангкок.

Так в Таиланде утвердились гусарская форма и мелодия русского марша.

Филиппины: хирургия без скальпеля

Неужели это было наяву, неужели я видел все это собственными глазами? Никогда и никому не поверил бы, что такое возможно. В двух шагах от меня филиппинский лекарь за час голыми руками прооперировал две дюжины пациентов, тратя на каждого по две, реже по три минуты. Без обезболивания. Без дезинфекции. Наконец, без единого вопроса. Больной шепчет несколько слов ассистенту, и тот посылает его либо направо — на кушетку, либо налево — в кресло. А хирург ходит туда-сюда, едва успевая вытирать руки махровым полотенцем.

Коллективный гипноз? Но стоявший рядом со мной чернокожий журналист из Тринидада снимал происходившее видеокамерой, и все увиденное нами записалось.

Друзья привезли меня к Алексу Орбито, одному из самых известных на Филиппинах хилеров, как называют себя мастера загадочного направления народной медицины. После часа езды мы добрались до Кэсона, пригорода Манилы. Войдя в ворота, я удивился множеству людей в тесном дворике.

Посетителей было человек восемьдесят. Некоторые пришли еще до рассвета. Хирургия голыми руками — это поистине народная медицина, в частности, потому, что не предполагает какой-то заранее оговоренной платы. Считается, что мысли о наживе приводят к раздвоению воли и снижают сверхъестественные способности хилера.

К дому примыкал навес, под ним в несколько рядов были расставлены скамейки. Все это напоминало сельский кинозал. Только вместо экрана в глубине виднелся большой застекленный проем. Он отделял помещение площадью около тридцати квадратных метров. Там стояли плетеная кушетка и кресло, покрытые белой клеенкой.

Католическая церковь на удивление благосклонно отнеслась к местным знахарям, назвав их необъяснимое искусство «вероврачеванием». Поэтому на стене висело изображение Христа и религиозный плакат: «Если веришь, все возможно». Рядом на маленьком столике лежала Библия.

В половине десятого со двора раздалось пение. Больные, часть которых расселась на скамьях, а остальные толпились позади, хором исполняли католические псалмы.

Неожиданно в дверях появился моложавый человек невысокого роста. Он приветливо улыбался, но в глазах его было что-то колючее. Всем своим обликом он оставлял ощущение тугой стальной пружины. Это и был Орбито.

Пока больные продолжали петь, он положил руки на Библию и полчаса оставался в полной неподвижности. Однако его сосредоточенное лицо преобразилось. Взгляд стал еще более жестким, пронзительным и одновременно как бы отсутствующим. Нервные руки с длинными тонкими пальцами заметно побледнели.

Мне доводилось слышать, что хилеры не подпускают зрителей ближе чем на пять-шесть шагов. Но когда Орбито начал врачевать, я волей-неволей оказался буквально рядом с ним. В помещение, которое условно назову «операционной», тут же набилась уйма народу из начала очереди.

Пение псалмов продолжалось тоже полчаса. Три ассистента Орбито умело дирижировали хором, доводя его участников до состояния самоэкзальтации. Даже я почувствовал, как по спине забегали мурашки.

То, что совершалось перед моими глазами, очень походило на чудо. Но, пожалуй, самым поразительным из всего увиденного был темп. Очередной пациент, которому указали на кушетку, ложится на нее, не снимая ботинок, и приподнимает рубашку. Орбито подходит к нему и, ничего не спрашивая, начинает

пальцами обеих рук массировать больное место. Потом левая рука врача перестает двигаться. И вот я отчетливо вижу, как указательный и средний пальцы его правой руки уходят куда-то вглубь.

Хорошо видна продолговатая каверна, открывшаяся между пальцами. При этом явственно слышен не то шлепок, не то всплеск. В каверне тут же появляется красноватая жидкость. Не кровь, а нечто более светлое — возможно, сукровица или лимфа. Капли жидкости разбрызгиваются по клеенке. Быстро двигая указательным и помогая ему большим пальцем, Орбито вытягивает из открытой раны кусочек коричневой ткани, похожий на сырую печенку.

Левая рука его по-прежнему остается неподвижной, прижатой к больному месту. Правой он берет тампон, который ассистент только что смочил водой, погружает его в рану и через несколько секунд отходит от стола. Ассистент таким же тампоном, но уже смоченным кокосовым маслом, вытирает живот больного. И я, не веря своим глазам, убеждаюсь, что на нем нет даже шрама, только покрасневшее пятно.

Орбито, сделав два быстрых шага, склоняется над больным, сидящим в кресле. На шее пациента явственно виден жировик величиной с голубиное яйцо. Снова несколько поглаживаний, пальцы психохирурга уходят под кожу. И в миску летит еще один окровавленный кусок. Больной недоверчиво ощупывает гладкую шею, на которой только что был желвак.

А на кушетке животом вниз уже лежит женщина. Ассистентка оголяет ей спину, и Орбито, никого ни о чем не спрашивая, сразу же тянется к небольшой выпуклости на пояснице пациентки. Снова звук, похожий на всплеск или шлепок. Снова брызги красноватой жидкости. На сей раз Орбито извлекает довольно большой кусок окровавленной ткани.

А люди все идут и идут. Орбито в таком же немыслимом темпе передвигается от кушетки к креслу, от кресла к кушетке. И сразу же, не задавая никаких вопросов больному и не слушая ассистентов, находит больное место и начинает манипулировать над ним.

По словам Орбито, во время врачевания он как бы находится в трансе, руки его движутся автоматически.

— Я должен глубоко сосредоточиться, — рассказывает он. — Мое тело холодеет. Я как бы мертвею. Но потом чувствую нарастающее тепло, особенно в руках. И когда прикасаюсь к телу больного, какая-то сила струится из моих пальцев.

Запомнился больной, у которого Орбито вскрывал нижнюю часть живота. Правая рука врача ушла куда-то вглубь почти

до основания пальцев. Лишь большой палец оставался снаружи. Сам Орбито не смотрел на свои руки. Иногда он поднимал голову, и на его лице угадывалось нечеловеческое напряжение.

Должен признаться: став очевидцем десятка подобных операций, я почувствовал себя плохо. Уже во время пения псалмов начала кружиться голова. А после того как я увидел рядом с собой пальцы, погружающиеся в человеческое тело, услышал странный звук, при котором из открывшейся каверны разлетаются брызги, проследил за кровавыми кусками ткани, брошенными в эмалированный тазик, зарябило в глазах, и я потерял сознание.

Орбито на долю секунды поднял на меня взгляд и сказал ассистентке:

— Пусть он посидит во дворе.

Даже под навесом было жарко, около 40 градусов. Шатаюсь, я вышел во дворик и присел перед курятником. Пот лил с меня градом. Какое-то время я был, похоже, в забытьи. Но вдруг почувствовал, что меня будто окатило прохладным душем. Я глубоко вздохнул и, открыв глаза, увидел Алекса Орбито, положившего мне руку на лоб.

— Ну вот, теперь все в порядке, — сказал он и вернулся в дом.

Я, словно загипнотизированный, последовал за ним. И как раз вовремя: на кушетку ложилась супруга доктора Фава, медика из фирмы по страхованию жизни, который и привез меня к Орбито. Она сказала ассистентке буквально две фразы: «У меня сердце. Бывают перебои».

Пожилая женщина легла на спину, расстегнула кофту. Орбито положил одну руку на лоб, а другую на грудь больной и оставался в таком положении целую минуту. Потом принялся массировать женщине основание шеи. Его указательный и большой пальцы погрузились за ключицу. И хотя он манипулировал ими довольно долго, извлечена была лишь тоненькая пленка кораллового цвета.

Никаким тампоном в этом случае Орбито не пользовался. После того как ассистентка вытерла ключицу ватой, смоченной кокосовым маслом, госпожа Фава встала и вышла со мной во дворик.

— Я чувствовала нажатие пальцев, словно кто-то меня ущипнул. Но сильной боли не было. А сейчас только жжение, — сказала она.

На обратном пути, сидя в машине, я попросил госпожу Фава обнажить ключицу и увидел на ней лишь небольшое красное пятно.

— Сколько же стоит обращение к такому вероврачевателю?

— По обычаю, каждый дает сколько может. Мне, например, ассистентка посоветовала купить склянку растирания. Но я могла этого и не делать.

Среди филиппинских вероврачевателей есть и шарлатаны. Но в целом авторитет их в народе велик. В университете Филиппин им посвящено несколько диссертаций. Автор одной из них — психолог Констанца Клименте — считает, что хилеры приводят в действие какие-то могучие духовные силы, как бы соединяют средства внушения с хирургическим вмешательством. Поэтому по аналогии с понятием «психотерапия» филиппинцы ввели в обиход термин «психохирургия».

Авторы книг о хилерах утверждают: путем медитации они аккумулируют некую неведомую энергию и, излучая ее через пальцы, на несколько мгновений раздвигают ткань на клеточном уровне, чтобы добраться до больного места.

Вероврачевателям также приписывают умение создавать биополе, резонирующее со своеобразным магнитным полем острова Лусон (оно действительно обладает странными особенностями, о чем свидетельствует поведение приборов на проходящих мимо судах). По преданию, остров остался от Лемурии — государства, которое частично погрузилось на дно океана, как Атлантида. Легенда гласит: древние обитатели Лемурии отличались способностью к парапсихологическим контактам.

Биополе обеспечивает и стерильность пространства над раной, открытой всего несколько секунд.

— Я считаю, что психохирургия, подобно иглоукалыванию и траволечению, может служить дополнением к современной медицине, — говорил мне доктор Фава. — Психохирургию надо изучать всерьез.

Кстати, к филиппинским хилерам проявляют повышенный интерес специалисты по военно-полевой хирургии из Пентагона, бундесвера и японских «сил самообороны». Ведь «филиппинское чудо» — это не только умение голыми руками проникать внутрь тела, но и способность мгновенно закрыть рану.

Орел на кактусе

«Такой земли я не видал и не думал, что такие земли бывают», — этими словами когда-то выразил свои впечатления о Мексике Владимир Маяковский.

Глубокие каньоны. Над ними парят орлы. Безлюдные горы.

Лишь изредка из-за холма покажется фигура всадника.

Типичный ландшафт для съемки ковбойских фильмов. Ни дерева, ни кустика — только кактусы, удивляющие разнообразием своих форм. Не случайно на мексиканском гербе изображен орел, который сидит на кактусе и держит в клюве змею.

Мексика поразила многоликостью. Она заставила задуматься, сколь относительноны наши познания о человеческой цивилизации. Мне казалось, что изучив искусство Востока, таких стран, как Китай, Япония, можно преодолеть присущий большинству людей европоцентризм, привычку мыслить лишь категориями античного греко-римского искусства.

Оказывается, памятники доколумбовой Америки — это какая-то качественно иная ветвь культуры, отличающаяся и от Запада, и от Востока.

Чичен-Ица — священный город древних майя на полуострове Юкатан — открывается взору неожиданно. Очередной навес у дороги, где торгуют гроздьями бананов, кокосовыми орехами, — и вдруг за жалкой оградой видишь уступчатую усеченную пирамиду. Она так величественна и совершенна, что поражаешься: неужели сооружение воздвигнуто шестнадцать веков назад?

Главная пирамида Чичен-Ицы (мексиканцы называют ее «Кастильо», то есть «крепость») высотой 60 метров, с каждой стороны по 18 террас, что соответствует количеству месяцев в календаре майя, на вершину ведут 365 ступеней — по числу дней в году.

Чичен-Ица построен в IV веке нашей эры. В 987 году священный город был по неизвестной причине оставлен людьми. Это одна из загадок истории, напоминающая судьбу Аджанты в Индии, Анкорвата в Камбодже, Бوروبудура в Индонезии. Интересно, что все упомянутые религиозные центры древности опустели почти в одно и то же время.

В Чичен-Ице сохранилось сооружение, предназначенное для игры в мяч. Прямоугольная площадка длиной 80 и шириной 37 метров обнесена десятиметровой каменной стеной и напоминает баскетбольную. На высоте в четыре человеческих роста напротив друг друга укреплены два каменных кольца. Но расположены они не горизонтально, а вертикально к земле и не на коротких, а на длинных сторонах площадки. В эти кольца нужно было забросить мяч из литого каучука диаметром около семи сантиметров.

Над стеной возвышается павильон, откуда наблюдал за игрой верховный вождь. Справа и слева от него находились трибуны отдельно для жрецов и знати.

Игра отличалась особым азартом. Не только из-за ставок на огромные суммы. Дело в том, что побежденную команду полагалось умерщвлять — ее игроков приносили в жертву богам. На уступах трибун просматриваются барельефы: радость победителя, который держит в руке голову побежденного противника; змеи, выползающие из обезглавленного тела, символизируют потоки крови. По правилам игры бить по мячу разрешалось любой частью тела, кроме рук. Требовалась огромная ловкость, чтобы, передавая мяч коленями или бедрами, забросить его в кольцо. Поскольку каучуковый мяч был очень жестким, игроки надевали широкие кожаные пояса, налокотники и наколенники.

Итак, проигравшую команду поголовно обезглавливали. Зато победители могли претендовать на драгоценности зрителей с трибуны знати. Когда состоятельная публика кидалась врассыпную от игроков, это, наверное, было занятным зрелищем для жрецов и верховного вождя.

Неподалеку от пирамид, среди непроходимой сельвы, прячется священное озеро. Оно расположено на дне кратера сорокаметровой глубины. Если засуха в здешних краях непомерно затягивалась, жрецы приводили к озеру девушек в дорогих нарядах и сбрасывали их с кручи. Так приносились жертвы богу дождя.

Американский археолог Эдвард Томпсон узнал об этих жертвоприношениях из записей одного испанского епископа, сделанных во времена конкисты. Томпсон специально напросился служить американским консулом в расположенной поблизости Мериде, чтобы заняться поисками сокровищ на дне священного озера.

Доставленная сюда с превеликими трудностями землечерпалка оказалась бесполезной. Глубина озера достигает двадцати пяти метров. Археологу пришлось обследовать илистое дно в водолажном скафандре. Он лишился слуха, но отыскал немало ценнейших предметов, в том числе золотые изделия из Перу и Колумбии, которые ныне экспонируются в музеях Соединенных Штатов.

Другой памятник архитектуры майя — городище Ушмаль — расположен примерно в часе езды на юг от Мериды. Этот ритуальный комплекс был сооружен в VI веке, то есть на два столетия позже Чичен-Ицы, но тоже был оставлен людьми в 987 году.

Главная достопримечательность Ушмаля — «Храм колдуна». Тридцатиметровая пирамида некоторыми архитектурными деталями напоминает памятники тибетского зодчества, в

частности дворец Потала в Лхасе.

В тот день, когда мы карабкались на «Храм колдуна», несколько мексиканцев работали на крутом склоне пирамиды, привязавшись веревками, как альпинисты. Они вырубали кустарник, упрямо прорастающий между камнями.

Наряду с различными геометрическими орнаментами тут то и дело встречается изображение бога дождя. В здешних местах всегда не хватало осадков. Однако именно поэтому постройки городища хорошо сохранились до наших дней. Кое-где на старинной кладке осталась резьба по камню — барельефы с изображением Пернатого змея. Древние обитатели Мексики считали священное существо символом устремления человека ввысь — к совершенству и свободе. Рожденный ползать должен обрести способность летать.

Тайна плоскогорья Наска

Потрепанный четырехместный самолетик туристской авиакомпании «Кондор» — этакий летающий «Запорожец» — стукнулся о грунт, дважды подпрыгнул и наконец побежал по пыльной посадочной полосе. Я распахнул дверцу открытой кабины, осторожно поставил ногу на шасси и ступил на буровато-серую землю.

Неужели я только что видел одно из чудес света? Неужели летал над плоскогорьем Наска, где начертаны загадочные линии, фигуры и рисунки? Никогда не забуду это пустынное плато, похожее на огромный лист наждачной бумаги, на котором кто-то упражнялся в геометрии и рисовании, царапая гвоздем таинственные знаки.

За сорок минут полета я, признаться, натерпелся страху. Всего раз в жизни доводилось мне подниматься в воздух в открытой кабине «кукурузника». Дело было в Китае, где меня прокатали, причем тоже над пустыней, советские геологи. Но тогда у меня были все основания доверять и нашему У-2, и его пилоту.

Здесь же, в Перу, дело обстояло иначе. У ветхого, перевязанного какими-то проволочками, моноплана с кондором, кроме названия, было мало общего. Еще больше настораживал пилот, от которого несло спиртным. Это был молодой сероглазый блондин. Возможно, креол или сын какого-нибудь нацистского аса, бежавшего сюда от возмездия. Однако деваться было некуда. Мы уже проехали 450 километров по Панамериканскому шоссе, к одиннадцати утра добрались до Пампа-де-Наска и уже заплатили

за то, чтобы увидеть плоскогорье с воздуха.

И вот под нами раскинулось буровато-серое пространство. Река Рио-Инхеньо и ее притоки, стекающие с Анд, оставили кое-где свои извилистые следы. В этих местах не бывает дождей. Сухие русла почти никогда не заполняются водой.

Неожиданно я увидел идеально прямые линии, прочерченные от горизонта до горизонта. Они сходились, пересекались. Иногда это были даже не линии, а полосы. Они светлели на темной поверхности плато. Такими же светло-серыми выглядели прямоугольные площадки, трапеции. Похожие на оперение стрелы, они заканчивались идеально прямой полосой, уходящей вдаль, к горизонту. Складывалось впечатление, что мы пролетали над современным аэродромом. А может быть, космодромом?

— Теперь я покажу вам рисунки! — крикнул, обернувшись, летчик. — Каждый рисунок буду показывать концом крыла. Сначала правого, потом левого. Так что всем будет удобно фотографировать...

Летчик положил самолет в вираж. Мы летели теперь, подняв одно крыло к небу, а другое круто накренив к земле. И тут моя ушедшая в пятки душа вдруг затрепетала от восторга.

Я отчетливо увидел слегка стилизованную, но вполне реалистическую фигуру кита. Описав концом крыла кольцо вокруг нее, летчик выровнял самолет и тут же завалил его в обратный вираж. Теперь, словно по волшебству, появилась обезьяна. На одной из ее верхних конечностей было пять пальцев, на другой — четыре. Гигантский хвост был закручен геометрически правильной спиралью. Далее встретились кондор с вытянутым клювом, распластанными крыльями и лапами, колибри, нарисованная на плоской вершине холма, гигантский злоеущий тарантул, крокодил, которому Панамериканское шоссе отсекло хвост.

Каждый рисунок выполнен одной непрерывной линией. Сделав множество поворотов, она заканчивается там же, где началась. На примере крокодила хорошо видно, как трудно было создавать эти рисунки. Ведь кривые представляют собой сопряженные дуги. Чтобы вычертить такую кривую, в почву забивали колышек, привязывали к нему веревку нужной длины и проводили по земле дугу.

Исследовав такой колышек методом радиоуглеродного датирования, ученые установили: изображения на плоскогорье Наска сделаны в VI–X веках нашей эры. Казалось бы, при здешних песчаных бурях линии, фигуры и рисунки должны быть давно стерты с лица земли, но они веками остаются в неизменности. Над плато висит знойная бесцветная дымка. Черنو-бурый камень

активно поглощает тепло. Видимо, именно горячая воздушная подушка защищает узоры плоскогорья Наска от разрушения.

Неизбежен вопрос: ради чего тысячу лет назад проделали люди эту титаническую работу? С какой целью создавались изображения? Многие считают, что линии, фигуры и рисунки имели культовое назначение.

Однако такое предположение сомнительно. Любые ритуальные объекты — храмы и гробницы, колокола и барабаны, костры и факелы — должны прежде всего, воздействовать на чувства людей. А ведь загадочные изображения плато Наска с земли не воспринимаются. Остается предположить, что они предназначены для обитателей небес. К тому же авторы рисунков были явно пристрастны к существам летающим...

В городе Наска с довоенных лет живет немка по имени Мария Райхе. Она была помощницей и спутницей американского историка Пола Косока, который считается первооткрывателем узоров плоскогорья Наска. Свою книгу «Тайна пустыни» она начинает так:

«За многие века до инков на южном побережье Перу был создан исторический памятник, не имеющий себе равных в мире и предназначенный для потомков. По масштабам и точности выполнения он не уступает египетским пирамидам».

Косок занимался изучением Месопотамии, в частности, той роли, которую играла ирригация в жизни древних народов. У него возник интерес и к системам орошения в Южной Америке, особенно на засушливом тихоокеанском побережье Перу. Ученый решил обследовать этот район с низколетящего самолета. К тому же до него дошел слух, что летчики видели на приморских плоскогорьях какие-то линии, похожие на марсианские каналы. Когда Косок опубликовал сообщение о своем открытии с приложением фотографий, ему не хотели верить. Ведь по краю плоскогорья Наска проходит Панамериканское шоссе. Во время его строительства там побывали сотни людей. Как же никто из них не заметил линий и рисунков?

Пол Косок рассказал о своем открытии в канун Второй мировой войны. Человечеству было не до того. К загадке Наска вернулся швейцарец Эрих фон Деникен, автор книги и фильма «Воспоминания о будущем». Деникен выдвинул гипотезу, впоследствии нашедшую отклик: не связаны ли загадочные изображения с внеземными цивилизациями?

По его мнению, Пампа-де-Наска могла служить космодромом, подавать с Земли какие-то знаки инопланетянам.

Сторонники космической гипотезы напоминают об одном древнем наскальном изображении. На тихоокеанском побережье

Перу есть поселок Паракас. На склоне горы, спускающейся к морю, издавна красуется гигантское изображение не то трезубца, не то канделябра. Не был ли исполинский трезубец на скале путевым указателем для тех, кто направлялся к плоскогорью Наска с небес?

Существует еще одна гипотеза, хотя и земная, но не менее фантастическая. А что если какая-нибудь древняя цивилизация (может быть, народ Атлантиды) умела приручать летающих ящеров и использовать их для перемещения по воздуху? Если так, то не для них ли предназначался аэродром в Наска?

В странах Латинской Америки широко распространен миф о крылатом змее. Кецалькоатль был предметом поклонения у древних ацтеков и майя на территории Мексики. У всех латиноамериканских народов есть предание о загадочных бородатых людях, которые прилетали откуда-то на крылатых змеях.

По мнению Пола Косока, линии, фигуры и рисунки Наска представляют собой астрономическую карту, что-то вроде гигантского Зодиака. Его догадку на протяжении нескольких десятилетий старалась подтвердить Мария Райхе. Она обнаружила линию, которая точно указывала на место захода солнца в день летнего солнцестояния между VI и X веками нашей эры, то есть, когда, судя по всему, создавались изображения на плато Наска. Как тут не вспомнить загадочный Стоунхендж на Британских островах! Камни этого культового сооружения тоже ориентированы по восходу и заходу в день солнцестояния.

После посещения плато Наска вспоминаешь слова Альберта Эйнштейна: «Самое прекрасное, что мы можем испытать, — это ощущение тайны. Она есть источник всякого подлинного искусства и всей науки. Тот, кто никогда не испытал этого чувства, кто не умеет остановиться и задуматься, охваченный робким восторгом, тот подобен мертвецу, и глаза его закрыты».

Самый лучший подарок к полувековому юбилею работы в журналистике сделала мне «Российская газета». Она предоставила мне право каждую субботу выступать на ее последней полосе с персональной колонкой «Путешествие». Эти заметки о моем путешествии во времени и в пространстве регулярно печатаются с осени 2001 года. Они и послужили основой данной книги. Наверное, у каждого человека наступает пора, когда хочется привести в порядок воспоминания о прожитом и пережитом. Мне выпало немало испытаний, но на судьбу жаловаться грех. Всю жизнь занимаюсь любимым делом, повидал мир. Удачно сложилась личная жизнь — в разгар работы над этой книгой отметил золотую свадьбу. Что еще нужно для счастья?

Мое творческое кредо — вооружить людей правильной методикой восприятия зарубежной действительности. Суть ее такова: нельзя мерить другие народы на свой аршин.

Хочу повторить, что моя книга о японцах «Ветка сакуры», как и книга об англичанах «Корни дуба», — это как бы путеводитель по душе зарубежного народа. Особенности национального характера дают ключ к познанию чужой страны, к подлинному пониманию ее реалий.

Неудержимо ускоряющийся процесс глобализации мирохозяйственных связей сделал особенно актуальной проблему сохранения национальной самобытности. И здесь, по моему убеждению, человечество должно избрать не унификацию (поголовное навязывание западных, точнее, англо-саксонских стандартов), а принцип симфонизма, при котором культура каждого народа сохраняет собственное неповторимое звучание, словно музыкальный инструмент в гармонично слаженном оркестре.

Изречение Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток» — должно уйти в прошлое вместе с веком колониализма. Если уж оперировать привычными терминами, нынче более правомерна формула «Нет Запада без Востока, нет Востока без Запада».

Однако у многих россиян превалирует «инстинктивный европоцентризм» — привычка сводить истоки общечеловеческой цивилизации лишь к древнегреческому искусству, римскому праву, христианской морали. Все же остальное, мол, — «восточная экзотика», отклонение от нормы, иначе говоря, варварство.

Между тем мы, россияне, не столько европейцы, сколько

евразийцы. В крови наших предков смешалось много истоков. Нам негоже отречься от азиатских, в том числе от тюркских корней. Не зря Вольтер шутил: поскреби любого русского — получится татарин.

Разговоры о несовместимости Запада и Востока были когда-то свойственны хозяевам колоний, а в наши дни вошли в моду у глобалистов, предрекающих «войну цивилизаций». Дабы унифицировать мир, подстричь всех под одну гребенку, они распространяют ложные стереотипы. Дескать, Запад — это гуманизм, Восток — деспотизм, Запад прокладывает путь в будущее, Восток цепляется за прошлое.

Нелепо утверждать, будто Запад всегда изобретал, а Восток перенимал. В Средние века у европейцев прижились арабские цифры, именно с Востока пришли на Запад достижения математики, астрономии, медицины. А кто, как не китайцы, дали миру бумагу, компас, порох?

Европейцам 1572 год напоминает о Варфоломеевской ночи, когда католики учинили кровавую расправу над гугенотами. В том же самом году мусульманский правитель Индии Акбар провозгласил религиозную терпимость основой государственной политики.

За полвека в журналистике мне довелось посетить три дюжины стран, повидать много чудес света, то есть выдающихся сооружений различных эпох. И даже не будучи археологом, а лишь опираясь на личные впечатления, я вновь и вновь поражался тому, насколько взаимосвязан и взаимозависим наш многоликий мир. При всех различиях национальных культур, религий и цивилизаций их корни тесно переплетены. С глубокой древности народы общались между собой и обогащали друг друга гораздо больше, чем это можем представить себе мы — современники Интернета, телевидения и реактивных авиалайнеров.

Напомню факт, касающийся христианства и ислама — вроде бы двух наиболее непримиримых религий. Более тысячи лет Софийский собор в Константинополе (Стамбуле) был самым крупным христианским храмом в мире. Захватив город в 1453 году, турки превратили его в мечеть. Они замазали известью мозаики под куполом, пристроили четыре минарета. Но архитектурный прототип византийской христианской церкви остался тот же. А его тиражируют по свету как эталон мусульманской мечети.

Со вторым подобным парадоксом я столкнулся в мексиканском городе Пуэбло. Католический собор, построенный там испанцами в XVI веке, неожиданно напомнил исторические памятники Самарканда. К центральному portalу в стиле барокко

примыкают гладкие стены, покрытые изразцами с растительным орнаментом. Изразцами же облицован и голубой купол, символизирующий небесный свод со звездами и Луной. Дело в том, что конкистадоры пришли в Пуэбло из Кордовы. А жители юга Испании долго находились под властью мавров и пропитались духом мусульманской архитектуры.

Мне выпало счастье побывать в пещерных храмах Дуньхуана в Китае и Аджанты в Индии, полюбоваться прославленными фресками. При всей их самобытности поражает несомненное сходство художественных приемов с искусством античной Греции. В Иране на развалинах Персеполя, построенного персидским царем Дарием, чувствуется влияние Египта и Ассирии. И уж вовсе удивительна близость тибетской архитектуры, например дворца Потала в Лхасе, к древним памятникам доколумбовой Америки — храмам инков в Перу, майя и ацтеков в Мексике.

По Великому шелковому пути, по пути «из варяг в греки» и другим древним маршрутам двигались не только караваны и ладьи с товарами. Торговле всегда сопутствовал духовный обмен. Наш разноликий мир целостен и взаимосвязан. И был таким с глубокой древности, задолго до космических полетов и сотовой связи. Уважая самобытность различных национальных культур, мы не должны забывать о том, сколь тесно переплетены их корни.

Хочу, чтобы читатель смотрел на мир без предвзятости — как без национального чванства шовинистов, так и без свойственной глобалистам обезлички. И я рад, что теперь у россиян больше возможностей воочию увидеть это «единство в многообразии», которое и составляет главную красоту нашей планеты.